This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

5 lav 1460.7B

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ

ПОТАЕННАЯ

ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛѢТІЯ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Н. ОГАРЕВА.

ЛОНДОНЪ
TRÜBNER & Co., PATERNOSTER ROW.
1861.

Slav 1460.7
B

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAR 3 1961
62*21

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде всего мы должны извиниться въ недостаткахъ этого изданія. Неполнота и ошибочность рукописей, затруднительность получать книги изъ Россіи—не разъ ставили насъ въ невозможность исправить что̀ казалось ложнымъ для уха и смысла, и вовлекали къ печатанію уже напечатаннаго въ Россіи.* Послѣднее конечно неисправимо, за то и не важно; но первое заставляетъ насъ просить нашихъ почтенныхъ библіофиловъ присылать намъ поправки и пополнять пропуски, доставлять—на

* У насъ даже нѣтъ Геннадіевскаго изданія Пушкина. Изъ напечатанныхъ въ Россіи стихотвореній, мы завѣдомо помѣстили только одну пьесу Пушкина : "Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ"—каемся—только потому, что намъ стало жаль не помѣстить ее. Мы просимъ читателей взглянуть въ примѣчанія въ концѣ книги, чтобы замѣтить стихотворенія, къ которымъ они относятся. Наши, увы, слишкомъ немногія свѣденія доставались намъ въ продолженіи печатанія книги и потому мы не могли въ текстѣ помѣстить знаки сносокъ на примѣчанія.

сколько возможно—свѣденія о годахъ, когда какое стихотвореніе было написано, по какому поводу, съ какимъ участіемъ или равнодушіемъ бывало принимаемо публикою. Подобныя свѣденія помогли бы намъ, со временемъ, дать нашему сборнику настоящее значеніе, объяснить впечатлѣнія общественной жизни на пишущихъ, прослѣдить связь исторіи съ личной дѣятельностью, состояніе самаго общества, его образъ мыслей и настроеніе, силу и безсиліе, ходъ его паденій и возникновеній, указать разомъ на общность его движенія и на отдѣльныя попытки мелкихъ и крупныхъ дѣятелей. Наступило время пополнить литературу процензурованную литературой потаенной, представить современникамъ и сохранить для потомства ту общественную мысль, которая прокладывала себя дорогу, какъ гамлетовской подземной кротъ, и являлась негаданно, то тутъ, то тамъ, постоянно напоминая о своемъ присутствіи и призывая къ дѣлу. Въ подземной литературѣ отыщется та живая струя, которая давала направленіе и всей бѣлодневной, правительствомъ терпимой литературѣ, такъ, что только въ ихъ совокупности яснымъ слѣдомъ начертится историческое движеніе русской мысли и русскихъ стремленій. Конечно, въ задачу долженъ бы входить не только стихотворный отдѣлъ, но и проза. Но прозу собрать гораздо труднѣе, чѣмъ кажется. Она раз-

бросана въ мемуарахъ и частныхъ письмахъ, извѣстныхъ только немногимъ и тщательнѣй скрываемыхъ чѣмъ стихи, изъ боязни слишкомъ опредѣленно подвернуться подъ долгую лапу жандарма. Проза научная, недоступная пониманію цензора, вѣроятно представляетъ немного пропусковъ и потому рукописи рѣдко сохранялись; отдѣлъ повѣстей, не пропущенныхъ цензурой, также не можетъ быть обширенъ; но записки и письма... дѣло великое. Прослѣдить — какъ къ общему дѣлу относились таланты всѣхъ размѣровъ, кто и какъ принималъ участіе, какъ извѣстный взглядъ на вещи, общая скорбь и общая надежда отзывались въ даровитыхъ писателяхъ, какъ заставляли хвататься за перо и менѣе даровитыхъ, но сердцемъ чистыхъ людей, и какъ вынуждали подать голосъ и такихъ, которые въ сущности не были люди общему дѣлу преданные, но подчинялись вѣянію, бывшему въ воздухѣ,—это задача, достойная разработки. Если наши библіофилы помогутъ намъ когда нибудь напечатать, за наше столѣтіе, сборникъ записокъ и писемъ нашихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ дѣятелей, живыхъ и мертвыхъ, эти пропадающіе отрывки изъ жизни многихъ людей, которымъ ничто человѣческое не было чуждо, ярко возстановили бы исторію нашего развитія; наше столѣтіе для насъ также важно, какъ XVIII столѣтіе для

Франціи, и имѣетъ съ нимъ безконечно много общаго, о чемъ мы еще поговоримъ, хотя и не въ этомъ предисловіи. По покуда у насъ нѣтъ средствъ добраться до прозаической потаенной литературы, мы начинаемъ нашъ сборникъ съ стихотворнаго отдѣла и попытаемся прослѣдить наше гражданское движеніе въ стихотворной литературѣ.

Мы собирали и станемъ собирать все что возможно, все что было и что теперь прибываетъ. Мы не гонялись за выборомъ произведеній исключительно художественныхъ. Мы не устраняемъ—какъ еще недавно было общепринятымъ мнѣніемъ — возможность совпаденія политическаго содержанія съ изящно-поэтической формой. Мы убѣждены, что въ нее способно облечься всякое живое содержаніе. Красота женщины, колыханіе моря, любовь и ненависть, философское раздумье, тоска Петрарки, подвигъ Брута, восторгъ Галилея передъ великимъ открытіемъ и чувство, внесенное въ скромный трудъ Оуэна—все это составляетъ для человѣка поэтическое отношеніе къ жизни. Математическая формула скорости паденія тѣлъ, какъ общее отвлеченное понятіе, остается сама по себѣ, въ своей истинѣ, но мимо живаго человѣка; но живая жажда знанія, сила вдумыванія, преданность Ньютона своей задачѣ —были поэзіей его жизни и не враждебны кисти художника. Не будь поэзіи въ дѣйствіи и созер-

ціи человѣка, въ самой рефлексіи, столь гонимой нѣмецкой эстетикой—и надо бы исключить драму изъ области искуства, и лирическій монологъ Фауста подвергнуть опалѣ. И кто-же можетъ вѣрить, чтобы живое стремленіе къ общественному благу, лирическая перестройка общественныхъ отношеній и сопряженныя съ ними политическія ненависти и восторги — были недоступны для художественной формы? Дѣло не въ невозможности поэтическаго слова для политическаго содержанія, а въ силѣ таланта самаго поэта. Великихъ ученыхъ очень немного: у большинства людей по вѣтрености и нуждѣ житейской, сила мышленія разтрачивается на мелочь цѣлей и отношеній. Великихъ поэтовъ еще меньше: сила впечатлительности еще больше разтрачивается по вѣтру и не дорастаетъ до живаго выраженія впечатлѣній. Изъ великихъ поэтовъ — далеко не на всѣхъ современное общественное положеніе и современныя потребности производили бѣльшее, или по крайней мѣрѣ равносильное впечатлѣніе, въ сравненіи съ остальными явленіями жизни. Слѣдственно художественныхъ произведеній политическаго содержанія необходимо должно быть меньше, чѣмъ художественныхъ произведеній всякаго иного содержанія. Гоняться за исключительно художественными политическими стихотвореніями не только въ нашей юной литературѣ, но ни въ какой вѣками

накопленной литературѣ народовъ, старшихъ по исторіи, было бы невозможно. Да оно и не могло подойти подъ нашу цѣль : намъ надо было собрать сколько и насколько наша общественная жизнь вызвала въ стихотворной литературѣ проклятій и надеждъ, кто бы ни выражалъ ихъ — великій художникъ, или просто хорошій человѣкъ, или человѣкъ, минутно поддавшійся общему благородному движенію.

По мимо всякаго мастерства или неловкости отдѣлки, наши противуцепсурныя стихотворенія, большей частью, лирическія. Они лирическія даже въ своихъ поползновеніяхъ на эпическую и драматическую форму. Это очень естественно : два чувства искали себѣ выраженія внѣ цензуры — негодованіе на настоящее и надежда на будущее, отчаяніе со всѣми своими уродливыми уклоненіями, и упованіе со всею гоньбою за слишкомъ общими неопредѣленностями и слишкомъ неясными отдѣльными цѣлями. Иронія — отъ шаловливой шутки до ѣдкой эпиграмы на голо,* плачъ — отъ элегической тоски до пафоса страданія, постоянно перемѣшиваются съ ожиданіемъ перемѣны въ будущемъ вообще, освобожденія славянскихъ племенъ въ особенности, и посреди горькаго смѣха, унылыхъ напѣвовъ и восторженныхъ упованій, порою разда-

* У насъ нѣтъ эпиграммъ Соболевскаго.

ется кличъ на подвигъ, вызовъ на дѣло. Для всего этого лирическая форма была естественнѣе; она не требовала большихъ художническихъ соображеній; въ нее легко укладывалась всякая боль, отъ мгновеннаго впечатлѣнія, всякій проблескъ надежды. Весь этотъ родъ поэзіи, гдѣ въ основаніе произведенія поставлено *я* поэта и его взглядъ и настроеніе, и всѣ виды этой поэзіи отъ оды до эпиграмы, такъ приложимы къ впечатлѣніямъ политической и гражданской жизни, что ими спѣшатъ воспользоваться не только записные стихотворцы, но и люди, которые взялись за стихъ на одинъ разъ, для одного отзвука на внезапное потрясеніе. Тутъ участвуютъ не только первоклассные и второклассные, но и вовсе безклассные таланты, или даже не таланты, а просто люди, которымъ показалось, на этотъ разъ, удобнѣе сказать свою мысль стихами, выразить свое чувство мѣрными строчками, заострить риѳмою оплеуху государственному подлецу или власть имущему.

Пробужденіе людей изъ дремоты, необходимость сказать свое слово—совпадаетъ у насъ съ двумя рѣзкими историческими, кровавыми эпохами, съ двумя нашествіями Европы на Россію, съ войною противъ старшаго Наполеона и съ войной противъ младшаго Наполеона. Какъ скоро война кончается, тотчасъ усиленно поднимается гражданскій вопросъ. То-ли—люди, опомнившись, спрашиваютъ другъ у

друга : изъ за чего же мы дрались? Неужто изъ за царя, насъ въ три погибели гнущаго, изъ за порядка вещей, въ средѣ котораго дышать нельзя? Или успокоившись отъ потери крови и достояній, люди просто хотятъ по лучше устроить свою жизнь? Или общественная мысль, медленно копившаяся въ мирное время, прорвала себѣ исходъ, при судорожномъ сотрясеніи войны, и требуетъ удовлетворенія? Или все вмѣстѣ?... Какъ бы то ни было—никогда столько не писали и прозы и стиховъ, внѣ цензуры, какъ въ десятилѣтіе послѣ 1815 и послѣ 1854 года. Но при всемъ сходствѣ, при всей очевидности, что наше дѣло есть продолженіе того дѣла, характеръ обоего времени содержитъ существенныя различія, сколько во взглядѣ и потребностяхъ, столько и въ самихъ личностяхъ, вращаемыхъ общемъ движеніемъ. Съ двадцатыхъ годовъ наши потребности уяснились, пониманіе выросло, а люди тѣхъ годовъ —нельзя не сознаться—были сильнѣе. Между ихъ энергіей и нашимъ пониманіемъ тяжеловѣсно легло николаевское царствованіе. Послѣ неудавшейся попытки 14 Декабря, подъ постепенно возрастающимъ нажимомъ власти, личныя силы мало по малу притихали. Съ 25го года до 50^хъ^ годовъ не только цензура усиливается, но и потаенная литература высказывается рѣже и рѣже, никогда не смолкая совершенно. Задушить безмолвную мысль прави-

тельство не могло; самое положеніе края вызывало ее на болѣе строгій взглядъ, на болѣе строгое наблюденіе; складъ общественной жизни становился яснѣе и смыслъ общественныхъ нуждъ и потребностей принималъ болѣе широкіе размѣры. *Только* перемѣна правительства, *только* переворотъ вверху, безъ преобразованія внизу, безъ самоустройства народа, —становились болѣе и болѣе чуждыми общему сознанію. Затихнувшая Европа давала намъ больше толчковъ къ изученію, къ постановкѣ вопросовъ, чѣмъ къ гражданской дѣятельности; она знакомила насъ съ теоріей, пріучала къ систематическому мышленію германской науки и сближала съ противуположными ея собственной почвѣ идеалами соціальныхъ предположеній. Въ тридцатыхъ годахъ у насъ кончаются всякія попытки политическихъ обществъ; они, не сложившись, притихаютъ подъ слѣпыми ударами тайной полиціи, попадающей въ цѣль, потому что безпрестанно бьетъ безъ разбора на право и на лѣво; но притихаютъ, тая несомнѣнныя зачатки соціальныхъ стремленій. Въ сороковыхъ годахъ протестъ критики противъ существующаго порядка вещей и художественный протестъ противъ пошлости и недобросовѣстности обыденной жизни пробиваютъ себѣ дорогу сквозь цензуру, и снова, и еще упорнѣе сгнетаемые—умираютъ съ Бѣлинскимъ и заживо хоронятся съ Гоголемъ. Въ это время

поэзія, въ своихъ высшихъ представителяхъ — Лермонтовѣ и Кольцовѣ—достигаетъ до отсутствія гражданской мысли и потребности, только рѣзко сохраняя слѣдъ надломленной, подавленной, но всё же сильной и изящной жизни, и жажды воли неопредѣленной и безграничной. Между тѣмъ тоже научное движеніе заставляетъ вглядываться въ собственный народный складъ, разлагать его на историческія и экономическія данныя и искать на сколько онъ осуществляетъ соціальныя идеалы. Начало пониманія народности безспорно принадлежитъ славянофиламъ, и—хотя увлеченные собственнымъ трудомъ и задачею — они смѣшивали элементы съ идеаломъ и искали идеала въ прошедшемъ, тѣмъ не менѣе первое органическое, зиждущее движеніе мысли принадлежитъ имъ. Критика входитъ въ враждебное состязаніе, будто во имя европейской науки, въ сущности только отказываясь отъ признанія элементовъ за идеалы. Кажется, что тутъ два параллельныя движенія, которыя никогда не встрѣтятся; въ сущности—это только движеніе къ одной цѣли изъ двухъ разныхъ точекъ отправленія и они сойдутся въ разработкѣ основаній для русскаго гражданскаго развитія, въ уясненіи общественнаго идеала его возникновеніемъ изъ фактическихъ данныхъ народной жизни. Все теоретическое броженіе умовъ происходило въ отдѣльныхъ круж-

кахъ, на столько ограничиваясь словопреніемъ, что мысль о какомъ нибудь общественномъ переворотѣ въ дѣйствительности—не приходила въ голову, или заслонялась совершеннымъ безвѣріемъ въ собственныя силы. Энергія тратилась на слова. Теоретическій фанатизмъ держался, мечтая, что вотъ онъ-то и приноситъ жертву на алтарь отечества; но и онъ начиналъ утомляться. Личности стирались до какого-то безплоднаго блужданія тѣней. Поверхъ всего разтилалась, въ массѣ военно-канцелярскаго порядка, личность Николая Павловича, повторяемая, въ разныхъ размѣрахъ, каждымъ чиновникомъ отъ генерала до будочника, замѣняя силу собственной личности—властью приходящеюся по мѣсту и званію, развитіе внутренней мысли — формализмомъ, и жажду подвига — безнаказанностью кулака. Очевидно, при такихъ условіяхъ, по мѣрѣ того какъ въ обществѣ стиралась доблесть личностей, въ правительствѣ стирались способности. Общество уже не выдѣляло въ правительство людей даровитыхъ; гражданская доблесть безплодно тонула въ черноработныхъ рядахъ канцелярій. Посредственность и недобросовѣстность дружно пролагали себѣ дорогу. Что же могло выйти изъ этого?... Общественная мысль разрослась въ словопреніяхъ, а правительство оказалось бездарнымъ. Наступила минута тяжелаго молчанія; личности ни съ той, ни съ другой

стороны не выдвигались. Общество не смѣло не только дѣйствовать, но не смѣло говорить, а правительство не знало что начать; не встрѣчая возраженія въ обществѣ, ему только оставалось забыться до безумія. Оно и засумашествовало — сперва венгерской, потомъ турецкой кампаніей. Венгерская кампанія непріятно подѣйствовала на общественное сознаніе. Не только славянофиламъ, но и самымъ ярымъ западникамъ не приходило въ голову помогать Австріи. Офицеры шли не хотя, натягивая въ себѣ обязанность поддерживать честь знамени; солдаты не любили нѣмцевъ уже и потому, что не не любили своихъ генераловъ, но шли—по привычкѣ къ повиновенію. И тѣ и другіе ссорились съ австрійцами и принимали венгерскихъ плѣнниковъ съ распростертыми объятіями. И въ то время, когда Николай Павловичъ, одержавъ на маневрахъ подготовленную побѣду, и сидя верхомъ, снявъ каску и проливая въ три ручья слезы, крестился и неистово восклицалъ : "Повинуйтеся языцы, яко съ нами богъ!"*—въ то время народъ жался и ропталъ подъ тяжестью непрерывнаго рекрутства, помѣщики переставали платить долги и правительственныя финансы подтачивались разомъ отъ сановничьяго грабежа и отъ раззоренія края. Но ропотъ народа

* Истинное происшествіе, послѣ—не помню какихъ—маневровъ, разсказанное очевидцами.

развѣвался по степи, а шопотъ образованнаго меньшинства не выходилъ изъ своей тихомолки. Ни то, ни другое не составляло дѣйствительнаго возраженія, и правительство, закрывая глаза на собственную несостоятельность, мчалось безъ оглядки въ крымскую войну.

Въ это время, т. е. въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда общество и правительство доросли до черты перелома, послѣ которой правительство, безъ способныхъ личностей, должно было удариться въ безуміе; а общество, доросшее до сознанія, было готово начать выдвигать свои личности на поле дѣйствія, замѣчательно одно происшествіе, которое не имѣло громкаго отголоска, по крайней мѣрѣ ничего не потрясло, но тѣмъ не менѣе послужило указателемъ общественнаго настроенія и пророческимъ началомъ. Это было возникновеніе политическихъ обществъ въ дѣлѣ Петрашевскаго. Пятнадцать лѣтъ ихъ не существовало, такъ что мы безошибочно можемъ сказать, что собственно *наше* дѣло, въ 1834 г., было послѣднимъ изъ движенія двадцатыхъ годовъ, а дѣло Петрашевскаго первымъ изъ движенія пятидесятыхъ годовъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ строго составленнаго общества не оказалось; но въ нашемъ дѣлѣ развѣялись послѣднія попытки, а въ дѣлѣ Петрашевскаго воскресли первыя попытки на составленіе политическихъ обществъ. Мы на послѣдяхъ

примкнули къ соціальнымъ стремленіямъ; общество Петрашевскаго съ нихъ начало. Безъ сомнѣнія, потрясеніе цѣлой Европы, во имя отвлеченныхъ соціальныхъ стремленій, рожденныхъ нуждою, но не имѣвшихъ корня въ европейскомъ слоѣ, и сверхъ того отвращеніе возбужденное въ Россіи венгерской войной, — сильно заколебали наше праздноглаголивое сознаніе и подстрекнули друзей Петрашевскаго къ составленію правильнаго общества; но выросши изъ среды словопреній, общество поставило своимъ знаменемъ теоретическую задачу, которая еще не касалась народа, оставшагося хладнокровнымъ къ европейскому движенію, смотрѣвшаго на него съ равнодушіемъ человѣка, который чувствуетъ, что тамъ идетъ не его дѣло, поставлена не его задача. Вѣроятно, еслибъ общество Петрашевскаго продолжалось до нашего времени, оно сошло бы съ теоретическаго пьедестала на народную почву и поняло бы, что строить исторію можно только на имѣющемся фундаментѣ и изъ данныхъ матеріаловъ. Только сдѣлавшись народнымъ, политическое общество можетъ существовать, переходя отъ слова къ дѣлу, работая во имя преобразованія въ дѣйствительности, а не въ теоріи. Въ то время теорія не примыкала къ факту, слово не примыкало къ дѣлу, тайное общество не примыкало къ народу, и оно рушилось, послуживъ признакомъ, что черта между

правительствомъ и общественнымъ сознаніемъ пришла въ дрожаніе, и что попытка будетъ не послѣдняя.

Наконецъ правительство врѣзалось въ крымскую войну и оказалось побитымъ, раззореннымъ и съ совершеннымъ отсутствіемъ способныхъ личностей, и — что́ для него было еще прискорбнѣе — это паденіе пахло самоубійствомъ вслѣдствіе болѣзненнаго развитія; оно само себя доконало, раззоривши страну и притупивъ личности нравственно и умственно. Николай съ безсильной злобы умеръ, передавъ наслѣднику возжи правленія, вытянутые до ослабленія. Дѣлать было нечего—надо было вызвать личности изъ застоя, чтобъ выйти изъ собственнаго срамнаго положенія, и правительство безсознательно развязало языки. Общество вслухъ заговорило. Какъ бы мы ни были далеки отъ свободы слова, но сравнить то что можно говорить и печатать въ Россіи теперь, съ тѣмъ что говорилось и печаталось во время, близкое къ чертѣ перелома, т. е. въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ — разница огромная. Надо было призвать къ жизни раззоренный народъ и дать ему возможность оправиться, иначе нечѣмъ существовать — и вотъ правительство пошло на улучшеніе быта, выводъ изъ крѣпостной зависимости. Еслибъ правительство сказало просто, что идетъ на освобожденіе народа съ

землей — оно бы стало въ главѣ движенія и поправило бы свои финансы. Но изъ стертыхъ личностей, съ привычкою къ заведенному порядку, оно не могло создать живаго слова и не стоитъ во главѣ движенія; оно не открыло прямыхъ путей народнаго роста, но открыло крышку собственнаго, имъ самимъ себѣ приготовленнаго гроба. Между тѣмъ общество изъ стертыхъ личностей, съ привычкой къ словопренію, какъ ни силится — не можетъ еще дойти до дѣла и находится въ состояніи многоглаголанія — отъ безконечныхъ разсужденій до безконечныхъ ругательствъ, въ которыхъ вращаются недосказанныя, свои и чужеземныя теоріи и мелкія самолюбія, раздраженныя долгимъ застоемъ и собственной неспособностью къ дѣлу. На этомъ остановилось наше *сегодня*. Но жизнь не остановилась, обстоятельства усложняются, народныя потребности растутъ, и наконецъ вызовутъ изъ раскачавшагося общества дѣйствительныхъ дѣятелей, способныхъ на дѣлѣ разработать ростъ изъ существующей почвы и слѣдственно нераздѣльныхъ отъ народа. Наши сильныя личности впереди. Гдѣ они—въ мундирахъ съ эполетами, или на школьныхъ скамьяхъ, или въ самой средѣ крестьянства? Кто ихъ знаетъ? Вѣроятно и тутъ и тамъ, и ищутъ другъ друга.

XVIII столѣтіе русское передало нашему столѣтію отрочески сложившійся языкъ, готовый къ возму-

жанію, а XVIII столѣтіе европейское внесло разомъ и философскій революціонаризмъ Франціи и мистическій либерализмъ Германіи. Сложность историческихъ разнорѣчащихъ вліяній и явленій своеобычно разросталась въ ткань перепутанныхъ данныхъ, изъ которыхъ существенное движеніе вырабатывается такъ трудно и медленно, что результаты достигаются вѣками. Ученица Вольтера, монархиня-философъ писала наказъ, подходящій чуть ли не подъ точку зрѣнія Мирабо, и въ то-же время лукаво душила Польшу, покровительствовала барству, увеличивала налоги, раздавала людей въ крѣпостное состояніе, ссылала Радищева, болѣе ея искренняго и благороднаго ученика Вольтера и преслѣдовала Новикова выращавшаго изъ тумановъ германскаго мистицизма и прекраснодушія ненависть къ насилію и самовластію. Поэзія оставалась монархическою въ лицѣ своего высшаго представителя Державина; духъ Франціи XVIII столѣтія блѣдно прорывался у небездарнаго Капниста и недаровитаго Княжнина, и и ярко блестѣлъ у Фонъ-Визина. Народъ оставался въ сторонѣ; его вопросъ не только не выходилъ на свѣтъ божій, но вколачивался правительствомъ въ черную немощь крѣпостнаго права, въ то самое время, когда въ верхнихъ слояхъ общества робко начинала мелькать ненависть къ самовластію. Но все же народный вопросъ хранился въ условіяхъ жизни.

Само барство было только отдѣломъ народа; оно не было чужое; въ ихъ отношеніяхъ лежала не вражда разноплеменная, а междоусобіе. Само государство выросло на безмолвномъ пирамидальномъ основаніи народной жизни. Сама монархическая поэзія называла народъ "исполиномъ, царю послушнымъ," но невольно признавала его существованіе. Литература проникнутая чужеземнымъ содержаніемъ и кадившая правительству, сложившемуся на нѣмецкой ладъ, эта литература все же говорила русскимъ языкомъ и доискивалась своей формы. Потребность выработать свой языкъ и форму, начавшаяся съ Ломоносова, стала такъ неодолима, что на этомъ сосредоточивается вся дѣятельность Карамзина и Жуковскаго, и въ этой исключительной работѣ проходитъ все начало XIX столѣтія. Откуда же было взять языкъ и форму? Очевидно языкъ брался у народа, но его надо было очистить по европейскому образцу. Форму можно было искать и тутъ и тамъ, и въ народной пѣсни и сказкѣ, и у европейскихъ писателей. Но народная пѣсня однообразна, содержаніе сказки не больше тревожитъ сердце, чѣмъ греческая Иліада; а европейское вліяніе и участіе въ умственномъ движеніи Европы было такъ живо, что стихотворная форма европейская казалась сподручнѣе, и за русскій мотивъ приходилось браться не хотя, только по невольному чувству одноплеменности

литературы и народа. Отъ этого, раскапывая русскую лѣтопись, Карамзинъ перекладываетъ ее на языкъ Рейналя и явленіе Іоанна грознаго обсуживаетъ съ точки зрѣнія общей французской статьи XVIII вѣка — о вредѣ деспотизма. Отъ этого Илья Муромецъ имѣетъ русскаго, только стихосложеніе, и Свѣтлана пахнетъ Ленорой. Конечно является и поползновеніе на чисто народный складъ рѣчи, но такъ какъ эта рѣчь въ сущности не знакома отдѣлившемуся барству и литературѣ, то это поползновеніе является въ смѣшномъ видѣ возвращенія къ церковно-славянскому языку, безъ сомнѣнія, менѣе русскому, чѣмъ объевропеившійся литературный языкъ. Тѣмъ не менѣе школа Шишкова служитъ первымъ указаніемъ, предчувствіемъ того, что задача литературы—задача народная. Въ забавной враждѣ съ чужеземнымъ, въ тяжеломъ переводѣ иностранныхъ словъ на искуственный русскій языкъ — возникаетъ стремленіе вглядѣться въ начало собственной народной жизни. И въ то время, когда Карамзинъ вноситъ общее либеральное содержаніе Вольнеевыхъ "развалинъ" въ рускую исторію, Шишковъ тяжеловѣснымъ славянскимъ нарѣчіемъ отстаиваетъ въ государственномъ совѣтѣ дѣйствительныя народныя нужды. Такимъ образомъ въ литературѣ сводятся: общія европейскія понятія гражданской свободы, первыя заявленія народныхъ нуждъ, — и исключи-

тельное выработываніе изящнаго языка и изящной формы въ поэзіи. Послѣднее достигаетъ у Жуковскаго внѣ всякой гражданской мысли, до значительнаго совершенства; и молодое поколѣніе наслѣдуетъ разомъ чувство политической свободы съ опредѣленнымъ европейскимъ содержаніемъ и предчувствіемъ какого-то собственнаго народнаго вопроса, и чувство художественности поэтической формы. Въ это время создался царскосельскій лицей и подступила война 1812 года.

Пушкинъ, со школьной скамьи, слѣдилъ за необычайнымъ движеніемъ народа и народовъ. Возбужденность общаго настроенія не могла не вызвать всѣхъ внутреннихъ силъ, таившихся въ его существѣ, прежде всего впечатлительномъ. Впечатлительность была его силой и слабостью; она выдвинула его до геніальности, и не разъ вовлекала въ грѣхъ — и въ частной жизни, и въ литературной дѣятельности. Страстная потребность дать отголосокъ на всякое явленіе жизни невольно приводитъ къ необходимости собрать впечатлѣнія въ гармоническую связь и мѣру; только сильно развитое, т. е. сильно впечатлительное ухо способно разнородные звуки связать въ гармонію. Впечатлительность, во всѣ направленія разомъ, дѣлала изъ Пушкина жизни - жаждущаго человѣка и великаго художника. Въ немъ судьба соединила всѣ условія, всѣ права на прямое наслѣд-

ство всего подготовленнаго въ русской литературѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нашего вѣка. Въ немъ пылъ африканской крови сочетался съ раздольно-спокойною славянской породой; впечатлѣнія дѣтства связывали его со всѣмъ объемомъ русской жизни—съ мирной красотой деревенской природы и сельскимъ (т. е. чисто народнымъ бытомъ), съ барствомъ, проникнутымъ философіей XVIII столѣтія, и съ кружкомъ людей, преимущественно занятыхъ литературой. Онъ принесъ въ Лицей уже готовую жажду сочувствія, потребность вдохнуть въ себя все неизвѣстное, сулимое жизнію, и неотступную чуткость къ ритму, который онъ ловилъ во всемъ окружающемъ. Онъ принесъ въ школу художническій смыслъ, готовый принять всякое вліяніе изящно. Сквозь всю его жизнь проходитъ и съ каждомъ годомъ ростетъ изящность формы его произведеній; содержаніе мѣняется, но сохраняетъ и развиваетъ всѣ задатки, вынесенные изъ дѣтскаго и отроческаго возраста, задатки первоначальныхъ и потому неизгладимыхъ впечатлѣній. Такъ онъ сохранилъ, съ дѣтства всосанный, свѣтлый скептическій реализмъ философіи XVIII столѣтія, сквозь всѣ попытки на мрачные идеалы байронизма; такъ онъ разомъ довелъ любовь къ изящной сторонѣ старинаго барства до уродливой сословной спѣси, и глубоко уловилъ русскій народный мотивъ, народ-

ную пѣсню, народные образы (въ тѣсномъ смыслѣ не только національнаго, но простонароднаго) и выразилъ съ геніальнымъ мастерствомъ. Вопросъ о его народности и ненародности, недавно возникшій въ нашей литературѣ, не меньше празденъ какъ и вопросъ о міровомъ содержаніи и значеніи поэтовъ. Если судить о народности, въ смыслѣ простонароднаго, на томъ основаніи читаетъ или не читаетъ поэта простой народъ, то мы едва ли начтемъ больше двухъ народныхъ поэтовъ въ цѣлой Европѣ, по очень простой причинѣ : простой народъ также не читаетъ въ Европѣ, какъ и у насъ. И въ Европѣ, какъ и у насъ, простой народъ не имѣетъ доступу къ образованію, частью потому что ему некогда, его время поглощено подённымъ трудомъ; частью потому, что богатыя сословія преднамѣренно не допускаютъ его до образованія. Только случайныя обстоятельства знакомятъ народъ съ его поэтами ; для этого надо, чтобъ поэтъ жилъ въ его средѣ, чтобъ народъ его не то что читалъ, а слушалъ. Такъ является Барнсъ въ Шотландіи, Барнсъ, живущій и поющій посреди горныхъ пастуховъ, и потому затверживаемый ими и передаваемый изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ Беранже въ Парижѣ, и то только въ Парижѣ, потому что французское сельское населеніе поётъ на иной мотивъ, мотивъ, который раздавался въ операхъ Гретри и Боэльдьё, въ квартетахъ Онслова и кото-

рый мало имѣетъ сходства съ парижскимъ водевильнымъ напѣвомъ. Вездѣ литература недоступна массамъ; Байронъ ненавидимъ высшими сословіями въ Англіи, но не знакомъ простонародію. Шекспиръ знакомъ городскому населенію, потому что оно встрѣчается съ нимъ въ театрахъ. Гёте и Шиллера знаетъ Германія, прошедшая черезъ университеты, а не Германія, работающая шесть дней, а на седьмой читающая исключительно библію и катихизисъ. Вездѣ литература достояніе горожанъ, а не народа. Пушкинъ также мало имѣетъ читателей въ нашемъ простонародіи, какъ и Кольцовъ; видно еще часъ народа не пробилъ. Но если судить о народности поэта по складу ума и рѣчи, то нельзя не признать Кольцова народнымъ поэтомъ—въ смыслѣ простонароднаго, и нельзя не сознаться, что Пушкинъ былъ и народнымъ поэтомъ. Чтобы литература стала нераздѣльна съ народомъ, какъ она была въ сказочномъ младенчествѣ обществъ, пока не выдѣлилось особо грамотное сословіе отъ работающаго и одинакій уровень вѣрованій выражался всюду въ формѣ пѣсни и легенды, чтобъ литература теперь стала нераздѣльна съ народомъ, надо воспитаніе массъ, т. е. надобны массамъ свобода въ жизни и досугъ для образованія, и надо чтобъ университеты, изъ своего городскаго, цѣховаго застоя, разбрелись по деревнямъ. Выростетъ ли изъ нашихъ скромныхъ

воскресныхъ школъ разсадникъ повсемѣстнаго образованія, а не просто грамотности? Поймется ли, что отсутствіе въ русскомъ языкѣ различія національнаго и народнаго указываетъ на то, что у насъ безсословность естественна, а различіе сословій явленіе натянутое длинной эпохой централизаціи, и съ нею обрѣчено на паденіе? что съ перваго шага учрежденія свободныхъ, т. е. неправительственныхъ школъ, у насъ возникаетъ необходимость общаго образованія? Когда это поймется, народъ создастъ своихъ поэтовъ и оцѣнитъ народность поэтовъ прежняго времени.

Мы сказали, что Пушкинъ *и* народный поэтъ, потому что его всеобъемлющая впечатлительность включала всякое содержаніе, отзывалась на всякое настроеніе и искала многоразличныхъ формъ, въ которыя вошла и народная форма, вошло и народное содержаніе. Стоитъ взглянуть на его *Балду*, на его *поминки*, на *Русалку*, чтобъ не усомниться въ его обладаніи народной стихіей. Его міровое значеніе (какъ выражались и еще выражаются) трудно опредѣлить не потому, чтобы нельзя было опредѣлить значенія Пушкина, но по неопредѣленности слова: міровое. Если оно относится исключительно къ политическому содержанію и вліянію поэзіи, то мы должны исключить Гёте изъ числа міровыхъ поэтовъ. Если оно относится къ научному содержанію, то

только одного Гёте и можно назвать міровымъ поэтомъ. Если слово міровое относится къ многоразличію, къ всеобщности содержанія — въ противуположность къ поэзіи исключительно занятой личнымъ чувствомъ, любовью къ женщинѣ, описаніемъ природы, или чѣмъ бы то ни было не общественнымъ и настроеннымъ только на одинъ тонъ,—то нельзя Пушкина не назвать міровымъ поэтомъ, потому что онъ касался всѣхъ явленій жизни. Если міровое значеніе относится вообще къ вліянію на современный міръ, то вліяніе Пушкина на русскій міръ было не меньше, чѣмъ вліяніе Гёте и Шиллера на германскій міръ. Что онъ не имѣлъ вліянія на Европу—это очень просто: мы для Европы простонародіе; изъ нашей среды небольшая кучка людей читаетъ европейское; а нашего Европа вовсе не читаетъ; наши интересы ей или чужды или враждебны. Для русскихъ Пушкинъ имѣетъ міровое значеніе: въ немъ отозвался весь русскій міръ и все европейское вліяніе на него, всѣ данныя, изъ которыхъ этотъ міръ сотканъ, и выразился своеобразный взглядъ на жизнь, и языкъ выработался до художественной полноты. До сихъ поръ пушкинская форма и пушкинской языкъ, настроеніе мысли и чувства—у насъ живы и не замѣнились новыми формами, и Пушкинъ остается родоначальникомъ и высшимъ представителемъ русской литературы

XIX столѣтія, сколько бы критика, "въ дѣтской рѣзвости, ни колебала его треножникъ."

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Онъ безмятежно разцвѣталъ—

взволнованная Россія сожгла Москву, отбилась отъ Наполеона, провела поперегъ Европы и вернула изъ Парижа домой войско, сознававшее побѣду и слѣдственно какую-то самостоятельность, силу неопредѣленную, но все же силу. Многіе изъ офицеровъ шли въ походъ, подготовленные къ мысли гражданской свободы знакомствомъ съ западной литературой прошлаго вѣка и съ самыми происшествіями, снесшими голову съ плечъ Лудовика XVI. Изъ дому, не смотря на весь внѣшній блескъ екатерининскаго царствованія, они могли вынести только чувство, что

Съ Екатериною прошла
Екатерининская слава,

и что злодѣйское убійство сумашедшаго злодѣя Павла I—не служитъ для нихъ преданіемъ, которое изъ особы царя дѣлало бы что нибудь неприкосновенное и священное. Въ дорогѣ они познакомились съ мистически патріотическими обществами нѣмцевъ, которые, избавясь отъ внѣшняго, чужеземнаго ига посредствомъ русскихъ штыковъ, почувствовали въ себѣ нѣчто въ родѣ героизма и домогались свергнуть внутреннее иго своихъ царьковъ малъ мала меньше; тутъ же наши офицеры встрѣтились и съ уничтоже-

ніемъ крѣпостнаго права и съ благородною дѣятельностью единственнаго настоящаго гражданина изъ нѣмцевъ—Штейна. Въ Парижѣ наши войска водворили конституцію. Обѣ струи—струя Радищева и струя Новикова—оживали съ удвоенной силой и сливались въ одну потребность положить начало гражданской свободы въ Россіи. Какъ нарочно, тотчасъ по водвореніи мира, перепутанныя историческія данныя стали совершенно запутываться въ головѣ, далеко не лишенной поэзіи, Александра I. Трагедія его внутренней жизни и разгромъ общихъ обстоятельствъ, можетъ, были слишкомъ сильны для этой личности, болѣе сродной къ полу-уединенному раздумью свободно-мыслящаго grand seigneur'a, чѣмъ къ государственному дѣлу. Вѣчно преслѣдуемый призракомъ убитаго отца, воспитанный либеральнымъ швейцарскимъ бюргеромъ, онъ съ начала царствованія стремился загладить память отцовскихъ неистовствъ человѣчнымъ обхожденіемъ съ людьми и либеральными учрежденіями; тонъ кордегардіи замѣнился изящностью обращенія, изъ Сибири возвращались ссыльные, заводились школы въ размѣрахъ университетскаго преподаванія. Мистическое настроеніе колебалось между энциклопедизмомъ Лагарпа и покаяніемъ въ отцеубійствѣ. Но когда обстоятельства поставили человѣка на вершину политическаго значенія, мистицизмъ покаянія пере-

путался съ мистицизмомъ власти, чувство страха передъ грядущими бѣдствіями съ чувствомъ, что онъ спаситель и освободитель народовъ, чувство мистическаго смиренія съ чувствомъ мистическаго всемогущества. Изъ этой внутренней, трагической запутанности—вышло стремленіе учредить Россію на военную ногу, чтобъ избавить отъ новыхъ нашествій, освободить народъ, сдѣлавши изъ него единое войско, проникнуть его духомъ мистическаго чувства провидѣнія и все соединить подъ благословенную десницу царя. А на дѣлѣ эта запутанность выразилась учрежденіемъ военныхъ поселеній, муштрованіемъ и пороніемъ солдатъ и покровительствомъ тайнымъ религіознымъ обществамъ. Въ публикѣ разомъ развились наклонность къ тайнымъ обществамъ и ненависть къ царской власти. Александръ совершалъ обязанности капрала въ кордегардіи, какъ таинство, обращалъ крестьянъ въ солдатъ изъ чувства священнодѣйствія; публика не могла примкнуть къ этой нелѣпости ни съ точки зрѣнія христіанскаго мистицизма, ни съ точки зрѣнія энциклопедизма, ни съ точки зрѣнія европейскаго образованія, ни съ точки зрѣнія практическихъ народныхъ потребностей. Самостоятельность войска, вынесенная изъ побѣдоноснаго шествія, доростала до семеновскаго бунта; образованная невоенная молодежь искала законности и думала объ освобожденіи крестьянъ:

то и другое соединялось въ обществѣ 14 Декабря, вызванномъ разомъ и привычкою къ религіознымъ тайнымъ обществамъ и необходимостью основанія политическаго тайнаго общества, потому что помимо его не видѣлось исхода.

Подъ этимъ вліяніемъ изящной формы жизни александровскаго времени, и противурѣчащаго ей управленія, подъ вліяніемъ усиливающейся ненависти къ власти, потребности свободы и преобразованій, подъ вліяніемъ создающагося политическаго общества, воспитывался Пушкинъ въ лицеѣ. Очевидно—первое впечатлѣніе, на которое онъ откликнулся, было впечатлѣніе политическихъ стремленій, и шестнадцатилѣтній поэтъ звалъ "музу пламенной сатиры съ бичемъ Ювенала." Товарищъ Пушкина—Пущинъ, бывши въ лицеѣ, уже принадлежалъ къ тайному обществу. Это вліяніе проникаетъ во всю дѣятельность поэта съ поступленія въ лицей до 1827 года. Оно отзывается во всѣхъ его произведеніяхъ, являвшихся въ печати. Оно слышится въ любви къ вольному племени въ *Кавказскомъ Пленникѣ*, въ жаждѣ воли, дышащей въ *Цыганахъ*. Герои обѣихъ поэмъ имѣютъ большую погрѣшность; они не герои русскаго міра, они придуманы подъ вліяніемъ Байрона; они и у Байрона не принадлежатъ ни къ какому дѣйствительному міру, потому что Байронъ создавалъ ихъ въ противуположность ему ненавистной

узкой рамкѣ, низменному нравственному уровню англійской жизни. Они (говоря языкомъ нѣмецкой философіи) и у Байрона — созданія въ антитетическомъ смыслѣ, точно такъ какъ соціальныя теоріи ничто иное какъ противуположность, антитезисъ европейской экономической и политической жизни въ ея цѣломъ складѣ и подробностяхъ. Ни то, ни другое не имѣетъ корня въ дѣйствительной почвѣ: Фурье создаетъ противуположность вѣчной войнѣ существующаго порядка разрозненныхъ общественныхъ силъ; Байронъ создаетъ свой идеалъ изъ всего, что противно англійскимъ понятіямъ. Это совпаденіе явленія соціальныхъ теорій и идеаловъ въ поэзіи, противуположныхъ существующимъ людямъ, чрезвычайно важно, указываетъ на единство происхожденія и изношенность людей и общественной основы. У насъ соціальный складъ составляетъ почву народнаго быта, у насъ требуется не соціальная теорія, а историческая постройка; отъ этого антитетическіе идеалы у насъ не привились, являлись какъ подражанія и исчезли, не достигнувъ никакой полноты поэтическаго созданія. Наша усталь не въ общественномъ складѣ, несоизмѣримомъ съ дальнѣйшими потребностями; намъ приходится развивать зародыши, соизмѣримые съ идеаломъ; наша усталь — усталь отъ правительства и жизни, намъ приказанной вопреки естественнымъ историческимъ основамъ.

У Пушкина байроновскіе идеалы не удались, и живыми оставались только внутренняя, затаенная, но всегда чувствуемая вражда съ правительственной жизнью и потребность освобожденія. Возникшая изъ подъ впечатлѣній народной войны и лицейскаго образованія, подъ вліяніемъ тайнаго общества и имъ самимъ испытанныхъ преслѣдованій власти—эта потребность выросла у Пушкина въ цѣлость направленія. Пушкинъ начинаетъ отдѣлываться отъ байроновскаго идеала въ *Братьяхъ Разбойникахъ*, которые уже не просто антитезисъ англичанину или европейцу, а стоятъ на реальной почвѣ; онъ совершенно отдѣлывается отъ байроновскаго идеала въ *Онѣгинѣ* и совершенно становится на русскую почву. Но цѣлость направленія, навѣяннаго политическимъ обществомъ, нигдѣ не покидаетъ его, и равно въ Ленскомъ, вѣрившемъ что "есть избранные судьбою", и въ Онѣгинѣ, сломанномъ русской правительственно-общественной жизнью—чувствуется, что эти люди прежде всего — не друзья правительства и представляютъ — одинъ вдохновенно, другой скептически — протестъ противъ существующаго правительственнаго порядка вещей. Лицы взяты изъ высшаго сословія, потому что только его меньшинство могло заявить первый протестъ. Именно эта цѣлость направленія, такъ изящно проявлявшагося у Пушкина, и имѣла то громадное вліяніе

на современные умы и современную литературу, которое разомъ вызывало въ людяхъ и, какъ всегда, особенно въ юношахъ—потребность гражданской свободы въ жизни и изящности формы въ словѣ.

Въ чемъ заключалась гражданская свобода — Пушкинъ не могъ сказать : дѣло поэзіи было выразить настроеніе и направленіе, созданіе же самихъ учрежденій, выводъ формулы, входитъ въ иной разрядъ человѣческой дѣятельности; поэзія могла выразить отношеніе человѣка къ задачѣ, а не самую задачу и ея рѣшеніе. Если, перелистывая лирическія политическія произведенія Пушкина, мы остаемся холодны, читая "оду на свободу", это именно потому, что въ ней, изъ настроенія и направленія, Пушкинъ перешелъ въ какую то, нетвердымъ почеркомъ составленную запись конституціоннаго положенія. Эта ода вѣроятно навѣяна случайнымъ разговоромъ о необходимости конституціи, мысль, которая часто мелькала передъ глазами тайнаго общества, не знавшаго куда вынесетъ сила событій, придется ли обойтись вовсе безъ царя, или воспользоваться удобнымъ случаемъ вынудить конституцію. Не только въ лирическомъ стихотвореніи, но и въ самой политической практикѣ вопросъ о конституціи не могъ быть поставленъ ясно. Воззваніе къ царямъ, чтобы они склонились—

... "первые главой

Подъ сѣнь надежную закона,
И станутъ стражею у трона
Народовъ вольность и покой—

воззваніе, такъ холодно кончающее стихотвореніе, начатое въ порывѣ вдохновенія съ "разбитія изнѣженной лиры,"—оно также мало представляло яснаго смысла въ практикѣ, какъ и въ самомъ стихотвореніи. Гдѣ былъ этотъ надежный законъ? Разрозненные указы разныхъ царствованій, еще несобранные въ сводъ, не подвергались критикѣ, и никто не былъ увѣренъ, чтобы они, даже собранные въ сводъ, могли служить надежной сѣнью закона; скорѣе думалось противное. Законъ никогда не исходившій изъ народной жизни, создаваемый изъ видовъ правительственныхъ удобствъ, а не ради удовлетворенія народныхъ потребностей—не могъ представлять никакого ручательства за вольность и покой народа и, конечно, изъ за этого закона, нечего было становиться стражею у трона. Имѣлъ ли этотъ законъ естественную связь съ народной жизнью было больше чѣмъ сомнительно. Самое изученіе обычнаго народнаго устройства едва было поднято на степень зарождающагося вопроса; чувствовалось только, что, при переворотѣ, придется формальный законъ отбросить и ввести въ законодательство иныя основанія. Но эти основанія не были разработаны; требовать конституціи во имя

неясныхъ, почти неизвѣстныхъ основаній было невозможно; а требовать ее во имя писанаго закона—было безполезно. Вопросъ о конституціи падалъ самъ собой; отъ этого онъ и являлся у декабристовъ сѣвернаго общества только мимоходомъ, какъ дѣло, которое при случаѣ не надо упускать изъ виду, и никогда не достигалъ никакой опредѣленной формы и не составлялъ дѣйствительной цѣли; а у декабристовъ южнаго общества, общества "русской правды" даже вовсе не ставился, какъ нѣчто совершенно противурѣчащее его цѣли и взгляду на русское общественное устройство. Кромѣ отсутствія закона, который бы составлялъ надежную сѣнь, было еще отсутствіе сословій, которыя стали бы стражей у трона, обуздывая царскую власть. Поставить ли этой стражей помѣщиковъ? Но ихъ выгоды всегда были бы противны всякому началу народной свободы. Поставить такою стражей среднее сословіе? Но у насъ подъ этимъ именемъ разумѣлось только купечество, которое не есть сословіе, а люди разныхъ сословій, занимающіеся торговлей. Сдѣлать эту стражу изъ крестьянства? Но прежде, чѣмъ оно могло бы занять эту должность, надо было развязать ему руки и дать ему свободно устроиться въ своемъ быту; вдобавокъ законъ, во имя котораго оно бы стало стражей, не про него писанъ. Развѣ только члены тайнаго общества составили бы эту стражу?

Но ихъ цѣлью было вызвать общественную жизнь, а не становиться охранителями трона во имя закона, ими не признаваемаго, или иного закона, который только общественной жизнью и могъ быть выработанъ; а для того, чтобы эта общественная жизнь могла сказать свое первое слово, уже прежде всего требовалось отсутствіе петербургскаго правительства. Изъ всѣхъ этихъ противурѣчій вывести конституціонную формулу было невозможно, да и конституція безъ средняго сословія не мыслима. Аристократическая конституція относится къ міру призраковъ; ее нигдѣ нѣтъ и нигдѣ не было. Бывали олигархическія республики въ древнемъ мірѣ; примѣра два подобныхъ республикъ являлись и въ средніе вѣка на итальянской почвѣ; но тамъ, гдѣ короли составляли главу феодальной шайки, которую принижали по мѣрѣ своего усиленія, вопросъ конституціи былъ поднятъ не феодальнымъ, а среднимъ сословіемъ. Онъ поднимался разомъ и противъ феодализма и противъ монархической власти. Англійская конституція вышла изъ англійской революціи, и слѣдственно не изъ аристократическаго, а изъ буржуазнаго начала, и не смотря на камеру лордовъ и нѣкоторыя средне-вѣковыя формы, она представляетъ владычество буржуазіи. Добиваться подобной конституціи въ странѣ, гдѣ буржуазіи не существуетъ, нелѣпо — не потому что хорошо или дурно монархическое

конституціонное правительство вообще, а потому что въ этой странѣ нѣтъ краеугольнаго условія для существованія конституціонной монархіи; ее не изъ чего сдѣлать. Вопросъ о конституціи у людей того времени въ Россіи являлся какъ подражаніе Англіи, взятое у Франціи, гдѣ наши же войска её водворили и откуда наши же офицеры вынесли къ ней то уваженіе, которое человѣкъ имѣетъ къ дѣлу, въ которомъ самъ былъ помощникомъ. Этотъ вопросъ возникъ изъ того же строя обстоятельствъ, противъ котораго въ сущности боролись тѣ же самые люди. Онъ возникъ изъ Петровскаго направленія, которое было голымъ антитезисомъ русской жизни, антитезисомъ, отыскиваемомъ не въ идеалахъ, создаваемыхъ разумомъ изъ возможностей общественной жизни, а находимомъ въ готовомъ государственномъ строѣ Европы. Идеалы разума еще могутъ быть иногда приложимы, потому что въ нихъ найдутся общія условія устройства человѣческаго стада; но явленія чуждой почвы, которыя просто историческія явленія, а отнюдь не идеалы, не могутъ быть пересажены на почву, не представляющую данныхъ для ихъ повторенія. Отъ этого въ петровскомъ направленіи, въ петровскомъ антитезисѣ, было столько ошибочнаго, и отъ этого декабристы, частью сознательно, частью безсознательно возставшіе противъ него, могли, увлекаясь исторически-привитою подража-

тельностью, толковать о конституціи только мимоходомъ, далеко несерьозно и никогда не довели ея понятія до ясности.

Можетъ быть конституціонная формула, какъ все созданное буржуазіей, не имѣя ни дикой поэзіи первобытныхъ героическихъ, сказочныхъ временъ народной жизни, ни не менѣе дикой поэзіи рыцарской доблести, ни той мореподобной поэзіи возникновенія общественной свободы и самоустройства народной толпы — всего менѣе способно вызвать неподдѣльное вдохновеніе поэта; можетъ быть и самая неясность конституціонной мысли у Декабристовъ и у самаго Пушкина носили въ себѣ немощь впечатлѣнія, вызвавшаго оду на свободу; какъ бы то ни было, мы остаемся холодны при ея чтеніи. А на современниковъ она произвела огромное вліяніе, такъ была сильна у читателей, потребность въ поэтическомъ отголоскѣ своихъ стремленій и надеждъ. Кромѣ того, что мы лично были свидѣтелями этого вліянія, оно доказывается и самой ссылкой Пушкина, которая, по времени, совпадаетъ съ первымъ распространеніемъ рукописи. Публика забыла конституціонную неясность въ стихотвореніи и рукоплескала "грозѣ царей". Впечатлѣніе, произведенное одой, было не менѣе сильно, чѣмъ впечатлѣніе "Деревни," стихотворенія выстраданнаго изъ дѣйствительной жизни до худо-

жественности формы, и не менѣе "посланія къ Чаадаеву", гдѣ такъ звучно сказалась юная вѣра въ будущую свободу. Кто во время оно не зналъ этихъ стихотвореній? Какой юноша, какой отрокъ не переписывалъ? Толчекъ, данный литературѣ, вольнолюбивымъ направленіемъ ея высшаго представителя, былъ такъ силенъ, что съ тѣхъ поръ, и даже сквозь все царствованіе Николая, русская литература не смѣла безнаказанно быть рабскою и продажною. Въ то время сильной возбужденности, самъ Булгаринъ не дерзалъ придавать полицейскаго оттѣнка своему борзописанію; замѣчательно, что и послѣ, во время паденія общественныхъ силъ при Николаѣ, этотъ полицейской оттѣнокъ вызывалъ постоянное презрѣніе въ литературѣ, также какъ и патріотическія, т. е. монархическія произведенія нуждой взковерканнаго, угасавшаго Полевова и тучно-возникавшаго Кукольника. Замѣчательно, что во время общественнаго паденія до безмолвія, ни одинъ срывщикъ не смѣлъ войти въ литературное предпріятіе, не поставивъ, хотя намекомъ, на своемъ знамени общественнаго освобожденія, потому что иначе навѣрно бы раззорился. Мысль общественнаго освобожденія никогда не переставала быть однозначущею съ нравственной чистотой человѣка, газеты, журналы, книги и, всякому литературному срывщику, который попробовалъ бы кадить противу-

положному направленію, предстояла сверхъ торговой неудачи, непріятность стать въ общественномъ мнѣніи на одну доску съ Булгаринымъ. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ оды на свободу, не смотря на общественное приниженіе, вслѣдствіе той же необходимости гражданской нравственной чистоты, журналистика допустила къ своему станку Бѣлинскаго : такова была сила толчка, даннаго литературѣ Декабристами и Пушкинымъ.

Другой поэтъ того времени, ученикъ Пушкина по стиху, и равносильный по вліянію, Рылѣевъ— сосредоточивалъ всю свою дѣятельность на политической мысли. Читая его, невольно угадываешь его внутреннюю работу, видишь человѣка, который всякое впечатлѣніе, коснувшееся до него на пути жизни,—отъ вольно-дикаго образа скачущей лошади до нѣжной заботы любящей женщины о любимомъ страдальцѣ, — онъ все торопится прикрѣпить къ единой мысли гражданской свободы, его нигдѣ не покидающей—

"Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ"...

Поэтическая дѣятельность Рылѣева подчинена политической, всѣ впечатлѣнія жизни подчинены одному сильнѣйшему впечатлѣнію; какіе бы ни брались аккорды—они вѣчно звучатъ на одномъ

основномъ тонѣ. То что у Пушкина выражалось въ цѣлости направленія, то у Рылѣева составляло исключительность направленія. Въ этомъ была сила его вліянія и его односторонность. Пушкинъ, съ своей всеобъемлющей впечатлительностью, не могъ понять исповѣди Наливайки; публика поняла ее и откликнулась. Пушкинъ искалъ образа казацкаго вождя, чтобъ быть вполнѣ удовлетвореннымъ этимъ отрывкомъ—и не находилъ его, и былъ правъ; онъ только забылъ въ заглавіе поставить: исповѣдь Рылѣева—и тогда бы онъ удовлетворился; публика поняла, что это была исповѣдь не только Рылѣева, но каждаго неравнодушнаго человѣка того времени. Великій художникъ не понялъ великаго мученика и его святую односторонность; онъ считалъ ее за ошибку, но внутренно невольно поддавался вліянію, которое захватывало и его въ одно направленіе. Онъ съ любовью смотрѣлъ, какъ талантъ Рылѣева выросталъ, начиная съ "думъ", сочиненныхъ ученической рукою,—до Войнаровскаго и Наливайки, гдѣ все—и ясность впечатлѣній, и самый стихъ, возмужали, не выходя изъ исключительности направленія. На сколько этотъ талантъ могъ вырости и расширить свою односторонность,—вышелъ-ли бы онъ изъ нея до всеобъемлющей поэтичности, или бы только подчинилъ ей болѣе разнообразныхъ явленій жизни, мы не въ силахъ судить: петля палача сдѣлала всѣ

гаданія безполезными. Одно мы знаемъ, что святая односторонность его поэзіи была выраженіемъ святой души и святой жизни; нравственная чистота Рылѣева даетъ его произведеніямъ силу, которая охватываетъ читателя не меньше, чѣмъ самая до тонкости доведенная художественная отдѣлка. Перечитывая Войнаровскаго теперь, мы пришли къ убѣжденію, что онъ и теперь также увлекателенъ, какъ былъ тогда, и тайна этого впечатлѣнія заключается въ человѣчески-гражданской чистотѣ и доблести поэта, замѣняющихъ самую художественность, или лучше, доведенныхъ до художественнаго выраженія. Намъ кажется, что приходитъ пора свести эстетическую критику съ метафизическихъ подмостковъ на живое поле исторіи, перестать уклоняться отъ живаго впечатлѣнія, навѣяннаго поэтическимъ произведеніемъ, искажая это впечатлѣніе мыслью, что произведеніе не подходитъ подъ вѣчныя условія искуства; пора объяснять себѣ силу этого впечатлѣнія силой, съ которой историческія и біографическія данныя вызвали въ душѣ поэта его созданіе. Истинность поэмы гораздо больше основана на исторической обстановкѣ и личности поэта, въ взаимномъ дѣйствіи которыхъ вся искренность произведенія, чѣмъ на вѣчныхъ началахъ искуства; а вѣчныхъ началъ искуства, по мимо его технической стороны, нѣтъ. Техническая сторона искуства вѣчно одна и таже:

никогда живопись не уклонится безнаказанно отъ законовъ перспективы, отъ линій человѣческаго тѣла, даже въ самыхъ фантастическихъ образахъ чертей и ангеловъ; никогда музыка безнаказанно не уклонится отъ естественныхъ условій гармоніи; никогда поэзія безнаказанно не отшатнется отъ естественности образовъ и выраженій и отъ гармоніи стиха. Законы техники вѣчны, какъ законы природы, которыхъ они повтореніе въ искуствѣ. Чѣмъ сильнѣе талантъ, тѣмъ онъ больше обладаетъ техникой и умѣетъ ею пользоваться. Но форма и содержаніе произведеній мѣняются съ историческимъ складомъ народовъ и обстоятельствъ; физіологически неизбѣжныя трагедія и комедія жизни остаются въ родѣ человѣческомъ, но образъ жизни мѣняется и кладетъ свою печать на форму произведеній; религіозный, научный, политическій и общественный взглядъ на вещи мѣняется и даетъ иное содержаніе. Греческій хоръ исчезъ изъ трагедіи, потому что исчезъ образъ жизни эллиновъ; католическій взглядъ Данта не имѣетъ ничего общаго съ міросозерцаніемъ Гамлета. Одна черта изъ жизни Шекспира, которая показала бы намъ, какъ ему бывало трудно внутреннюю мысль перевести въ поступокъ, да еще при той исторической обстановкѣ, которая заставляетъ его отправить сумасшедшаго въ Англію, потому что тамъ все живутъ сумасшедшіе,—одна такая черта изъ

жизни, больше, ярче, живѣе и теплѣе объяснитъ намъ Гамлета, чѣмъ все многоглаголаніе Ретчера и иныхъ гномовъ метафизической науки. Такимъ образомъ сила впечатлѣнія, производимаго *теперь* Войнаровскимъ и отрывками изъ Наливайки намъ становится ясна, когда мы приходимъ къ пониманію, что въ нихъ пришла къ слову, художественно сказалась цѣлая внутренняя жизнь гражданскаго дѣятеля, и въ гармоническомъ стихѣ и въ жаркомъ чувствѣ насъ кромѣ того охватываетъ вся мощь традиціи, не только не умершей, но полной близкой будущностью.

Съ недоумѣніемъ и благоговѣніемъ намъ хотѣлось бы объяснить конецъ дѣятельности Рылѣева, его послѣднія стихотворенія, и нѣтъ у насъ никакой біографической нити. Въ его цѣлой дѣятельности религіозный вопросъ вовсе оставленъ въ сторонѣ; передъ плахой его стихъ становится религіозенъ. Это доказывается двумя стихотвореніями, сочиненными въ алексѣевскомъ равелинѣ. Они не успѣли попасть въ эту часть нашего сборника. Вотъ одно изъ нихъ послѣднее:

Мнѣ тошно здѣсь какъ на чужбинѣ...
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ мнѣ крилѣ голубине—
Да полечу и почію?..
Весь міръ какъ смрадная могила,
Душа изъ тѣла рвется вонъ,
Творецъ! ты мнѣ прибѣжище и сила,

Услышь мой вопль, вонми мой стонъ!
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души—
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши!

Удивительное впечатлѣніе производитъ это предсмертное стихотвореніе повѣшеннаго героя. Насъ нельзя заподозрѣть въ религіозности, а между тѣмъ оно такъ истинно и искренно, такъ глубоко скорбно и чисто, что его хочется спѣть. Но откуда этотъ неподдѣльно-религіозный мотивъ? Былъ ли Рылѣевъ религіозенъ *всегда*, но не поминалъ о религіи, потому что былъ слишкомъ занятъ гражданскимъ дѣломъ? Или тюрьма вызвала у сильнаго бойца потребность слабодушнаго утѣшенія? Разрѣшеніе этого вопроса очень важно и для пониманія Рылѣева, и для русской литературы. Если онъ всегда былъ религіозенъ—то необходимо новиковская традиція входила въ его воспитаніе. Какъ, черезъ какое посредство она связывалась съ его жизнію? И—невольно вдумываешься во всю дѣятельность Новикова и отыскиваешь нить, проходящую отъ него до 14 Декабря, и досадно, что матеріалы для науки жизни такъ мало разработаны.

Около Пушкина и Рылѣева выросла и развилась цѣлая дружина поэтовъ, болѣе или менѣе талантливыхъ. Рылѣевъ имѣлъ равносильное, если не бо́льшее, вліяніе на политическое движеніе совре-

менниковъ вообще, но Пушкинъ имѣлъ несравненно большее, почти исключительное вліяніе собственно на литературный кругъ и на общественное участіе въ литературѣ. Его многообразное содержаніе заставляло звучать не одну политическую струну и слѣдственно вызывало послѣдователей во всемъ, что составляетъ поэзію для человѣка; но цѣлость вольнолюбиваго направленія сохранилась у всѣхъ, такъ что оно звучало даже въ *Чернецѣ* Козлова. Въ направленіи исключительно политическомъ слѣдовалъ за Рылѣевымъ только одинъ, товарищъ Пушкина по лицею, Кюхельбекеръ. Остальные разобрали поэтическое содержаніе Пушкина; каждый взялъ то, что ему было сроднѣе, отъ унылой нѣжности пѣсенокъ Дельвига до геніальной элегичности Баратынскаго; но вся дружина могла назваться дружиной вольнолюбивыхъ поэтовъ; даже маленькій Глинка писалъ:

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсенъ не поютъ.

А Баратынскій затронулъ вопросъ по глубже, вопросъ различія сословій. Его *Цыганка*, можетъ не довольно оцѣненная, проникнута гражданской мыслью и исполнена истинно-трагическихъ движеній. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ ее подъ рукою, но невольно приходитъ на память, какъ цыганка, жертвуемая сословному предразсудку, говоритъ про свою аристократическую соперницу:

Ее вчера я увидала—
Совсѣмъ, совсѣмъ не хороша!

Глубина этого движенія не требуетъ поясненій.

Такимъ образомъ поэзія того времени, охвативъ все поэтическое содержаніе человѣческой природы, въ цѣлости своего направленія являлась какъ вызовъ на политическую борьбу и отчасти коснулась соціальнаго вопроса. Но работая ради освобожденія народа отъ насилія власти, она не была въ силахъ вызвать народъ на борьбу, потому что вращалась исключительно въ рядахъ высшихъ, читающихъ сословій, отдѣленныхъ отъ народа отношеніемъ властителя къ слугѣ. Поэзія и литература полагали начало къ сближенію сословій, во имя общихъ убѣжденій, но не во имя дѣйствительныхъ народныхъ потребностей, которыхъ пониманіе было равно не разработано ни въ ихъ историческихъ составныхъ данныхъ, ни въ ихъ современномъ положеніи. Только геній Пестеля предугадывалъ складъ государственной будущности, народное землевладѣніе, связь цѣлаго и самобытность областей; но литература не сходила, изъ общей неопредѣленности des droits de l'homme, на реальную почву народной жизни. Она была точкой отправленія къ сближенію съ народомъ, но не могла осуществить его. Можетъ быть отъ этого не удалось и 14 Декабря. Зачавшись въ средѣ преимущественно барской, да еще въ средѣ образованнаго меньшинства

барства, литература—какъ мы уже сказали—унаслѣдовала отъ прежнихъ дѣятелей еще иную потребность; сверхъ того, что она пришла къ понятію политической свободы и сознанію, что и каждый ея дѣятель, сколько бы ни принадлежалъ къ барству по происхожденію, прежде всего принадлежитъ русскому народу и работаетъ ради его освобожденія,—сверхъ этого она имѣла потребность говорить изящно. Можетъ быть изящество языка и могло вырости только у образованнаго барства, и для литературы—это былъ конечно не проигрышъ; самое джентельменство Александра влекло въ ту же сторону. Вдобавокъ и у насъ изящество не спорило съ политическимъ идеаломъ des droits de l'homme, также какъ не спорило съ нимъ и въ европейской литературѣ отъ энциклопедистовъ до Байрона. Изящность въ пріемахъ, въ образѣ жизни—обусловливали изящность языка и формъ въ литературѣ. Съ этой точки зрѣнія мы смотримъ на отдѣлъ стихотвореній Пушкина, который мы назвали эротическимъ, пожалуй назовемте неприличнымъ, пахабнымъ..... но какое ни давайте ему названіе, вы все же найдете, что онъ проникнутъ "вольнымъ духомъ" и изященъ по формѣ и языку. Отъ этого, какъ ни странно встрѣтить въ одной книгѣ поэзію гражданскихъ стремленій и поэзію неприличную, а онѣ связаны больше чѣмъ кажется. Въ сущности онѣ вѣтви одного дерева, и въ

каждой неприличной эпиграммѣ вы найдете политическую пощечину. Любовь къ непристойностямъ, общая всѣмъ народамъ, очень домашняя у русскаго народа, всегда—у насъ какъ и вездѣ—находила выраженіе въ литературѣ. Вошла ли она въ пушкинскую поэзію вслѣдствіе своей безсословной народности, или потому что онъ

Читалъ охотно Апулея,

или подъ вліяніемъ древнихъ и Парни, самаго изящнаго и поэтичнаго изъ французскихъ поэтовъ, мы не беремся рѣшить; но одно очевидно—она, подъ вліяніемъ воспитанія, сложилась у него въ либеральный складъ и изящную форму. Мы были очень рады, узнавши (слишкомъ поздно для нашего изданія), что *Вечерняя прогулка* не Пушкина, а Полежаева; что *Первая ночь брака* по крайней мѣрѣ сомнительна; иные приписываютъ ее тоже Полежаеву, но—ксожалѣнію—мы слышали отъ знакомаго съ Пушкинымъ, что эта пьеса дѣйствительно его. Мы беремъ его *Гавриліаду* и *Царя Никиту*, гдѣ языкъ и форма, особенно въ послѣднемъ, безукоризненно изящны и вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе ихъ проникнуто религіознымъ и политическимъ вольномысліемъ. Для насъ очень важна эта сторона изящества неприличныхъ стихотвореній Пушкина; мы слишкомъ неизбѣжно видимъ, какъ съ отсутствіемъ изящности формъ въ жизни, на долю стихо-

твореній неприличнаго содержанія, остается только неприличность и устраняется все изящное. *Гавриліада*, принадлежащая къ произведеніямъ ранняго возраста поэта, безъ сомнѣнія отзывается вліяніемъ Парни. Разсказъ Сатаны о томъ какъ и почему онъ научилъ Еву отвѣдать запрещаннаго плода и прилетъ голубя имѣютъ всю силу и прелесть лучшихъ позднѣйшихъ произведеній Пушкина. *Царь Никита* разсказанъ со всей простотой народной сказки и со всѣмъ пушкинскимъ изяществомъ. Если XVIII столѣтіе навѣяло поэту первое атеистическое произведеніе, то въ *Царѣ Никитѣ* нельзя не увидать слѣдовъ сближенія съ народной жизнью и выросшаго въ обществѣ декабристовъ презрѣнія къ царской власти. Съ одной стороны Пушкинъ довелъ стихотворенія эротическаго содержанія до высокой художественности, гдѣ уже ни одна грубая черта не высказывается угловато и все облечено въ поэтическую прозрачность; такъ стихотвореніе

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ...

Съ другой стороны, циническая эпиграмма Пушкина всегда бьетъ политическаго врага, даже въ литературномъ врагѣ; отъ Николая до Булгарина, отъ царя до шпіона — вездѣ казнится одинъ врагъ, врагъ гражданской свободы. Лучшее доказательство, что самые личные враги Пушкина, затрогивая его, затрогивали и цѣлость направленія и становились

врагами общественными. Такъ была эта личность неразрывно связана съ общими стремленіями.

Но прежде чѣмъ мы дойдемъ до ухода Пушкина изъ цѣлости гражданскаго направленія въ исключительную художественность, намъ остается докончить первую половину двадцатыхъ годовъ, воспоминаніемъ объ одномъ могучемъ произведеніи, которое совершенно самобытно, писано не ученикомъ Пушкина, а своеобразнымъ мастеромъ, и дополняетъ эпоху и ея общіе интересы. Мы говоримъ о *Горѣ отъ ума*. Если Онѣгинъ выразилъ сломанность, усталь жизни, которая при существующемъ правительственномъ порядкѣ вещей не имѣетъ исхода въ общественную дѣятельность и слѣдственно не имѣетъ опредѣленной цѣли, достойной умственно развитаго человѣка,—то Чацкій представляетъ дѣятельную сторону жизни, негодованіе, ненависть къ существующему правительственному складу общества. Критика какъ-то рѣшила, что Чацкій не живое лицо, а ходячая сатира, отвлеченное, враждебное пониманіе современнаго общества, или образъ мыслей самаго Грибоѣдова. Мы не можемъ понять какъ критика, изъ метафизической эстетики, дошла до заключенія, что живое лицо можетъ любить, сморкаться, говорить интимныя вещи или обыденныя пошлости, но не можетъ имѣть гражданскаго образа мыслей. А что же —если для этого лица существенная сторона жизни,

основный тонъ, исключительное занятіе—его гражданскій образъ мыслей, что же прикажете ему дѣлать иного, какъ остаться живымъ лицомъ вопреки критикѣ? Если это лицо, положимте Чацкій, представляетъ только псевдонимъ Грибоѣдова, то отчего же Грибоѣдову въ то время нельзя было быть живымъ лицомъ, котораго жизнь поглощена гражданскимъ стремленіемъ и враждою къ современному порядку вещей? Но Чацкій не только Грибоѣдовъ, Чацкій живой человѣкъ своей эпохи, отъ этого онъ тѣмъ болѣе живое лицо. Отъ этого, чего критика не хотѣла замѣтить, всѣ лица сгруппированы около него; онъ самый рельефный образъ въ цѣлой комедіи и одинъ стоитъ на первомъ планѣ. Отъ этого и громадное впечатлѣніе, которое *Горе отъ ума* имѣло въ то время при чтеніи, и послѣ на театрѣ, принадлежитъ собственно Чацкому, какъ лицу, сосредоточивающему на себѣ общественное страданіе и движеніе своего времени. Чацкій, исключительно занятый гражданскимъ вопросомъ и переполненный горькой безвыходностью русской жизни, скачетъ по Европѣ; у него оставалось одно чувство, въ которомъ онъ еще чаялъ спасенія—любовь къ женщинѣ; ради этого чувства онъ возвращается домой, но и оно разбивается о пошлость окружающаго міра и онъ опять бѣжитъ "искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ." Личное счастіе не удалось, общест-

венныя надежды не разцвѣли отъ встрѣчи съ Репетиловымъ. Большинство признало его за сумасшедшаго. Жизнь сломана и родство этого дѣятельнаго человѣка съ усталымъ и скептически сосредоточеннымъ Онѣгинымъ становится ясно, также какъ и вліяніе того и другаго на литературу и общество.

Есть мелкія замѣтки противъ *Горе отъ ума*. Одна изъ нихъ, и можетъ быть самая вѣрная, принадлежитъ Пушкину: за чѣмъ Чацкій, умный человѣкъ, говоритъ всякую задушевную мысль при Фамусовыхъ и Скалозубахъ? Пушкину это казалось неестественнымъ. Мы не можемъ рѣшить вопроса ни въ пользу Пушкина, ни въ пользу Грибоѣдова. Для насъ лично оно кажется, оно было бы неестественнымъ; но вспоминая, какъ въ то время члены тайнаго общества и люди одинакаго съ ними убѣжденія, говорили свои мысли вслухъ вездѣ и при всѣхъ, дѣло становится больше чѣмъ возможнымъ—оно исторически вѣрно. Энтузіазмъ во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ не любилъ утаивать своихъ убѣжденій, и едва ли намъ можно возразить, что Чацкій не принадлежитъ къ тайному обществу и не стоитъ въ рядахъ энтузіастовъ; Чацкій чувствуетъ себя самостоятельнымъ врагомъ порядка вещей своего времени, онъ высказываетъ свои убѣжденія Фамусову, потому что они оскорбляютъ Фамусова, а ему надо оскорблять Фамусовыхъ

—и тогда дѣло становится не только исторически вѣрнымъ, но и лично для Чацкаго естественнымъ.

Другая мелкая нападка критики—это на выходку Чацкаго противъ французика изъ Бордо и желаніе перенять у китайцевъ "ихъ мудраго незнанья иноземцевъ." Если мы вспомнимъ тогдашнее раболѣпіе барства передъ всѣмъ иностраннымъ, перениманіе не умственной дѣятельности Европы, а пошлой стороны ея жизни; если мы подумаемъ, что это перениманіе еще не угомонилось и теперь, что тоже раболѣпіе недавно отозвалось при посѣщеніи Дюма старшаго и Молинари, что оно въ наукѣ и даже въ политическихъ теоріяхъ еще и теперь доходитъ до идолопоклонства и маніи, — то выходка Чацкаго и его желаніе сблизиться съ народомъ вовсе не покажутся смѣшны и странны, и его мысль о подражаніи китайцамъ нельзя будетъ добросовѣстно принять за серьозный проэктъ, а просто за невольно въ умъ пришедшее ироническое движеніе, какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ.

Но вотъ время Чацкаго и Онѣгина, время Рылѣева и Пестеля разразилось 14 Декабремъ, покачалось на одномъ мѣстѣ недолгое время и стало стихать и переходить въ грустное безмолвное раздумье и притаеніе гражданскаго вопроса. Грибоѣдовъ, спасшись отъ ссылки посредствомъ родственныхъ связей, примкнулъ къ правительству и на дипломатическомъ

поприщѣ наткнулся на случайную гибель. Но талантъ его и безъ того уже былъ погибшимъ: онъ высказалъ въ *Горѣ отъ ума* все, что у него было на сердцѣ, а дальше онъ ничего не могъ развить въ себѣ самомъ, именно потому что онъ примкнулъ къ правительству, этому гробу русскихъ талантовъ и русской доблести. Пушкинъ попалъ ко двору. Николай поигралъ съ нимъ въ Меценаты и впечатлительный поэтъ увлекся. Тутъ его геніальная впечатлительность становится его слабостью и онъ разомъ, въ томъ же 1827 году, пишетъ въ Сибирь къ декабристамъ:

Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье

и стансы:

Нѣтъ я не льстецъ когда царю
Хвалу свободную слагаю...

Неужто Пушкинъ увлекся Николаемъ Павловичемъ? странно сказать—а это правда. Впечатлѣніе власти, его пощадившей, умѣренная, мелкая точка зрѣнія друзей, оставшихся съ нимъ—Карамзина, Жуковскаго, Вяземскаго, Плетнева — и отсутствіе истинныхъ дѣятелей русской мысли и русской свободы заставили впечатлительнаго поэта склонить покорную голову передъ властью и примкнуть къ вѣрѣ въ централизацію и къ точкѣ зрѣнія на Россію не просто славянофильской, а правительственно-славянофильской, съ которой борьба за неза-

висимость могла показаться "споромъ о семейномъ старшинствѣ." Въ 31 году онъ дошелъ до оды— *Клеветникамъ Россіи*. Видно, что гражданскія общество и поэтъ падали быстро. Польская революція иначе откликнулась въ Сибири, сохранявшей благородную традицію въ лицѣ мучениковъ 14 Декабря. Если сравнить *Клеветникамъ Россіи* съ стихотвореніемъ Одоевскаго, помѣщеннымъ въ въ концѣ этой книги на стр. 423—то и самое сверканіе *стальной щетины*, образъ, взлелѣянный петербургскимъ маревомъ, померкнетъ передъ чистотою гражданской мысли въ рудникахъ, на каторгѣ. Даже въ рядахъ зараждающагося, иного славянофильства, не петербургскаго, не правительственнаго, иначе отразилась польская революція; стоитъ взглянуть на стихотвореніе Хомякова на 211 стр. этого сборника. Пушкину самому было неловко отъ своего увлеченія Николаемъ и централизаціей; сибирскіе друзья были для него дороги; на душѣ у него лежалъ трауръ; неугасшее чувство гражданской свободы не разъ вспыхивало и томило: онъ удалился въ художественность, какъ въ пустыню, гдѣ могъ безкорыстно молиться богу искуства и искать спасенія. Мы не беремъ на себя наглости, какъ теперь въ нашей литературѣ вошло въ привычку, хватать по завѣтнымъ личностямъ съ плеча грязною ладонью; эта безцеремонность показываетъ

въ драчунѣ гораздо больше желанія заявить существованіе своей маленькой ничтожности, сказать—что вотъ и я-де великій человѣкъ, и я что нибудь да значу, потому что ругаюсь (je pête, donc je suis), —чѣмъ дѣйствительнаго, добросовѣстнаго чувства истины. Можетъ быть это ползаніе червей по дорогому покойнику и естественно, но все же производитъ невольное и точно также, для чистаго человѣка, естественное отвращеніе. Мы не обвинимъ Пушкина въ преднамѣренной измѣнѣ свободнымъ убѣжденіямъ, т. е. въ подлости, не только потому, что не любимъ обращаться небрежно съ великими явленіями русской и вообще человѣческой жизни, но и потому, что преднамѣренной измѣны съ его стороны не было. Чувство свободы не замолкало въ немъ и переходило въ унынie, въ сознаніе безсилія; подъ этимъ настроеніемъ явилось стихотвореніе *Сѣятель* (стр. 25 нашего сборника); удушливое давленіе николаевскаго царствованія не могло не отразиться на впечатлительномъ умѣ свободномыслящаго поэта. Съ другой стороны, образованіе государственной силы подъ руководствомъ централизаціи, блескъ власти и патріотизмъ со всей узкостью племенной вражды, "спора племенъ между собою," производили на него равносильное впечатлѣніе, такъ что со второй половины двадцатыхъ годовъ, Пушкинъ, въ своихъ гражданскихъ убѣжденіяхъ, постоянно находился

подъ двойнымъ и противуположнымъ впечатлѣніемъ; онъ въ обоихъ случаяхъ былъ искренен и колебался въ противурѣчіи, подаваясь на ту и на другую сторону, смотря по впечатлѣнію минуты. Впечатлительность, какъ мы сказали, была его геніальностью и его слабостью; съ противурѣчіемъ онъ сладить не могъ, и такъ какъ обѣ противуположности равно владѣли имъ, то его гражданское настроеніе обратилось въ ничто и онъ сталъ жить исключительно по направленію, куда его велъ первоначальный толчекъ его дѣятельности, по направленію художественнаго пониманія жизни. Что сталось бы съ Пушкинымъ, еслибъ пуля странствующаго искателя приключеній не прекратила дней его, опять можетъ быть только предметомъ праздныхъ гаданій. Вѣроятно, изъ патріотизма уже наклонный къ панславизму, онъ перешелъ бы на сторону тѣхъ славянофиловъ, которые никогда не могли примириться съ петербургской централизаціей, и постепенно снова воскресъ бы къ впечатлѣніямъ свободы, съ бо́льшимъ знаніемъ своей страны и бо́льшимъ пониманіемъ народныхъ потребностей. Каждѣніе централизаціи было и не у одного Пушкина; ему поддавался и Бѣлинскій; оно и въ наше время бродитъ въ юридическомъ доктринаризмѣ. Какъ натура живая и сильная, Бѣлинскій быстро вынырнулъ изъ этого направленія; вѣроятно тоже бы случилось и съ

Пушкинымъ. Но не зная того, чего не было, мы только смотримъ на психическое развитіе, которое совершилось; наша задача была указать на ту живую впечатлительность, которая создала въ литературѣ цѣлость вольнолюбиваго направленія и вмѣстѣ съ тѣмъ не допустила декабристовъ принять въ свой спасительный союзъ слишкомъ подвижнаго человѣка; впечатлительность, которая разомъ доходила до геніальности, потому что была всеобъемлюща и глубоко искренна, и до слабости, потому что подчинялась внѣшности, и которая изъ сломаннаго человѣка сдѣлала великаго художника. Станемте же глядѣть назадъ, не съ ругательствомъ и клеветой, но съ сердечной печалью о преждевременной кончинѣ поэта, въ мрачную годину русской жизни, когда онъ странствовалъ "среди долины дикой, объятый великою скорбью," и искалъ юношу, читающаго книгу, который бы указалъ ему дорогу къ свѣту; станемте глядѣть назадъ съ благоговѣніемъ къ великому художнику. Сердиться на исторію, даже когда это дѣлается и не въ видахъ раздраженнаго самолюбія, смѣшно и безплодно; исторію можно только объяснять и ставить основаніемъ будущаго развитія, дѣло беззлобное—потому что великое.

Незадолго до 14 Декабря, иной міръ, міръ русскаго *невѣжественнаго* барства, русскаго помѣщичества, выпустилъ въ свѣтъ горячаго юношу, съ сильнымъ

поэтическимъ талантомъ, который могъ развиться только подъ условіемъ—забыть, отвергнуть среду, изъ которой онъ вышелъ; но съ дѣтства усвоенная привычка необузданности и рука Николая—дикаго каменнаго гостя, настигшаго дикаго Дон-Жуана—не допустили могучій талантъ до отрицанія этой среды въ жизни, а слѣдственно и въ поэзіи, и онъ—

Не разцвѣлъ
И отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,

спасаясь отъ утраты всякой надежды въ уродливость буйства безконечнаго, безобразнаго; исчезъ, не развившись, а все же оставивъ рѣзкій, жгучій слѣдъ; погибъ съ тѣмъ воплемъ отчаянія, съ которымъ могъ погибнуть только человѣкъ, чувствовавшій, что 14 Декабря всякая русская свобода рухнула на вѣки и что по мимо необузданнаго самозабвенія въ вѣчной оргіи—которая доконала бы тщетно живое тѣло, чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше—ничего не остается на свѣтѣ. Полежаевъ заканчиваетъ въ поэзіи первую, неудавшуюся битву свободы съ самодержавіемъ; онъ юношей остался въ живыхъ послѣ проиграннаго сраженія, но неизлечимо раненъ и наскоро доживаетъ свой вѣкъ. Интересъ съузился, общественный интересъ переходитъ въ личный; поэту уже не шепчетъ тайный голосъ, что "пора губить враговъ Украйны"; для него дорога не Украйна, а дорого

личное страданіе въ безъисходной тюрьмѣ и чувство близкаго конца или казни. Рѣдко на комъ обстоятельства жизни такъ ярко отразились какъ на личности и поэзіи Полежаева. Уродливая поэма, за которую царственный Іуда-Меценатъ далъ поэту лобзаніе и отдалъ его въ солдаты, бросаетъ полный свѣтъ на его существованіе, и вмѣстѣ указываетъ на раздвоенность нашего высшаго сословія—на образованное меньшинство и дикое помѣщичество. *Сашка* выросъ въ средѣ дикаго помѣщичества; онъ ненавидитъ его, но хранитъ всѣ его привычки, ставящія его въ уровень съ задавленнымъ имъ дворовымъ человѣкомъ; *Сашку* воспитываетъ дворовый человѣкъ, да онъ воспитываетъ и все дикое помѣщичество. Отъ этого Сашка плачетъ передъ отцомъ-бариномъ, котораго обманываетъ, и бьетъ дѣвокъ по зубамъ. Въ немъ есть удаль, но нѣтъ изящества; въ немъ есть жажда воли и ненависть къ власти, но нѣтъ благородства, нѣтъ доблести. Онъ просто буянъ, какъ вообще дворовый человѣкъ и дикой помѣщикъ. Мы очень хорошо знаемъ эту среду необузданнаго помѣщичества, которое съ дворней пьетъ и дворню бьетъ, чтобъ не видѣть ясно, какъ оно создало *Сашку*; въ поэмѣ остался одинъ цинизмъ, съ недосугомъ обработать языкъ, лишенный изящной формы и изящныхъ образовъ. Какое необъятное разстояніе отъ эротическихъ стихотво-

реній Пушкина! Среда образованнаго мыслящаго меньшинства выростила Пушкина, среда дикаго помѣщичества выростила Полежаева. Послѣ первой проигранной попытки свободы Пушкинъ и образованное меньшинство еще могли отдохнуть въ чувствѣ изящнаго, въ понятіи художественности; Полежаеву негдѣ было искать отдыха и оставалось выгорѣть въ собственной необузданности. Отъ народа обѣ стороны были далеки, не смотря на гражданское направленіе одной и на близость нравовъ другой съ дворовымъ человѣкомъ; собственно народъ, т. е. крестьянство, также далекъ отъ дворовaго человѣка, какъ и отъ помѣщика; дворовый человѣкъ представляетъ для него только помѣщичьяго чиновника. Но образованное меньшинство могло на пути искать отдыха; въ немъ таилась надежда на сближеніе съ народомъ, въ немъ выработывались и опредѣлялись общественныя убѣжденія. У дикаго помѣщичества нѣтъ исхода; оно не можетъ себя вообразить иначе, какъ плачущимъ передъ отцомъ-государемъ, одѣлившимъ его землей и рабами, и бьющимъ по зубамъ остальной людъ; оно обрѣчено на гибель. Бѣдный поэтъ, не смотря на весь душевный жаръ, на неопредѣленное, по горячее сочувствіе гражданской свободѣ, не могъ оторваться отъ привычекъ необузданности, его взлелѣявшей, и погибъ—равно подъ гнетомъ собственной, личной традиціи и подъ

гнетомъ царской власти, покаравшей его за то, что онъ мыслію смѣлъ оторваться отъ этой традиціи. Мы не знаемъ больше трагической жизни и больше роковаго конца. Все соединилось противъ юноши, страстно полюбившаго волю и рифму — происхожденіе и царь, воспитаніе и Николай Павловичъ; наконецъ крысы обкусали ноги его трупа заброшеннаго въ казарменныхъ подвалахъ. И по неволѣ у живаго человѣка вырывается проклятіе и этой недостойной средѣ и этой недостойной власти!

Вліяніе Полежаева на литературу и общество, не смотря на силу его отчаянія, не смотря на жесткую и мрачную, но истинную и искренную поэзію его "арестанта", ходившаго въ рукописи по рукамъ,— было не сильно, какъ послѣдній звукъ замирающаго выстрѣла. Общество шло къ отдыху и раздумью. Пушкинъ дорасталъ до геніальной художественности, но передъ концомъ поворачивалъ къ глухому, мистическому полу-отчаянію, полу-пророчеству — такъ звучатъ его подражанія Данту, "не дай мнѣ богъ сойти съ ума," "однажды странствуя"... На этомъ звукѣ онъ замеръ. Новыхъ талантовъ не являлось. Домогались до чего-то лже-таланты—въ родѣ Кукольника; ихъ поверхностной слѣдъ скоро изгладился изъ памяти, какъ все не истинное. Но между тѣмъ, не смотря на аристократическіе прорывы у Пушкина, въ родѣ "родословной," "мѣщанина", "эпиграммы

на Сѣвѣрина",—цѣлость его гражданскаго направленія, и вліяніе декабристовъ, достигли одного результата: уваженіе къ барству и помѣщичеству было подточено въ общественномъ сознаніи; меньшинство дворянства не могло быть помѣщикомъ откровенно, и не могло не быть помѣщикомъ безнаказанно. Внутренная мысль и совѣсть мѣшали оставаться въ *этихъ* отношеніяхъ къ народу, Николай не позволялъ изъ нихъ выйти, считая самую мысль за революцію. Нельзя было вырваться изъ собственнаго преступнаго положенія, нельзя было послѣдовать внутренному влеченію и сблизиться съ народомъ, еще противнѣе было бы примкнуть къ правительству. Меньшинство почувствовало себя лишнимъ человѣкомъ. Общественной дѣятельности для него не было; ему еще позволялось углубляться въ собственную тоску и пустоту жизни, а "родину любить только странною любовью, необъяснимою для разсудка", любовью привычки къ знакомому пейзажу. Напряженная трагичность этого положенія требовала сильнаго голоса въ литературѣ; ее всѣ чувствовали, но она ускользала отъ вниманія и наблюденія, заглушаемая внѣшней суетой жизни. Ее выразилъ Лермонтовъ. Съ упорной неизмѣнностью провелъ онъ свою тяжелую задачу, геніальной впечатлительностью понимая всю прелесть жизни и постоянно сознавая себя лишнимъ человѣ-

комъ въ этомъ мірѣ, гдѣ ему душно, какъ въ тюрьмѣ, или монастырѣ, и откуда ему хочется вырваться куда нибудь на просторъ и дикую волю, какъ Мцыри, его самый ясный, или единственный идеалъ. Этотъ антитетической идеалъ всякой общественности, Лермонтовъ лелѣялъ всю свою жизнь; въ юношествѣ идеалъ ему является въ образѣ демона; мужая, поэтъ все больше и больше хочетъ свести его на дѣйствительную человѣческую почву; онъ его преслѣдуетъ въ салонѣ, гдѣ самъ проводитъ или убиваетъ свое время, но гдѣ въ сущности, его идеалу нѣтъ мѣста, и гдѣ, слѣдственно, онъ въ лицѣ Арбенина ему не удается; онъ его преслѣдуетъ въ какой-то исторической обстановкѣ, въ Оршѣ, — но и тутъ ему нѣтъ мѣста, обстановка выходитъ чѣмъ-то постороннимъ; наконецъ идеалъ достигаетъ прозрачной ясности и цѣлости, въ плѣнномъ отрокѣ, рожденномъ на свободѣ, убѣгающимъ изъ заточенія подышать зеленымъ лѣсомъ, дикой волей, подраться съ звѣрями, съ которыми борьба для него отрадна; борьба съ людьми для него скучна, они ему слишкомъ чужіе, онъ ихъ презираетъ; они слишкомъ безсильны сами по себѣ, слишкомъ ничтожны; ихъ сила только въ томъ, что ихъ много и что ихъ множество утомляетъ и обезсиливаетъ. Лучше три дни вздохнуть безъ нихъ на свободѣ, самобытно и потомъ погибнуть, чѣмъ склонить гордую голову передъ ними, и жить долго и

скучно, мало по малу утрачивая вольную душу и звонкой голосъ и сливаясь съ ихъ нѣмымъ множествомъ.

Женской идеалъ Лермонтова тотъ же самый; это уже не деревенская барышня, не Татьяна, любящая и унылая, страдающая и покорная; это женщина, которой нужна власть надъ людьми, которыхъ она презираетъ, женщина, въ которой больше гордости и ненависти чѣмъ любви, женщина, противуположная всякой общественности, въ чьихъ глазахъ "темно какъ въ синемъ морѣ", чья душа

"Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрёковъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ,
Ихъ чувствамъ повториться не дано...
Такія души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
И самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ!"

И въ самомъ дѣлѣ женскій идеалъ Лермонтова опять тотъ же "демонъ", тотъ же "Мцыри", но въ другой обстановкѣ, соотвѣтственной полу. Докончить своего женскаго идеала онъ нигдѣ не могъ; онъ его любитъ въ царицѣ "Тамарѣ", но это легенда изъ чуждаго времени; а онъ хочетъ любить свой идеалъ въ дѣйствительности, добивается поставить его возлѣ себя, пробуетъ въ сказкѣ для дѣтей и не кончаетъ...

Смерть ли прервала созданіе, или идеалъ не возможенъ и никогда не дошелъ бы до ясности?... Существующую женщину онъ презираетъ; "пускай себѣ плачетъ, ей ничего не значитъ". Откуда эта неодолимая потребность презрѣнія, которая заставляетъ его говорить — а это во время оно казалось страшно дерзко — говорить первой (по тогдашнему понятію) европейской націи, "великому народу"—

"Ты жалкой и пустой народъ!"

и въ тоже время дома не находить кому подать руку въ минуту душевной невзгоды? Имѣлъ ли онъ право не имѣть друга, презирать собственную любовь къ женщинѣ, презирать всякую общественность? Въ томъ то и дѣло, что жизнь, что исторія ставитъ не *право*, а *возможность*, или лучше необходимость, слѣдствіе цѣлаго склада причинъ. Въ первой молодости, подъ вліяніемъ англійски-антитетическаго идеала Байрона, Лермонтовъ увидалъ русскую общественность николаевскаго времени и почувствовалъ, что и въ этомъ мірѣ онъ чужой, что ему тутъ дѣлать нечего, что работать ради этого общества не стоитъ труда, изъ него ничего не выйдетъ; да не только ради этого, но ради какого бы то ни было общества; кромѣ презрѣнія онъ ничего ничему общественному дать не можетъ. Съ этой точки зрѣнія онъ смотритъ и на личныя отношенія. Онъ вращается въ большомъ и маломъ свѣтѣ, со всѣми знакомъ,

никого не любить — да и не за что; онъ въ жизни постоянно шутитъ и хохочетъ какъ школьникъ, а внутри у него отвращеніе отъ общей дѣйствительности, отъ лицъ, съ которыми встрѣчается, отъ самаго себя и своего положенія, внутри у него тоска тяжелая и безвыходная. Отъ этого мысль побѣга изъ этой среды для него такъ истинна и поэтична, идеалъ Мцыри такъ искренъ; и отъ этого его положеніе, его пребываніе въ дѣйствительности такъ ложно, что Печоринъ, самъ не замѣчая, такой же фразёръ какъ Грушницкій. Только необычайная сила языка, вѣрность остальныхъ характеровъ и поэтическая прелесть обстановки сдѣлали изъ "героя нашего времени" поэму, гдѣ и самая проза звучитъ какъ стихъ. Вліяніе Лермонтова, сочувствіе къ нему было огромно; всякій, признаваясь или не признаваясь, невольно чувствовалъ себя лишнимъ человѣкомъ и чужимъ въ этой средѣ, которой ни любить, ни уважать было не за что, слѣдственно всякій находилъ въ немъ свой отголосокъ. Но послѣдователей у него не было, потому что каждый былъ чѣмъ нибудь занятъ въ жизни, хотя бы для того, чтобъ какъ нибудь наполнить пустоту, въ чемъ нибудь да позабыться, и не у всякаго хватало силы на внутреннее, гордое и мрачное уединеніе. Струну, задѣтую Лермонтовымъ, каждый чувствовалъ въ себѣ — равно скептикъ и мистикъ, каждый, не находившій

себѣ мѣста въ жизни и живой дѣятельности; а ихъ откровенно никто не находилъ. Лермонтовъ не былъ теоретическимъ скептикомъ, онъ не искалъ разгадки жизни; объясненіе ея началъ—было для него равнодушно; теоретическаго вопроса онъ нигдѣ не коснулся. Онъ былъ скептикъ въ практикѣ, въ самой жизни, онъ не вѣрилъ въ ея исходъ, и потому на всякую человѣческую дѣятельность смотрѣлъ съ пренебреженіемъ и общественный вопросъ выбросилъ изъ своей поэзіи. Кромѣ строчки презрѣнія, брошеннаго на Францію, строчки ненависти къ придворному барству въ стихахъ на смерть Пушкина—онъ не затронулъ ни одного гражданскаго чувства,—развѣ ненужность войны въ Валерикѣ; но это скорѣе презрѣніе и къ войнѣ, чѣмъ мысль общественной гармоніи. Равнодушіе къ теоретическому вопросу—удалило его отъ науки; онъ и въ ея исходъ не могъ вѣрить a priori, и потому не принимался за нее. Равнодушный къ происхожденію и скептикъ въ исходѣ, онъ ловилъ свой идеалъ отчужденности и презрѣнія, также мало заботясь объ эстетической теоріи искуства ради искуства, какъ и о всѣхъ отвлеченныхъ вопросахъ, поднятыхъ въ его время подъ знаменемъ германской науки, и раздвоившихся на два лагеря, западный и славянскій. Вечера, гдѣ собирались враждующія партіи, равно какъ и всякіе иные вечера съ ученымъ или литературнымъ

оттѣнкомъ, онъ называлъ: *литературной мастурбаціей*, чуждался ихъ и уходилъ въ великосвѣтскую жизнь отыскивать идеалъ маленкой Нины; но идеалъ "ускользалъ какъ змѣя" и поэтъ оставался въ своемъ холодно-палящемъ одиночествѣ. Николай постоянно преслѣдовалъ Лермонтова. Кажется за что бы? Поэтъ не принималъ участія въ политической задачѣ, ненавистной Николаю, отъ нея блѣднѣвшему. Равнодушный къ убѣжденіямъ, онъ даже написалъ въ честь Николая нѣсколько необычайно звучныхъ стиховъ — вѣроятно чтобъ отдѣлаться отъ преслѣдованій.* Но инстинктъ руководилъ царёмъ; онъ не могъ стерпѣть человѣка, который не принимаетъ никакого участія въ его попыткѣ уничтоженія общественной свободы и презираетъ эту попытку, какъ все остальное; царь могъ выносить только людей, уживавшихся съ его міромъ и былъ радъ, когда шальная пуля безумца свалила могучаго нежильца міра сего. А можетъ и самъ поэтъ встрѣ-

* Мы не помнимъ наизусть этой пьесы, и не помнимъ была ли она напечатана. Она кончается стихами:

..."И за побѣдной колесницей
Бѣжалъ наемный клеветникъ."

Если она не была напечатана, мы просимъ гг. библіофиловъ прислать ее, а также и единственную неприличную поэму Лермонтова, какое-то ночное похожденіе; мы ее слышали только разъ въ 1841 году и совершенно не помнимъ; смутно осталась въ памяти только обычная прелесть стиха.

тилъ ее какъ находку! ... До сихъ поръ странна была участь нашихъ поэтовъ. Во время возбужденности гражданскаго вопроса одного доканчиваетъ висѣлица; во время притаенія гражданскаго вопроса двоихъ доканчиваетъ случайность. Къ одной случайности примыкаетъ придворное барство, не образованное — а придворное, николаевское; къ другой примыкаетъ оникола евшееся, пошлое офицерство. Во всѣхъ случаяхъ казнь идетъ изъ однихъ рукъ, изъ рукъ самодержавія. Тѣже крысы, выпущены тѣмъ же капраломъ на съѣденіе всего, имѣющаго свой звучный голосъ, потому что самобытно-звучный голосъ въ казармѣ не прощается.

Въ это время притаенія общественнаго вопроса, нѣмоты высшаго сословія, ухода его лучшихъ людей въ научныя теоріи, и отвлеченныя стремленія, потому что близорукое правительство, по грубости своего попиманія, только имъ и не мѣшало, въ это время другое нѣмое множество — народъ, таилъ общественный вопросъ не потому, что битва свободы была проиграна 14го Декабря, — а потому что она для него не начиналась, потому что — застращенный и унылый — онъ не дерзалъ подумать, что надо поставить на ноги общественный вопросъ, онъ не зналъ какъ его поставить. Въ его историческомъ воспоминаніи попытки освобожденія граничили съ разбоемъ, знамя, подъ которое очень трудно собрать

жителей мирныхъ, непривычныхъ владѣть ножемъ и уже не вѣрившихъ въ мірское значеніе разбоя. Его настоящее наводило на него тоску и уныніе. Въ будущемъ онъ стремился выйти на волю, но не могъ опредѣлить самъ себѣ какая это должна быть воля; народъ имѣлъ свой обычай гражданскаго порядка, но не имѣлъ идеала. Воля для него была чѣмъ-то безграничнымъ, какъ степь; онъ самъ себѣ не могъ сказать чѣмъ онъ наполнитъ пустоту своей затаенной мысли о волѣ, и неопредѣленность своей затаенной, сплошной силы. И вотъ вышелъ изъ народа голосъ, совершенно соотвѣтствующій этому состоянію. Это былъ Кольцовъ. Лермонтовъ и Кольцовъ — два одинокіе властители поэтическихъ думъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ. Одинъ — отвергнувшій общественный вопросъ по устали, другой — потому что не успѣлъ схватить его. Одинъ тоскующій, отъ того, что крылья утомились; другой отъ того, что "крылья связаны". Одинъ погибаетъ, подстрѣленный своими, которымъ онъ чужой; другой гибнетъ, задушенный своими, которые его не узнали. Оба вмѣстѣ — звучной отголосокъ цѣлой Россіи своего времени, Россіи задремавшей и Россіи непроснувшейся. Лермонтовъ ищетъ своего идеала внѣ дѣйствительности, противуположнаго ей; этой силѣ нуженъ отдыхъ послѣ утраты, она стремится вонъ изъ той обстановки,

среди которой утрата совершилась. Кольцовъ не имѣетъ идеала, онъ имѣетъ только стремленіе и немогуту силы, которая вотъ того и гляди сей часъ встрѣпенется и грянетъ. У него въ душѣ всѣ народныя воспоминанія, исторія свободы подъ знаменемъ разбоя —

А по Волгѣ, моей матушкѣ,
По родимой, по кормилицѣ,
Вмѣстѣ съ братьями за добычью
На край свѣта леталъ соколомъ.

У него народныя надежды—

Тамъ у насъ всего довольно,
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть.
Отъ боярина сокроютъ,
Хату славную дадутъ—

У него народная сила, еще недоросшая до дѣла—

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать ни ходить...
Кто же держитъ меня,
И что кинуть мнѣ жаль?
И за чѣмъ до сихъ поръ
Не стремлюся я вдаль?
По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!
Да на путь—по душѣ—
Крѣпкой волк мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой

За себя постоять,
Предъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ!

Кто въ этихъ строкахъ не почувствуетъ всей народной силы, дремлющей, но готовой проснуться, —тому этого объяснить нельзя. Есть вещи, которыя понимаются сразу; кто не понялъ—пеняй на себя.

У Кольцова есть и народная немогута сладить съ теоретической мыслью, которая между тѣмъ его неотступно тревожитъ; онъ ее ищетъ и боится—

Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

Кольцовъ совершенно народъ. Что за бѣда, что народъ его не прочелъ и не узналъ! Онъ все же свое дѣло сдѣлалъ. Онъ заявилъ дремлющую силу нѣмаго множества передъ образованнымъ меньшинствомъ. Онъ сталъ первымъ олицетвореннымъ мостомъ между ними. И родоначальникъ русской литературы XIX столѣтія, Пушкинъ, принялъ его въ свои отцовскія объятія, и кружокъ Станкевича, съ участіемъ сжалъ, въ своей научной рукѣ, его живую, народную руку. Послѣ Лермонтова и Кольцова можно было чувствовать, какъ внутренняя

необходимость влечетъ образованное меньшинство къ воскресенію отъ устали, которой больше нечего было сказать, и къ соединенію съ народомъ, котораго непочатая, неопредѣленная сила заявлена и скоро потребуетъ своего опредѣленія и займетъ свое надлежащее мѣсто въ общественномъ движеніи.

Мы сказали, что въ то время притаенія общественнаго вопроса, лучшіе люди, т. е. наиболѣе образованные, тѣ, которые не могли ни пристать къ успокоившейся толпѣ, ни уйти въ чувство собственной отчужденности отъ человѣческаго міра,—ушли въ науку — и въ отвлеченныя стремленія. Это направленіе было естественно. Дѣлать дѣло на гражданскомъ поприщѣ не позволяло правительство; да если бы и позволило никто бы не зналъ съ чего начать. Правительственный переворотъ не удался; общественный переворотъ стоялъ неразгаданной загадкой. По неволѣ приходилось спрашивать: что̀ и какъ? И лучшіе люди принялись за разработку теоріи. Практика требовала своего, требовала отрицанія существующаго порядка вещей, потому что онъ душенъ и безнравственень. Но что же составляло этотъ порядокъ? Барство и помѣщичество были подточены въ сознаніи образованныхъ людей; народъ еще не жилъ. Порядокъ вещей составляло правительство. Чѣмъ же входило правительство въ общественную жизнь? Чиновниче-

ствомъ. И вотъ литература, принялась подтачивать правительство, начиная съ его периферіи, т. е. съ чиновничества. Вопросъ былъ практически самой живой, и Гоголь былъ дѣйствительной общественной властью этого періода; высшее правительство снисходительно позволяло обкусывать свои оконечности, не догадываясь, что они—оно, точно также какъ терпѣло научную дѣятельность, потому что не понимало ея.

Собственно научная дѣятельность не произвела дѣйствительныхъ талантовъ въ поэзіи. Для этого у нея не было живой связи съ жизнью. Поэзіи приходилось не откликаться на живыя впечатлѣнія, а изобрѣтать ихъ вслѣдствіе теоріи. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ она еще примкнула было къ общественному вопросу въ "Торжествѣ смерти" Печерина (стр. 308); но рукопись не вышла изъ предѣловъ тѣснаго кружка друзей и не отозвалась въ публикѣ. Облечь теоретическое пониманіе жизни и общественной будущности въ поэму, и разомъ высказать отчаяніе въ исходѣ общественной жизни — шло человѣку съ развитымъ научнымъ пониманіемъ, и задыхающемуся подъ желѣзною десницей Николая и тяжестью русской среды его времени. Поэма, не смотря на ея отвлеченность, обличала сильный поэтическій талантъ, который могъ бы развиться. Какимъ образомъ авторъ ея погибъ хуже

всѣхъ смертей, постигшихъ русскихъ поэтовъ, погибъ равно для науки и для жизни, погибъ заживо, одѣвшись въ рясу іезуита и отстаивая дѣло мертвое и враждебное всякой общественной свободѣ и здравому смыслу?... Это остается тайной; тѣмъ не менѣе мы со скорбью смотримъ на смрадную могилу, въ которой онъ преступно похоронилъ себя. Воскреснетъ ли онъ въ живое время русской жизни, или вмѣсто того, чтобъ работать для русской свободы, — ему пріютнѣе жечь протестанскія библіи въ Ирландіи?... Какъ знать? Если внѣшнее чудо могло столкнуть его живаго въ гробъ, то внутренняя сила можетъ и вырвать изъ него. Покаяніе не только христіанская мысль, но необходимость для всего человѣчески-искренняго.

Поэма Печерина относится къ 1837 или 38 году. Чѣмъ больше наука вдавалась въ метафизическую діалектику, тѣмъ больше выдѣлялось понятіе о художественности, внѣ общественной жизни. Это былъ также уходъ изъ удушливаго состоянія николаевскаго времени какъ и у Лермонтова, но менѣе сильный и живой, потому что успокоивался въ абстрактахъ. Попытки стихотворства у людей этого направленія оказались несостоятельными; начинавшіе писать не имѣли ни идеала, ни стремленія, ни впечатлительности жизнь пріемлющей, и скоро выдохлись и перестали писать; имъ нечего

было сказать поэтическаго. Подъ вліяніемъ этой школы, позже вышелъ одинъ великій талантъ — это Фетъ; но и онъ скорѣе обрадовался найти себѣ оправданіе въ метафизической эстетикѣ, чѣмъ дѣйствительно былъ ея ученикомъ; онъ просто слѣдовалъ своей личной, въ одну сторону настроенной впечатлительности, своей способности исключительно пребывать въ пантеистическомъ наслажденіи природой и развилъ эту впечатлительность въ своихъ произведеніяхъ до прелести, до которой можетъ не достигалъ ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ. Счастливъ человѣкъ который въ такую горькую годину могъ успокоиться въ такомъ свѣтломъ чувствѣ! Это былъ самый изящный уходъ изъ дѣйствительности; негодовать на него мудрено; надо прежде спросить—что было дѣлать, когда изъ дѣйствительности ничѣмъ живымъ не вѣяло? Люди сильные уходили въ одиночество, какъ Лермонтовъ; люди мягкіе бросались въ объятія изящной природы. Явленіе эпикуреизма совпадаетъ съ тяжелыми временами исторіи, и только тотъ можетъ бросить въ него камень, кто ни на одну минуту въ жизни не отдохнулъ подъ его обаяніемъ.

Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ смолкаетъ потаенная литература, или—что еще хуже—рукописи не расходятся. Ихъ прячутъ со страха тѣ, у которыхъ онѣ есть, чтобъ не попасться по напрасну; а тѣ, у которыхъ ихъ нѣтъ—не

требуютъ ихъ. Публика на столько боится общественнаго движенія, что всякую крохотную выходку крохотнаго либерализма считаетъ за геройство; она остается равнодушною ко всякой мысли объ общей перестройкѣ душнаго общественнаго зданія, ко всякому чувству негодованія противъ его самовластнаго хозяина. Стихотворенія, которыхъ ценсура не пропускала, но которыя могла бы пропустить, которыя составляли занятіе отдѣльнаго кружка и не отзывались въ публикѣ единогласнымъ потрясеніемъ какъ отзывался пропущенный ценсурою Лермонтовъ, принадлежали къ другому научному направленію, направленію археологическаго панславизма. Оба направленія—европейской науки и панславизма—выходили изъ движенія двадцатыхъ годовъ. Слитыя у декабристовъ — негодованіе на русскую дѣйствительность и любовь къ Россіи—раздвоились, одна сторона пошла въ отрицаніе всего русскаго, другая въ отрицаніе всего не-русскаго. Оба направленія оперлись на германскую метафизику, ставившую себя наукою. Отдѣльно отъ нея, совершенно своеобразно явилась только на сторонѣ европеизма статья Чаадаева, — отрицаніе Россіи, исполненное любви и скорби, которое могло только выйти изъ подъ пера декабриста, искавшаго въ католицизмѣ успокоенія послѣ проигранной битвы. Она потрясла умы на мгновеніе, какъ внезапная боль, заставила

дружнѣе сплотиться своихъ противниковъ—славянофиловъ, но не связалась нисколько съ вовсе не католическимъ гегелизмомъ. Плачъ Чаадаева замолкъ, оставивъ враждовать обѣ стороны, опиравшіяся на отвлеченную науку и потому на первыхъ порахъ—обѣ совершенно абстрактныя. Метафизика развивала изъ себя діалектическую паутину, не слишкомъ заботясь о дѣйствительности, о которой сама проповѣдывала, но которую не объясняла изъ фактовъ, изъ простаго сцѣпленія причинъ и слѣдствій, а облекала факты въ свою паутину и возводила простыя явленія въ нравственный принципъ, способъ, которымъ можно примириться со всѣмъ на свѣтѣ и все, не только оправдать, но узаконить; естественное, но самое узкое послѣдствіе этого направленія—доктринаризмъ. Доктринаризмъ овладѣлъ обоими направленіями. Доктринаризмъ славянофиловъ съ той же метафизической діалектикой, какъ и его противникъ, доктринаризмъ европейской,—дошелъ до необходимости панславизма и оправданія православія, на томъ основаніи, что вѣра народная истинна, потому что она народная, а истина принадлежность народнаго сознанія. Доктринаризмъ европейскій сперва ударился въ эстетику, потомъ перешелъ въ юридической, или собственно такъ называемый доктринаризмъ. Очевидно, что поэзія не могла найти себѣ мѣста ни въ произведеніяхъ, писанныхъ для

оправданія метафизическихъ началъ эстетики, ни въ произведеніяхъ писанныхъ для доказательства жизненности племенъ, которыхъ жизнь еще не проявлялась, или для возведенія въ непреложный, нравственный принципъ вѣроисповѣданія, тянувшагося просто какъ историческое явленіе, котораго происхожденіе было объяснимо, но котораго содержаніе не могло отвѣчать на запросъ современнаго, мыслящаго человѣка. Это первоначально абстрактное направленіе славянофильства не носило въ себѣ даже простодушія пророчества, чтобъ найти для себя поэтическую форму и содержаніе. Отъ этого и непропущенныя стихотворенія Хомякова, всегда благородныя по направленію и скорѣе звучныя чѣмъ изящныя по формѣ, не находили отголоска. Это не было ни пѣснью волнующагося живаго племени, ни пророчествомъ искренно провидящаго фанатика. Хомяковъ былъ слишкомъ большой діалектъ, чтобъ быть поэтомъ. Будущность славянскихъ племенъ ему являлась, скорѣе вслѣдствіе историческаго разсчета, какъ Америка для Колумба, вслѣдствіи математическаго разсчета, чѣмъ какъ мессія для пророка. Отъ этого духа пророчества нѣтъ въ его поэзіи; а облекать въ живыя образы жизнь новаго свѣта прежде его открытія — было задачею невозможной. Сила Хомякова и не была въ его поэзіи, даже и не въ его прозѣ, а въ его личномъ

вліяніи, въ его неистощимой дѣятельности въ проповѣдываніи своихъ твердыхъ и горячихъ убѣжденій.

Эти убѣжденія, т. е. убѣжденія славянофильскія, также какъ и исключительное направленіе германской философіи—не могли удержаться на русской почвѣ въ своей метафизической отвлеченности. Никогда совершенно не забывавшійся завѣтъ декабристовъ, присутствіе страждущаго народа, самое возрастающее давленіе власти, наконецъ складъ русскаго ума, который, при великой любви къ теоріи, не удовлетворяется внѣ дѣйствительности, все вызывало дѣятелей сойти въ живую жизнь, и черта совершеннаго равнодушія къ гражданскому вопросу, совершеннаго ухода въ чуждость всему общественному или въ чистую теорію—не могла долго устоять. Бѣлинскій быстро отшарахнулся отъ метафизическаго оправданія деспотизма, и заговорилъ живымъ языкомъ, все менѣе и менѣе метафизическимъ и нѣмецкимъ, и двигалъ мысль къ общимъ потребностямъ гражданской свободы. Славянофилы тоже скоро перестали говорить нѣмецкимъ языкомъ и принялись рьяно и преданно разработывать пониманіе народной жизни, преимущественно передъ заботою о Бѣлградѣ и Прагѣ, предоставивъ ее грядущимъ поколѣніямъ. Мы нисколько не думаемъ нападать на любовь къ славянскимъ племенамъ, но

мы думаемъ, что и теперь этотъ вопросъ преждевременъ, и что до разрѣшенія русской областной и польской свободы, онъ не имѣетъ силы стать на ноги. Можно было предчувствовать, что оба направленія, по выходѣ изъ теоріи, сойдутся на практикѣ построенія народной свободы на народныхъ основаніяхъ. Одно современное намъ явленіе поразительно : европейскій доктринаризмъ, по выходѣ изъ германской метафизики въ юридической доктринаризмъ, примкнулъ къ централизаціи, съ которой боролся; славянофильской доктринаризмъ, подъ часъ не враждовавшій съ централизаціей, совершенно отрѣшился отъ нея, и сталъ въ ряды независимости областей и народныхъ общинъ. Послѣднее естественно; увлеченіе центральной властью у славянофиловъ было только полемическое, но не лежало въ ихъ принципѣ; по первое составляетъ вопросъ, къ которому мы когда нибудь воротимся и который слишкомъ связанъ съ общей европейской жизнью, чтобы разсматривать его только мимоходомъ. Не менѣе страненъ и междоумокъ между обоими крайними доктринами — англоманія нашего времени, представляющая, какъ всѣ междоумки, оторванность отъ всякой дѣйствительности—равно и отъ правительственной и отъ народной, и существующая больше какъ полемическая выходка противъ той и другой, чѣмъ какъ что нибудь самобытное. Но объ

этихъ вопросахъ въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ; возвратимся къ нашему предмету.

Въ славянофильской дѣятельности дѣйствительнымъ поэтомъ былъ Константинъ Аксаковъ, человѣкъ, который нравственную чистоту и гражданское чувство довелъ до лиризма, который искренно скорбѣлъ и искренно боролся. Его голосъ во времена притѣсненія гражданскаго вопроса звучитъ какъ вопль:

Пусть гибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ направленъ былъ,
Терзалась мысль, трудилось слово,
Въ запасѣ много было силъ.
Слабѣйте жъ силы, вы не нужны,
Усни ты духъ—давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра. (Стр. 229).

Да! Въ этой скорби поэзія великой искренности! Но до конца борьбы онъ не выпускалъ изъ рукъ народнаго знамени, послѣдній свой трудъ посвятилъ защитѣ народа противъ петербургскаго доктринаризма мнимаго освобожденія, и умеръ на зарѣ русской свободы. Вся эта жизнь была поэзіей гражданства. Почтимъ его память, сознавая, что если Кольцовъ подалъ руку на сближеніе народа съ меньшинствомъ, то славянофилы первые въ самомъ дѣлѣ подали руку меньшинства на сближеніе съ народомъ, какъ равнаго съ равнымъ. Мы не славянофилы, и не православные, но этой заслуги мы у нихъ не отнимемъ.

Но какъ ни велико было вліяніе обѣихъ доктринъ, западно-научной и славянофильской,—практической вопросъ занялъ свое мѣсто и завладѣлъ всѣми интересами. Практическій вопросъ, какъ мы уже сказали былъ разрушеніе чиновничества и выдвинуть на первый планъ геніальной силою Гоголя. Вопросъ былъ такъ практически необходимъ, что на немъ сошлись не только всѣ читающіе изъ всѣхъ сословій, но и обѣ доктрины. Западники нашли въ немъ грязь русской жизни, славянофилы грязь нѣмецкаго противународнаго правительства. И обѣ стороны были правы—лучшее доказательство, что вопросъ былъ поставленъ вѣрно и что практика жизни ставитъ свои требованія сильнѣе всѣхъ теорій. Сколько Гоголь ни бьетъ по всѣмъ сословіямъ, но главная цѣль его — чиновничество. Вся правительственная пошлость и своекорыстіе вышли наружу. Николай не понялъ и смѣялся, а въ сущности уваженіе къ правительству было безъ возврата подточено въ общественномъ сознаніи. Но вопросъ возбуждавшій смѣхъ надъ правительствомъ на сценѣ и въ романѣ, не могъ не отозваться въ поэзіи. Боль отъ гнета чиновничества, которое давитъ даже само себя, обрекая свои низменныя ступени на нищенство и пролетаріатъ, нашла свой голосъ въ Некрасовѣ. Картина ли родныхъ полей и деревень, роскошь ли столицы, страданіе женщины, страданіе мелкаго

чиновника и мужика—у него все облито одной скорбью, скорбью передъ властью чиновника. Если ему случается ненавидить и презирать самаго себя—это въ тѣ минуты, когда онъ въ душѣ своей подмѣчаетъ движеніе унаслѣдованное изъ міра чиновничьяго. Съ этой точки зрѣнія онъ любитъ народъ, тѣснимый чиновникомъ, и все тѣснящее возбуждаетъ въ немъ ненависть. Но общество молчитъ, ненависть безсильна—и скорбь практической жизни доходитъ до поэзіи мрачной, но искренней и потрясающей. Некрасовъ естественно возникаетъ вслѣдъ за Лермонтовымъ и Кольцовымъ; его задача была трудна для поэзіи и требовала таланта истиннаго и сильнаго, таланта, котораго "муза плачущая, скорбящая и болящая, всечасно жаждущая, униженно просящая," муза "мести и печали"—никогда не пѣла надъ нимъ сладкогласной пѣсни; его задача была лишена идеала внѣ общественности, лишена и стремленія въ неопредѣленную даль. Въ его задачѣ скорбь опредѣлялась и вошла въ практическій міръ; это было горе настоящаго, горе безъ исхода, горе о странѣ задавленной чиновничествомъ, горе человѣка, который отрекся отъ этого чиновничества, горе, выстраданное цѣлой жизнію. Его "суровый стихъ" полонъ поэзіи сухаго горя. Его женскій идеалъ равно не кроткая Татьяна и не сосредоточенная въ эгоистической страстности маленькая Нина; его

женскій идеалъ, не идеалъ, а бѣдное дитя нужды, бродящее по городскимъ улицамъ, не зная чѣмъ поужинать и на что похоронить замореннаго ребенка...

Мы не хотимъ сказать, чтобы чиновникъ былъ единственнымъ предметомъ у Гоголя и Некрасова; но что это ихъ любимый предметъ, который они грызутъ преимущественно, это очевидно изъ ихъ произведеній. Да ихъ къ этому велъ и естественный ходъ обстоятельствъ. Когда первое пушкинское движеніе, движеніе декабристовъ, зачавшееся въ средѣ барства, отрицая это барство, поколебало царскую власть въ общемъ сознаніи и поставило въ зародышѣ всѣ вопросы народнаго освобожденія, которымъ было суждено развиваться впослѣдствіи, когда это движеніе улеглось до безмолвія и отчужденности отъ общественной жизни, выходъ изъ безмолвія могъ только начаться съ подтачиванія правительственной сѣти, наброшенной на Россію, и именно тамъ, гдѣ она непосредственно касалась до общественной жизни, т. е. въ ея периферіи, въ чиновничествѣ. "Чиновникъ... а! ну такъ вѣрно былъ мошенникъ"—заключаетъ голосъ изъ толпы въ поэмѣ (вѣроятно изъ конца 40-хъ годовъ) помѣщенной въ этой книгѣ.* Форма, въ которой работалъ Гоголь, была широка и наиболѣе доступна,

* Стр. 397 — 416.

и дѣйствовала сильнѣе; не говоря уже объ огромности таланта, смѣхъ являлся самымъ мощнымъ и каждому понятнымъ дѣятелемъ. Жесткій лиризмъ Некрасова не могъ имѣть такого же объемистаго вліянія. Отъ этого у Некрасова не было послѣдователей и подражателей. Гоголь создалъ цѣлую школу послѣдователей, даже проникъ въ обыденный языкъ общества. Сохраняя форму учителя, послѣдователи разобрали предметы, каждый по своему вкусу, но все болѣе и болѣе расширяя задачу и подтачивая не одно чиновничество, а и все возлѣ него и въ ладу съ нимъ отживающее, но еще не отжившее. Изъ этой школы вышли два самобытныхъ таланта, достойныхъ стоять рядомъ съ учителемъ. Тургеневъ истинный художникъ по объему и силѣ впечатлительности, преимущественно доканчивалъ помѣщичество и бралъ изъ жизни свѣтлые образы простолюдиновъ, любя и лелѣя ихъ. Островской ударилъ по болячкѣ до него пропущенной въ литературѣ — по купеческому быту, этой буржуазіи, недоросшей до касты, но уже вмѣстившей въ себѣ всю безнравственность понятій и лицемѣрія, съ ней нераздѣльную, и являющейся въ народномъ представленіи не въ образѣ касты, а въ образѣ такъ называемаго *кулака* изъ мужиковъ.

И вотъ, между тѣмъ какъ литература грызла правительственно-общественную сѣть по всѣмъ

узламъ, высшее правительство натягивало ее все больше и больше, и жить становилось все душнѣе и душнѣе. Результатъ, до котораго дошло николаевское царствованіе, недавно ярко бросился намъ въ глаза, при чтеніи стихотворенія, писаннаго въ 1850 году, пятнадцатилѣтнимъ гимназистомъ. Вотъ оно :

Земля моихъ отцовъ, страна моя родная,
Скажи—за что́ тебя я не люблю ?
За что тебѣ, Россія молодая,
Ни славы я, ни счастья не молю ?
Какъ мать презрѣнную тебя я покидаю,
Ищу груди кормилицы другой,
И соки вредные крови родной
Я изъ себя какъ язву выжимаю.
Скажи за что ? Роскошныя поля
Вездѣ цвѣтутъ отрадною красою,
И дышетъ степь разгуломъ бытія,
И тянутся лѣса свободной полосою.
Но чтожъ изъ нихъ ? Ты въ душную тюрьму
Свои лѣса и степи превратила,
И цѣпи крѣпкія преградой положила
Порывамъ радости, и чувству, и уму.
За то-ль тебя любить, что хитрою рукою,
Коварствомъ—ты пол-міра заняла
И жителямъ своимъ обширною тюрьмою
Сибирь холодную въ утѣху отвела ?
За толь тебя любить, что съ вѣрою святою
Всѣ русскіе царя какъ бога чтутъ,
А онъ въ награду имъ державною рукою
Даруетъ цѣпи, плети, кнутъ ?
Законъ и честь—въ тебѣ слова пустыя,
Ты свѣтлый умъ готова погубить ;

LXLI

Какъ скряга, за алтынъ, за выгоды пустыя,
Ты слезы бѣднаго готова лить да лить.
Въ тебѣ разгулъ—но трудно въ немъ ужиться,
Въ тебѣ просторъ—но трудно людямъ жить...
За чтожъ мнѣ за тебя, о родина, молиться?
За что-же мнѣ тебя, о родина, любить?

Знаменательно! Лермонтовъ еще любитъ родину за пейзажъ, Некрасовъ—за ея страданія и за собственную боль, поэзію своего сердца; Николай доводитъ положеніе до того, что отрокъ ничего не находитъ сказать, кромѣ отрѣченія отъ своей родины, какъ отъ злой и уродливой матери-мачихи! Невольно чувствуется, что этотъ міръ такъ натянутъ, что онъ дальше въ этомъ складѣ жить не можетъ; а еще силъ и жизни много, слѣдственно этотъ складъ долженъ рушиться и дать мѣсто иному, новому складу.

Нить историческихъ данныхъ плетется такими зигзаками, перепутывается такими сплетеніями, что рѣзкихъ рубежей указать невозможно. Одновременно съ надеждами уживается отчаяніе, жизнь освобождается, а еще тѣни мертвыхъ бродятъ. Только яркій результатъ, совершившееся событіе наводитъ на отысканіе нити среди перепутанныхъ узловъ. Тридцать лѣтъ, послѣ проиграннаго сраженія 14 Декабря, растетъ гнетъ власти и растетъ вопль отчаянія; этотъ вопль еще не улегся и теперь, и теперь еще есть люди, и благородные, и молодые

люди, у которыхъ стихи пятнадцатилѣтняго гимназиста такъ сидятъ въ крови, что у нихъ нѣтъ вѣры на дѣло. Еще и теперь покачнувшаяся власть стоитъ грознымъ призракомъ и поддерживаетъ въ обществѣ вредную мечту общественнаго безсилія, въ то время какъ взаправду—безсильна только сама власть. А между тѣмъ уже съ конца сороковыхъ годовъ общество домогается перейти отъ ничтожества къ силѣ. Между тѣмъ и самое время безмолвія передъ высшей властью не прошло въ бездѣйствіи. Люди жались, покорялись, не затрогивали ея, а все же литература, непонятая ни царемъ, ни цензурой, изгрызла всюду сѣть правительственнаго порядка вещей — и своей метафизической наукой, и археологической религіей, и ѣдкимъ смѣхомъ, и самымъ вопленъ отчаянія. Ничего не осталось въ живыхъ въ сознаніи не только исключительно образованнаго меньшинства, а и полуобразованнаго, но способнаго смѣяться и плакать; передъ ними лежало избичеванное помѣщичество, избичеванное чиновничество, отшлепанное купечество; въ живыхъ оставалась только народная масса, съ которой меньшинство стремилось сблизиться. Да и дѣйствительно ничего иного въ живыхъ и нѣтъ, какъ народъ, имѣющій за себя экономическій обычай землевладѣнія, да меньшинство, имѣющее за себя производительную силу мысли. Что между ними — помѣщичество, чиновничество, кулачество — то не

имѣетъ за себя ни силы обычая, ни силы мысли; за него только правительственная власть, его поддержка царь, исчезни помѣщичество съ чиновничествомъ и царь исчезнетъ. Исторія пришла къ исходной точкѣ 14 Декабря, но съ той разницею, что 14 Декабря нельзя было поколебать царя, потому что помѣщичество и чиновничество были живы; теперь они подточены, а съ ними подточилась и царская власть. На сколько она сама въ этомъ виновата — мы здѣсь не станемъ объяснять, это повлекло бы насъ въ сторону. Но что литература, подточивъ периферію и основаніе свода, вмѣстѣ указала на то, что пора снять замочный камень, это уже чувствовалось въ концѣ сороковыхъ годовъ. Дѣло Петрашевскаго напомнило о необходимости тайныхъ обществъ тамъ, гдѣ явныя общества не дозволены. Рукописи, которыя цѣлое десятилѣтіе или почти не являлись, или притаились такъ, что все равно еслибъ ихъ и не было,*—рукописи вдругъ стали ходить по рукамъ, размножаясь до созданія цѣлой подземной литературы, обращающей въ ничто всѣ усилія цензуры. Дѣло было слишкомъ практи-

* Такимъ образомъ стихотвореніе "На смерть помѣщика Оленина" (стр. 208) сдѣлалось намъ извѣстно только въ Лондонѣ; а оно кажется относится къ сороковымъ годамъ, и не смотря на длинноту, имѣетъ свои сильныя мѣста и свое дѣйствительное сближеніе съ народомъ.

ческое, слишкомъ критически-практическое, чтобъ начаться съ свободнаго голоса поэзіи. Пѣсня не имѣла мѣста; работа молотка и циркуля не давала ни покоя, ни вдохновенія для пѣсни. Отъ этого потаенная литература пятидесятыхъ годовъ началась съ политико-критическихъ статей. И какъ-же онѣ распространялись съ крымской войны! не менѣе чѣмъ потаенныя стихотворенія двадцатыхъ годовъ. Стихъ сталъ примыкать къ потаенной публицистикѣ не много позже и невѣрнымъ шагомъ. Дѣйствительно поэтическихъ талантовъ не являлось. Но количество стихотвореній умножалось и съ поднятія крестьянскаго вопроса стало все больше и больше приспособляться къ дѣлу. Перешагнувъ черезъ хронологическій порядокъ, котораго мы по возможности старались держаться въ нашемъ сборникѣ, мы помѣстили въ концѣ этой части *Современное стихотвореніе*, которое тѣмъ замѣчательнѣе, что ненарочно сосредоточиваетъ въ себѣ цѣлую историческую эпоху и опирается на ея исходную точку, на 14 Декабря.

Можетъ быть насъ упрекнутъ, что мы, въ этомъ общемъ, бѣгломъ очеркѣ исторіи нашего стихотворства въ XIX столѣтіи не приступили къ разбору отдѣльныхъ стихотвореній, но мы его оставили до изданія второй части. Можетъ упрекнуть, что мы отвели слишкомъ длинное мѣсто движенію двадца-

тыхъ годовъ... Какъ быть! Опредѣлить исходную точку всего труднѣе и требуетъ всего больше работы. Мы надѣемся однако, что насъ не упрекнуть въ преувеличеніи значенія Пушкина и декабристовъ, на томъ основаніи, что не ихъ вліяніе было такъ велико, а они сами находились подъ вліяніемъ имъ современныхъ потребностей. Въ этомъ повторяется въ исторіи тоже кругообращеніе жизни, какъ въ остальной природѣ. Притокъ новыхъ силъ ставитъ, какъ новое данное, потребность къ ихъ выходу; эта потребность создаетъ дѣятелей, а дѣятели становятся новой данной силой, которой вліяніе распространяется по всему организму. По этому мы не можемъ отрѣчься отъ нашей сыновней любви къ дѣятелямъ двадцатыхъ годовъ, и съ умиленіемъ смотримъ на тѣхъ изъ нихъ, которые остались въ живыхъ передъ входомъ въ землю ханаанскую. Съ тѣхъ поръ вещи уяснились, вопросы опредѣлились и вошли въ дѣйствительность. Поэзія сдѣлала первый шагъ къ проявленію областной жизни; Украйна проснулась въ Шевченкѣ и—лучшее доказательство какъ сила обстоятельствъ влечетъ къ самобытности областей и нераздѣльности союза—Шевченко, народный въ Малороссіи, съ восторгомъ принятъ, какъ свой, въ русской литературѣ и сталъ для насъ родной,—такъ много было общаго въ нашихъ страданіяхъ и такъ самобытность каждаго становится необходимымъ

условіемъ общей свободы. Дѣйствительно-образованное меньшинство съ каждымъ днемъ больше и больше понимаетъ это условіе, также какъ съ каждымъ днемъ больше и больше понимаетъ и другое, исторіей и жизнью налагаемое, условіе близкаго переворота: народное землевладѣніе и народное самоуправленіе. Но литература остановилась на теоріяхъ, или размельчалась въ подтачиваніи отживающаго порядка вещей, въ такъ называемой обличительной литературѣ. Всюду чувствуется, что теорія сама по себѣ, только въ книгѣ жить не можетъ, а также обличенія частностей, при сохраненіи общаго мертвящаго склада, не помогутъ. Чувствуется, что *слово* покончило свою задачу; пора приступить къ *дѣлу*. Новое дѣло создастъ новое слово. Если новыхъ дѣйствительныхъ поэтическхъ талантовъ у насъ нѣтъ, не смотря на обиліе стихотвореній—это потому, что жизнь еще не пробила коры и не пришла къ взрыву, и только новая жизнь создастъ своихъ поэтовъ.

Гдѣ они, поэты будущаго, поэты Россіи безсословной, Россіи народной? Существуютъ ли теперь, или еще не родились? И откуда они выйдутъ—изъ среды ли барства, себя отрицающаго, изъ среды ли чиновничества, себя отвергающаго, или изъ среды народа, наслѣдника всѣхъ сословій? Не знаю. Я знаю одно—что они будутъ!

Н. Огаревъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПУШКИНА.

СТИХОТВОРЕНІЯ ВЪ РАЗНЫХЪ РОДАХЪ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ.*

Христосъ воскресъ! Питомецъ Ѳеба,
Дай Богъ, чтобъ, милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ;
Онъ что-то кажется исчезъ.
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной,
Воскресли миръ и тишина,
Чтобъ въ Академіи почтенной,
Воскресли члены ото сна;
Чтобъ въ наши грѣшны времена,
Воскресла предковъ добродѣтель,
Чтобы Шихматовымъ на зло,
Воскреснулъ новый Буало,
Расколовъ, глупости свидѣтель,
А съ нимъ побольше серебра
И золота et cætera.....

* Писано въ Лицеѣ.

Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ,
Да не воскреснетъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ поэтъ покойный
И не покойный графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грѣшно.
О Муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный кличь.
Не нужно мнѣ гремящей лиры
Вручи мнѣ Ювенала бичь.
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
Не безотвѣтнымъ риѳмачамъ
Готовлю язву эпиграмъ.
Миръ вамъ, несчастные поэты!
Миръ вамъ, смиренные глупцы!
А вы ребята подлецы
Впередъ! всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда;
Но если-же кого забуду
Прошу напомнить, господа.
О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать.

ОДА НА СВОБОДУ.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица,
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,*
Разбей изнѣженную лиру,
Хочу воспѣть я вольность міру,†
На тронѣ поразить порокъ.
Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго Галла,
Которому средь славныхъ бѣдъ,
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтренной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Возстаньте падшіе рабы!

* Варіантъ "Сорви съ главы моей вѣнокъ."

† Варіантъ "Хочу я вольность грянуть міру."

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы!
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Повсюду рабства грозный геній
И къ славѣ роковая страсть!

Лишь тамъ надъ царскою главой
Неслышимо людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ сжатый вѣрными руками
Гражданъ, надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ,

И преступленье съ высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.
Владыки! Вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ законъ*

И горе, горе племенамъ
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!

* Варіантъ "Но выше васъ самихъ законъ."

Тебя въ свидѣтели зову,
О! мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу.
Восходитъ къ смерти Людовикъ
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
Падетъ преступная сѣкира
И самовластная порфира
На Галлахъ скованныхъ лежитъ.
Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостью увижу.
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы,
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.
Кода на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сіяетъ
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ,
Глядитъ задумчиво пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью брошенный дворецъ.
Онъ слышитъ Кліи мрачный гласъ
Надъ сими страшными стѣнами,

Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами,
Онъ видитъ..... въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоенны,
Идутъ убійцы потаенны,
На лицахъ дерзость, въ сердцѣ страхъ.
Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъемный,
Врата отверсты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наемной.
О стыдъ, о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри, вторглись янычары,
Падутъ преступные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй.
Внемлите истинѣ цари,
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона
И станутъ стражею у трона
Народовъ вольность и покой.

КИНЖАЛЪ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечь закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ,
Ты кроешься вездѣ, подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ,
Какъ адскій лучь, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвее злодѣю въ очи блещетъ
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.
Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ, вольнолюбивый...

Кинжалъ, ты кровь излилъ, и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.
Изчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ,
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой,
Палачъ уродливый возникъ.
Апостолъ гибели, усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
И вышній судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Эвмениду.
Свободы мученикъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! Твой вѣкъ угасъ на плахѣ,
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ,
Въ твоей Германіи ты грозной тѣнью сталъ,
И на торжественной могилѣ
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи *кинжалъ*.

В. Л. ПУШКИНУ.

Скажи парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ,
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонъ Аполлону даромъ,
За честь не смѣетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?
Беллона, музы и Венера
Вотъ кажется святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца.
Я плюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса Храбреца;
Но не на Глинку офицера—
Довольно плоскаго пѣвца,
Не нужно мнѣ его примѣра...
Ты скажешь: перестань болтунъ!

Будь человѣкъ, а не драгунъ ;
Парады, караулъ, ученья,
Все это оды не внушитъ,
А только душу изсушитъ,
И къ Марину для награжденья
Быть можетъ прямо за Коцитъ
Пошлютъ читать его творенья.
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Ѳемидѣ—
Ты съ дипломатикой косой !
Кропай, мой другъ, посланья къ Лидѣ
Оставь военные грѣхи,
И въ сладостяхъ успокоенья
Пиши сенатскія рѣшенья
И пятистопные стихи ;
И не съ гусарскаго корнета—
Возьми примѣръ съ того поэта,
Съ того, котораго рука
Нарисовала Ермака,
Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта
И плѣнъ могучаго Махмета,
И мужа модные рога ;
Который милостію Бога
Министръ и сладостный пѣвецъ—
Былъ строгой чести образецъ,
Какъ образецъ онъ будетъ слога.
Все такъ, почтенный дядя мой,
Почтенъ, кто глупости людской
Рѣшитъ запутанные споры ;
Уменъ, кто хитрости рукой

Переплетаетъ межъ собой
Дипломатическіе вздоры
И правитъ нашею судьбой.
Смѣшенъ конечно мирный воинъ
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ святцахъ онъ достоинъ.
Что восхитительнѣй, живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
И что завиднѣй кроткихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ и нѣгъ и граній,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала,
Кто славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы враги трудовъ и славы,
Питомцы Ѳеба и забавы,
Вы мирной праздности друзья,

Шепну вамъ на ухо вы правы
И съ вами соглашаюсь я!
Богъ создалъ для себя природу,
Свой рай и счастіе глупцамъ,
Злословіе мущинъ и моду,
Конечно, для забавы дамъ,
Заботы—знатному народу,
Дурачество—для всѣхъ, а намъ—
Уединенье и свободу!

1817.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, тихой славы
Не долго нѣжилъ насъ обманъ,
Изчезли юныя забавы,
Какъ сонъ, какъ утренній туманъ;
Но въ насъ горитъ еще желанье,
Подъ гнетомъ власти роковой,
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванье.
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты вѣрнаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
И на обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена!

1818.

ПОСЛАНІЕ КЪ М. ОРЛОВУ.

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной,
(Хотя и русскій генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенный;
О ты, который съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верхомъ,
Преподаешъ царей науку;
Но не безславишь съ горяча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача,—
Орловъ, ты правъ, я забываю
Свои геройскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля суеты.
На генерала Киселева
Не положу моихъ надеждъ;
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,

Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ,
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ—придворный.....обѣщанья
Ему не стоятъ ничего.
Смиривъ немирныя желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ;
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и халатѣ
Я буду пѣть моихъ боговъ.
Я буду ждать: когда возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей
И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда покину миръ полей.
Питомецъ пламенной Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,
Орловъ, я стану подъ знамёна
Твоихъ воинственныхъ дружинъ;
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечемъ и съ лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

ДЕРЕВНЯ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья.
Я твой ... Я промѣнялъ порочный дворъ царей
Безумные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья,
Я твой... Люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ чистые ручьи въ кустарникахъ журчатъ.
Вездѣ передо мной прелестныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбарей бѣлѣетъ иногда;
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,

Овины дымные и мельницы крылаты,
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанье презирать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ! здѣсь вопрошаю васъ,
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отважный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ,
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ,
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества убійственный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ, насильственной лозой,
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,

Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О еслибъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ душѣ моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?..
Увижу-ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря!..

ПО ПРОЧТЕНІИ БАЙРОНОВА КАИНА.

Я здѣсь одинъ,—меня отвергли братья,
Имъ непонятна скорбь души моей,
Пугаетъ ихъ на мнѣ печать проклятья,
А мнѣ противны звуки ихъ цѣпей.
Кляну ихъ рай, подножный кормъ природы,
Кляну твой бичь, безумная судьба.
Кляну мой умъ—рычагъ моей свободы,
Свободы жалкой бѣглаго раба.
Кляну любовь мою, кляну святыню,
Слѣпой мечты безчувственный кумиръ,
Кляну тебя—безплодную пустыню,
Въ зачатіи творцомъ проклятый міръ.

СКАЗКА.

Ура! въ Россію скачетъ
Кочующій деспотъ;
Спаситель горько плачетъ,
А съ нимъ и весь народъ.
Марія въ хлопотахъ
Наслѣдника стращаетъ:
" Не плачь дитя, не плачь, сударь,
Вотъ бука, бука русской царь!"—
Царь входитъ и вѣщаетъ:
" Узнай народъ россійской,
Что знаетъ цѣлый міръ —
И прусской и австрійской—
Я сшилъ себѣ мундиръ.
О, радуйся народъ, я сытъ, здоровъ и тученъ,
Меня газетчикъ прославилъ,
Я ѣлъ, и пилъ, и обѣщалъ,
И дѣломъ не замученъ.

Узнай еще въ прибавку,
Что сдѣлаю потомъ:
Лаврову дамъ отставку,
А Соца въ жолтый домъ;
Законъ постановлю на мѣсто вамъ Горголи
И людямъ всѣ права людей,
По царской милости моей,
Отдамъ изъ доброй воли.
Отъ радости, въ постелѣ,
Запрыгало дитя:
"Неужто въ самомъ дѣлѣ?
Неужто не шутя?"
А мать ему: бай, бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть ужъ, наконецъ,
Послушавши, какъ царь отецъ
Разсказываетъ сказки!"

1819.

ВЪ СИБИРЬ.*

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье,
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельи
Разбудитъ бодрость и веселье.
Прійдетъ желанная пора
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ и свобода
Васъ приметъ радостно у входа
И братья мечь вамъ отдадутъ.

* Стихи эти были присланы Пушкинымъ въ 1827 г. сосланнымъ въ Сибирь Декабристамъ.

СѢЯТЕЛЬ.

"Изыде сѣятель сѣяти слово свое"

Свободы сѣятель пустынной,
Я рано вышелъ до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя,
Но потерялъ я только время;
Благія мысли и труды!
Паситесь добрые народы,
Васъ не разбудитъ чести кличь.
На что стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушкою, да бичъ.

НА ВЫЗДОРОВЛЕІЕ ЛУКУЛЛА

(Подражаніе Латинскому).

Ты угасалъ, богачъ младой,
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ,
Ужъ смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливой,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.
Въ померкшей комнатѣ твоей,
Врачи угрюмые шептались;
Твоихъ наемниковъ, цирцей,
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная, въ страхѣ, что сулили
Имъ тайныя судьбы.
А между тѣмъ, наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,

Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой;
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы
И мнилъ загресть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучь.
Онъ мнилъ: "Теперь ужъ, у вельможъ,
Не стану нянчить ребятишекъ;
Я самъ вельможа буду тожъ,
Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ;
Теперь мнѣ честность трынъ-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!
Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладоши хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга, въ радости, цѣлуютъ.
Бодрится врачъ, поднявъ очки,
Гробовый мастеръ взоры клонитъ,
А вмѣстѣ съ нимъ, прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.
Такъ жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею,
Смотри! Безцѣнный даръ она,
Умѣй-же пользоваться ею;
Укрась её;— года летятъ,
Пора! Введи, въ свои чертоги,
Жену красавицу,— и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

МѢЩАНИНЪ.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ;
Смотри, пожалуй, вздоръ какой,
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто русской мѣщанинъ.
Понятна мнѣ временъ превратность;
Не прекословлю, право, ей;
У насъ нова рожденьемъ знатность
И чѣмъ новѣе тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ
Бояръ старинныхъ я потомокъ,
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!
Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,

Не пѣлъ на клиросѣ съ дѣвчками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ,
Кудажъ мнѣ быть аристократомъ?
Я слава Богу мѣщанинъ!
Мой предокъ, ради службы бранной
Святому Невскому служилъ,
Его потомство гнѣвъ вѣчанной
Иванъ четвертый пощадилъ.
Водились Пушкины съ царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.
Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,
Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ,
Бывало нами дорожили...
Но я, я темный мѣщанинъ.
Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
Въ свою родню неукротимъ,
Съ Петромъ мой прашуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой,
Не любитъ спора властелинъ,
Не всякъ князь Яковъ Долгорукій;
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

Мой дѣдъ когда мятежъ поднялся
Средь петергофскаго дворца,
Какъ Миних, вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый
И я родился—мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ.
И не якшаюсь съ новой знатью
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я просто Пушкинъ, не Мусинъ,
Я самъ большой, не царедворецъ,
Я грамотѣй—я мѣщанинъ.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.*

Видокъ Фиглярин, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкипера попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный Арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперстникъ, а не рабъ.
И былъ отцомъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ среди морскихъ пучинъ
Громада кораблей вспыхала
И палъ впервые Наваринъ.

* Это неоконченное стихотвореніе многіе смѣшиваютъ съ стихотвореніемъ Мѣщанинъ, и при перепискѣ соединяютъ обоихъ въ одно. Но я лично отъ Пушкина знаю, что такое смѣшеніе—незаконно.
(Прим. корреспондента).

МІРСКАЯ ВЛАСТЬ.

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось божество,
Тогда, по сторонамъ животворяща древа,
Марія грѣшница и пресвятая дѣва,
Стояли двѣ жены,
Въ неизмѣримую печаль погружены;
Но у подножія теперь креста честнаго,
Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зримъ, поставлено на мѣсто женъ святыхъ
Съ ружьемъ и въ киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе казенная поклажа
И вы боитеся воровъ или мышей,
Иль мните важности придать царю-царей,
Иль покровительствомъ спасать могучимъ
Владыку терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила,
И чтобъ непотѣснить гуляющихъ господъ
Нускать не велѣно сюда простой народъ?

НА НАВОДНЕНІЕ.

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте! не бѣда—
Отъ Петербургскаго потопа
Спаслась полярная звѣзда.

Бестужевъ! твой ковчегъ на брегѣ,
Нарваса блещутъ высоты
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди, и скоты.

ПЕСТЕЛЮ.

Снесемъ иль нѣтъ главу свою—
Изъ полновѣснаго стакана
Твое здоровье, Пестель, пью,
И рвусь и злюся на тирана.....

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Добра чужаго не желать
Ты, боже, мнѣ повелѣваешь,
Но мѣру силъ моихъ ты знаешь :
Мнѣ ль чувствомъ нѣжнымъ управлять?
Обидѣть друга не желаю.
Не надо мнѣ его скота,
Не надо мнѣ его раба ;
На все спокойно я взираю,—
На домъ его, на скотъ, на рабъ ;
Не лестна мнѣ вся благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна,—Господи, я слабъ !
Но ежели его подруга
Мила, какъ ангелъ во плоти,—
О Боже праведный ! прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга !
Кто сердцемъ могъ повелѣвать?
Кто рабъ усилій безполезныхъ?
Какъ можно не любить прелестныхъ?
Какъ райскихъ благъ не пожелать?

КЪ ОЛЕНИНОЙ

(которой Митрополитъ прислалъ плодовъ изъ своего сада).

Митрополитъ, хвастунъ безстыдный,
Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ;
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ Богъ садовъ.
Чему дивиться тутъ? Харита
Улыбкой дряхлость побѣдитъ,
Съ ума сведетъ Митрополита,
Желанья плоти въ немъ родитъ.
И онъ, твой встрѣтя взоръ волшебный,
Забудетъ о своемъ крестѣ,
И нѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.

С. П. 1817.

КЪ Х.....

Ты богоматерь: нѣтъ сомнѣнья—
Не та, которая красой
Плѣнила только духъ святой:
Мила ты всѣмъ безъ исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, неспросясь супруга.
Есть Богъ другой, земнаго круга
Ему послушна красота;
Онъ Богъ Парни, Тибулла, Мура,
Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я—
Онъ весь въ тебя—ты мать Амура,
Ты богородица, моя.

ЛИДИНЬКѢ.

Я знаю, Лидинька, мой другъ!
Кому въ задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досугъ,
Кому ты жертвуешь украдкой
Отъ подозрительныхъ подругъ!
Тебя страшитъ проказникъ милый,
Очарователь легкокрылый
И хладной важностью своей
Тебѣ несносенъ Гименей.
Ты молишься другому богу,
Своей покорствуя судьбѣ;
Восторги нѣжные къ тебѣ
Нашли пустынную дорогу.
Я понялъ слабый жаръ очей,
Я понялъ взоръ полузакрытый,
И поблѣднѣвшія ланиты
И томность поступи твоей.
Твой богъ неполною отрадой
Своихъ поклонниковъ даритъ,

Его таинственной наградой
Младая скромность дорожитъ;
Онъ любитъ сны воображенья;
Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ,
Онъ другъ стыдливый наслажденья,
Онъ братъ любви, но одинокъ.
Когда безсонницей унылой
Во тмѣ ночной томишься ты,
Онъ оживляетъ тайной силой
Твои неясныя мечты,
Вздыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой
И гонитъ тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкой дѣвственной покой.
Въ уединенномъ упоеньи
Ты мыслишь обмануть любовь?
Напрасно!... Въ самомъ наслажденьи
Тоскуешь и томишься вновь.
Амуръ уже ли не заглянетъ
Въ неосвященный твой пріютъ?
Твоя краса, какъ роза вянетъ,
Минуты юности бѣгутъ.
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступныя мечты:
Не вѣчно будешь ты прекрасна,—
Не для себя прекрасна ты.

Нѣтъ! я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумнымъ изступле-
[ньемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, вiясь въ моихъ объятiяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзанiй,
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганiй.
О, какъ милѣе ты, смиренница моя,
О, какъ мучительно тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгiя моленья,
Ты предаешься мнѣ—нѣжна, безъ упоенья,
Стыдливо холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И оживляешься потомъ все болѣ, болѣ,
И дѣлишь наконецъ мой пламень по неволѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ЭРОТИЧЕСКІЯ.

ГАВРІЛІАДА

(Поэма въ одной пѣснѣ).

Во истину Еврейки молодой
Мнѣ дорого душевное спасенье!
Приди ко мнѣ прелестный Ангелъ мой,
И мирное прими благословенье,
Спасти хочу земную красоту,
Любезныхъ устъ улыбкою довольный,
Царю небесъ и Господу Христу
Пою стихи на лирѣ богомольной.
Смиренныхъ струнъ, быть можетъ, наконецъ
Ее плѣнятъ церковные напѣвы,
И Духъ Святой осѣнитъ сердце дѣвы,
Властитель онъ и мыслей и сердецъ!
Шестнадцать лѣтъ—невинное творенье,
Бровь черная, двухъ дѣвственныхъ холмовъ
Подъ полотномъ упругое движенье,
Нога любви, жемчужный рядъ зубовъ...

Зачѣмъ же ты, Еврейка улыбнулась,
И по лицу румянецъ пробѣжалъ?
Я не тебя—Марію описалъ...
Ахъ милая, ты право обманулась.
Въ тиши полей, вдали Іерусалима,
Вдали забавъ и юныхъ волокитъ,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранитъ,
Красавица, никѣмъ еще не зрима,
Безъ прихоти вела спокойный вѣкъ.
Ея супругъ, почтенный человѣкъ,
Сѣдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селеньи былъ единственный работникъ,
И день и ночь имѣя много дѣлъ,
То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, не много онъ смотрѣлъ
На прелести, которыми владѣлъ,
И тайный цвѣтъ, которому судьбою
Назначена была другая честь,
На стебелькѣ не смѣлъ еще разцвѣсть:
Лѣнивый мужъ своею старой лейкой
Въ часъ утренній не орошалъ его;
Онъ какъ отецъ съ невинной жилъ Еврейкой,
Её кормилъ и—больше ничего...!!!
Но съ праведныхъ небесъ во время оно
Всевышній Богъ склонилъ привѣтный взоръ
На стройный станъ, на дѣвственное лоно
Рабы своей—и чувствуя задоръ,
Онъ положилъ въ премудрости глубокой
Благословить достойный вертоградъ,
Сей вертоградъ забытый, одинокой,
Щедротою таинственныхъ наградъ!

Уже поля нѣмая ночь объемлетъ,
Въ своемъ углу Марія сладко дремлетъ;
Всевышній рекъ, и дѣвѣ снится сонъ:
Предъ нею вдругъ открылся небосклонъ;
Во глубинѣ небесъ необозримой,
Въ сіяніи и славѣ нестерпимой,
Тмы Ангелы волнуются, кишатъ,
Безчисленны летаютъ Серафимы,
Струнами арфъ бряцаютъ Херувимы,
Архангелы въ безмолвіи сидятъ,
Главы закрывъ лазурными крылами,
И яркими одѣянъ облаками
Предвѣчнаго стоитъ предъ ними тронъ.
И свѣтелъ вдругъ очамъ явился Онъ!
Всѣ пали ницъ!.. Умолкнулъ арфы звонъ.
Склонивъ главу, едва Марія дышетъ,
Дрожитъ какъ листъ и голосъ Бога слышитъ:
" Краса земныхъ, любезныхъ дочерей,
Израиля надежда молодая,
Зову тебя, любовію пылая,
Причастница ты славы будь моей,
Готова будь къ невѣдомой святынѣ,
Женихъ грядетъ, грядетъ къ своей рабынѣ."
Вновь облакомъ одѣлся Божій тронъ;
Возсталъ духовъ крылатый легіонъ,
И раздались небесной арфы звуки...
Открывъ уста, сложивъ умильно руки,
Лицу небесъ Марія предстоитъ.
Но что же такъ волнуетъ и манитъ
Ея къ себѣ внимательные взоры?
Кто сей въ толпѣ придворныхъ молодыхъ

Съ нея очей не сводитъ голубыхъ?..
Пернатый шлемъ, роскошные уборы,
Сіянье крылъ и локоновъ златыхъ,
Высокій станъ, взоръ томный и стыдливый—
Все нравится Маріи молчаливой...
Замѣченъ онъ, одинъ онъ сердцу милъ!
Гордись, гордись Архангелъ Гавріилъ!..
Пропало все, не внемля дѣтской пени;
На полотнѣ такъ исчезаютъ тѣни,
Рожденныя въ волшебномъ фонарѣ.
Красавица проснулась на зарѣ
И нѣжилась на ложѣ томной лѣни,
Но дивный сонъ, но милый Гавріилъ
Изъ памяти ея не выходилъ.
Царя небесъ она плѣнить хотѣла
Его слова пріятны были ей,
И передъ нимъ она благоговѣла...
Но Гавріилъ казался ей милѣй.
Такъ иногда супругу генерала
Затянутый плѣняетъ адъютантъ.
Что дѣлать намъ? судьба такъ приказала,
Согласны въ томъ невѣжда и педантъ.
Поговоримъ о странностяхъ любви;
Другова я не смыслю разговора.—
Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготитъ
И всюду насъ преслѣдуетъ, томитъ
Предметъ одинъ и думы и страданій,—

Не правда-ли въ толпѣ младыхъ друзей
Наперсника мы ищемъ и находимъ?
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
Нарѣчіемъ восторговъ переводимъ...
Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего намъ болѣе желать,—
Чтобъ оживить объ ней воспоминанье,
Съ наперсникомъ любимымъ поболтать.
И ты, Господь, позналъ ея волненье,
И ты пылалъ, о Боже, какъ и мы!
Создателю постыло все творенье,
Наскучило небесное моленье,
Онъ сочинялъ любовные псалмы
И громко пѣлъ: люблю, люблю Марію,
Въ унынiи безсмертіе влачу...
Гдѣ крылія?.. къ Маріи полечу
И на груди красавицы почію!
И прочее... все, что придумать могъ!..
Творецъ любилъ восточный, пестрый слогъ.
Потомъ, признавъ любимца Гавріила,
Свою любовь онъ прозой объяснялъ.
Бесѣды ихъ намъ церковь утаила,
Евангелистъ не много оплошалъ:
Но говоритъ армянское преданье,
Что царь небесъ не пожалѣвъ похвалъ,
Въ меркуріи Архангела избралъ,

Замѣтя въ немъ и умъ и дарованье—
И вечеркомъ къ Маріи подослалъ.
Архангелу другой хотѣлось чести!
Нерѣдко онъ въ посольствахъ былъ счастливъ;
Переносить записочки да вѣсти
Хоть выгодно, но онъ самолюбивъ!
И славы сынъ намѣренье сокрывъ,
Сталъ не хотя услужливый угодникъ
Царю небесъ... а по земному сводникъ.
Но, старый врагъ, не дремлетъ сатана;
Услышалъ онъ, шатаясь въ бѣломъ свѣтѣ,
Что Богъ имѣлъ Еврейку на примѣтѣ—
Красавицу, которая должна
Спасти нашъ родъ отъ вѣчной муки ада,
Лукавому великая досада,
Хлопочетъ онъ.—Всевышній между тѣмъ
На небѣ самъ сидѣлъ въ уныньи сладкомъ,
Весь міръ забылъ, не правилъ онъ ничѣмъ—
И безъ него все шло своимъ порядкомъ.
Чтожъ дѣлаетъ Марія? гдѣ она,
Іосифа печальная супруга?
Въ своемъ углу, печальныхъ думъ полна,
Проводитъ часъ невиннаго досуга
И скоро ждетъ плѣнительнаго сна;
Съ ея души не сходитъ образъ милый,
Къ архангелу летитъ душой унылой;
Въ прохладѣ пальмъ, подъ говоромъ ручья,
Задумалась красавица моя.
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье,
Не весело веселыхъ водъ журчанье...

И видитъ вдругъ : прекрасная змѣя
Приманчивой блистая чешуею,
Въ тѣни вѣтвей качается надъ нею,
И говоритъ : “ любимица небесъ,
Не убѣгай, я плѣнникъ твой послушный.”...
Возможно ли ? о чудо изъ чудесъ !..
Ктожъ говоритъ Маріи простодушной,
Ктожъ это былъ ? Увы, конечно бѣсъ !
Краса змѣи, цвѣтовъ разнообразныхъ,
Ея привѣтъ, огонь лукавыхъ глазъ
Понравились Маріи въ тотъ же часъ.
Чтобъ усладить младаго сердца праздность,
На сатанѣ покоя нѣжный взоръ,
Съ нимъ завела опасный разговоръ :
“ Кто ты змѣя ? По льстивому напѣву,
По красотѣ, по блеску, по глазамъ,
Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успѣлъ къ таинственному древу
И тамъ склонилъ несчастную къ грѣхамъ.
Ты погубилъ неопытную дѣву !..
А съ нею весь Адамовъ родъ и насъ !..
Мы въ безднѣ бѣдъ невинно потонули !
Не стыдно-ли ? ”
— Попы васъ обманули
И Еву я не погубилъ, а спасъ.
“ Спасъ ! отъ кого ? ”
— Отъ Бога.
“ Врагъ опасный !”
—Онъ былъ влюбленъ.
“ Послушай ! берегись.”

— Онъ къ ней пылалъ—
" Молчи! "
— Любовью страстной.
Она была въ опасности ужасной.
" Змѣя, ты лжешь? "
— Ей Богу!
" Не божись. "
— Но выслушай!... Подумала Марія:
Не хорошо въ саду наединѣ,
Украдкою внимать навѣтамъ змія,
И кстати ли повѣрить сатанѣ!
Но Царь небесъ меня хранить и любить,
Всевышній благъ—онъ вѣрно не погубить
Своей рабы... за что-жъ? За разговоръ!
Къ тому же онъ не дастъ меня въ обиду,
Да и змѣя скромна довольно съ виду,
Какой тутъ грѣхъ? Гдѣ зло? пустое, вздоръ!
Подумала и ухо преклонила,
Забывъ на часъ любовь и Гавріила.
Лукавый бѣсъ, не медля развернувъ
Гремучій хвостъ, согнувъ дугою шею,
Съ вѣтвей скользитъ и падаетъ предъ нею;
Желаній огнь во грудь ея вдохнувъ,
Онъ говоритъ: съ разсказомъ Моисея,
Не соглашу разсказа моего;
Онъ вымысломъ плѣнить хотѣлъ Еврея,
Онъ важно лгалъ,—и слушали его;
Богъ наградилъ въ немъ слогъ и умъ покорный,
Сталъ Моисей извѣстный господинъ;
Но я, повѣрь, историкъ не придворный,
Не нуженъ мнѣ пророка важный чинъ.

Онѣ должны, красавицы другія,
Завидовать огню твоихъ очей,
Ты рождена, о скромная Марія!
Чтобъ изумлять адамовыхъ дѣтей,
Чтобъ властвовать надъ нѣжными сердцами,
Улыбкою блаженство имъ дарить,
Сводить съ ума двумя, тремя словами,
По прихоти любить и не любить.....
Вотъ жребій твой! Какъ ты, младая Ева
Въ своемъ саду скромна, умна, мила,
Но безъ любви въ унынiи цвѣла. —
Всегда одни, глазъ на глазъ, мужъ и дѣва
На берегахъ Эдема свѣтлыхъ рѣкъ,
Въ спокойствiи вели свой тихій* вѣкъ.
Скучна была ихъ дней однообразность,
Ни рощи сѣнь, ни молодость, ни праздность,
Ничто любви не воскрешало въ нихъ;
Рука съ рукой гуляли, пили, ѣли,
Зѣвали днемъ, а ночью не имѣли
Ни страстныхъ игръ, ни радостей живыхъ.....
Что скажешь ты?—Тиранъ несправедливый
Еврейскій Богъ, угрюмый и строптивый†,
Адамову подругу долюбя,
Её хранилъ для самаго себя.....
Какая честь и что за наслажденье?
На небесахъ, какъ будто въ заточеньи,
У ногъ его молися да молись,
Хвали его, красѣ его дивись;
Взглянуть не смѣй украдкой на другова,

* Вар. невинный.

† Вар. ревнивый.

Съ Архангеломъ тихонько молвить слово —
Вотъ жребій той, которую Творецъ
Себѣ возьметъ въ подруги наконецъ.
И что-жъ потомъ? за скуку, за мученье
Награда вся дьячковъ осиплыхъ пѣнье!
Свѣча, старухъ докучная мольба,
Да чадъ кадилъ, да образъ подъ алмазомъ,
Написанный какимъ-то богомазомъ...
Какъ весело! завидная судьба!
Мнѣ стало жаль моей прелестной Евы,
Рѣшился я, создателю на зло,
Разрушить сонъ и юноши и дѣвы.
Ты слышала какъ всё произошло?
Два яблока, вися на вѣткѣ дивной,
Счастливый знакъ, любви символъ призывной,
Открыли ей неясную мечту.....
Проснулися неясныя желанья,
Она свою познала красоту,
И нѣгу чувствъ, и сердца трепетанье,
И юнаго супруга наготу.
Я видѣлъ ихъ! Любви моей науки
Прекрасное начало видѣлъ я!
Въ глухой лѣсокъ ушла чета моя.....
Тамъ быстро ихъ блуждали взгляды, руки;
Межъ милыхъ ногъ подруги молодой,
Застѣнчивый, неловкій и нѣмой,
Адамъ искалъ восторговъ упоенья.
Онъ вопрошалъ источникъ наслажденья
И, закипѣвъ душой, терялся въ немъ.....
И не страшась божественнаго гнѣва,

Вся въ пламени, власы раскинувъ, Ева,
Едва, едва устами шевеля,
Лобзаніямъ Адама отвѣчала,
Въ слезахъ любви, въ безчувствіи лежала
Подъ тѣнью пальмъ — и юная земля
Любовниковъ цвѣтами осыпала*.
Блаженный день! Увѣнчанный супругъ
Жену ласкалъ съ утра до поздней ночи!.....
Во тьмѣ ночной смыкалъ онъ рѣдко очи,
И какъ зари украшенъ былъ досугъ—
Ты знаешь. Богъ, утѣхи прерывая,
Чету мою лишилъ на вѣки рая.
Онъ ихъ изгналъ изъ милой стороны,
Гдѣ безъ трудовъ,они столь сладко жили,
И дни свои невинно проводили
Въ объятіяхъ лѣнивой тишины.
Но имъ открылъ я тайну сладострастья
И младости веселыя права,
Томленье чувствъ, восторги, слёзы счастья
И поцѣлуй, и нѣжныя слова!.....
Скажи теперь? уже-ли я предатель?
Уже-ль Адамъ несчастливъ отъ меня?
Не думаю! но знаю только я,
Что съ Евою остался я пріятель."
Умолкнулъ бѣсъ. Марія въ тишинѣ,
Коварному внимала Сатанѣ.
"Что-жъ, думала, быть можетъ правъ лукавой,
Слыхала я, ни почестьми, ни славой,
Ни золотомъ, блаженства не купить;

* Вар. покрывала.

Слыхала я, что надобно любить!.....
Любить! но какъ? за чѣмъ? и что такое?"..... ·
А между тѣмъ вниманье молодое
Ловило всё въ разсказахъ Сатаны:
И дѣйствія, и странныя причины,
И смѣлый слогъ, и вольныя картины;
Охотники мы всѣ до новизны.
Часъ отъ часу неясное начало
Опасныхъ думъ казалось ей яснѣй,
И вдругъ змѣи какъ будто не бывало—
И новое явленье передъ ней;
Марія зритъ красавца молодова
У ногъ своихъ. Не говоря ни слова,
Къ ней устремивъ чудесный блескъ очей,
Чего-то онъ краснорѣчиво проситъ,
Одной рукой цвѣточикъ ей подноситъ,
Другая мнетъ простое полотно
И крадется подъ ризы торопливо...
И легкій перстъ касается игриво
До милыхъ тайнъ. Все для Маріи диво,
Все кажется ей ново, мудрено...
А между тѣмъ румянецъ не стыдливой
На дѣвственныхъ ланитахъ заигралъ,
И томный жаръ и вздохъ нетерпѣливый
Младую грудь Маріи подымалъ...
Она молчитъ, но вдругъ не стало мочи,
Закрылися блистательныя очи—
Къ лукавому склонивъ на грудь главу,
Вскричала: ахъ!.. и пала на траву.
О милый другъ, кому я посвятилъ

Всѣ первыя надежды и желанья!
Красавица, которой я былъ милъ,
Простишь ли мнѣ мои воспоминанья?
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней,
Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы...
Я научилъ послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы,
Безсонницы дѣвическую скуку.
Но молодость утрачена твоя,
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла,
Простишь ли мнѣ, о милая моя?
Отецъ грѣха, лукавый врагъ Маріи,
Ты есть* и былъ предъ нею виноватъ
Ахъ и ея тебѣ пріятенъ былъ развратъ,
И ты успѣлъ преступною забавой
Всевышняго супругу просвѣтить
И дерзостью невинность изумить,
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Спѣши ловить, но близокъ, близокъ часъ!...
Вотъ меркнетъ свѣтъ, заката лучь погасъ.
Все тихо... Вдругъ надъ дѣвой утомленной
Шумя паритъ Архангелъ окрыленный,
Посолъ любви, блестящій сынъ небесъ.
Отъ ужаса при видѣ Гавріила
Красавица лице себѣ закрыла.

* Вар. сталъ.

Предъ нимъ возсталъ, смутился мрачный бѣсъ
И говоритъ : " счастливецъ горделивый
Кто звалъ тебя ? Зачѣмъ оставилъ ты
Небесный дворъ, эѳира высоты ?
Зачѣмъ мѣшать утѣхѣ молчаливой,
Занятіямъ чувствительной четы ?"
Но Гавріилъ, нахмуря взглядъ ревнивый,
На сей вопросъ и дерзкій и шутливый
Сказалъ : " Безумный врагъ небесной красоты,
Повѣса злой, изгнанникъ безнадежной,
Ты соблазнилъ красу Маріи нѣжной
И смѣешь мнѣ вопросы задавать ?
Бѣги сей часъ безстыдникъ, рабъ мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать."
— Не трепеталъ отъ вашихъ* я придворныхъ,
Всевышняго прислужниковъ покорныхъ,
Отъ сводниковъ небеснаго царя,—
Проклятый рекъ и злобою горя,
Наморщивъ лобъ, скосясь, кусая губы,
Архангела ударилъ прямо въ зубы !
Раздался крикъ, шатнулся Гавріилъ
И лѣвое колѣно преклонилъ ;
Но вдругъ возсталъ, исполненъ новымъ жаромъ,
И сатану нечаяннымъ ударомъ
Хватилъ въ високъ. Бѣсъ ахнулъ, поблѣднѣлъ,
И ворвались въ объятія другъ другу,
Ни Гавріилъ, ни бѣсъ не одолѣлъ,
Сплетенные, крутясь, идутъ по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,

* Вар. важныхъ.

Соединивъ крестъ на крестъ ноги, руки,
То силою, то хитростью науки,
Хотятъ увлечь другъ друга за собой.
Не правда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, играли мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Усталые забывъ и брань и рѣчи,
Такъ ангелы боролись межь собой.
Подземный царь, буянъ широкоплечій
Вотще кряхтѣлъ съ увертливымъ врагомъ,
И наконецъ желая кончить разомъ,
Съ Архангела пернатый сбилъ шеломъ,
Златый шеломъ, украшенный алмазомъ;
Схвативъ врага за мягкіе власы,
Онъ сзади гнетъ могучею рукою
Къ сырой землѣ. Марія предъ собою
Архангела зритъ юныя красы
И за него въ безмолвіи трепещетъ!
Ужъ ломитъ бѣсъ, ужъ адъ въ восторгѣ плещетъ;
По счастію проворный Гавріилъ
Вцѣпился вдругъ въ то мѣсто роковое
(Излишнее почти во всякомъ богѣ*),
Въ надменный членъ, которымъ бѣсъ грѣшилъ.
Проклятый палъ! Пощады запросилъ
И въ темный адъ едва нашелъ дорогу.
На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица смотрѣла чуть дыша;
Когда же къ ней, свой подвигъ соверша

* Вар. боѣ.

Привѣтливо Архангелъ обратился
Огонь любви въ лицѣ ея разлился
И нѣжностью наполнилась душа.
О! какъ была Еврейка хороша!
Посолъ пылалъ и чувствія чужія
Такъ изъяснилъ въ божественныхъ словахъ:
"О радуйся невинная Марія!
Любовь съ тобой, прекрасна ты въ женахъ,
Стократъ блаженъ твой плодъ благословенный
Спасетъ онъ міръ и ниспровергнетъ адъ!...
Но признаюсь душею откровенной,
Отецъ его блаженнѣе стократъ!..."
И передъ ней колѣнопреклоненный
Онъ между тѣмъ ей нѣжно руку жалъ...
Потупя взоръ прекрасная вздыхала...
И Гавріилъ ее поцѣловалъ.
Смутясь она краснѣла и молчала;
Ея груди дерзнулъ коснуться онъ...
"Оставь меня," Марія прошептала,
И въ тотъ же мигъ лобзаньемъ заглушенъ
Невинности послѣдній крикъ и стонъ.
Что дѣлать ей? Что скажетъ Богъ ревнивый?
Не сѣтуйте красавицы мои,
О женщины наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоковъ внимательные взоры,
И на слѣды прошедшаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь

Беретъ урокъ стыдливости покорной
И мнимыхъ мукъ, и съ робостью притворной
Играетъ роль въ рѣшительную ночь ;
И по утру, оправясь по немногу,
Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ, такъ томна !
Въ восторгѣ мужъ, мать шепчетъ: Слава Богу,
А старый другъ стучится у окна.
Ужъ Гавріилъ съ извѣстіемъ пріятнымъ
По небесамъ летитъ путемъ обратнымъ.
Наперсника нетерпѣливый Богъ
Привѣтствіемъ встрѣчаетъ благодарнымъ :
Что новаго ?—Я сдѣлалъ все что могъ,
Я ей открылъ. " Ну чтожъ она ?—Готова.
И царь небесъ не говоря ни слова,
Съ престола всталъ и маніемъ бровей
Всѣхъ удалилъ, какъ древній богъ Гомера,
Когда смирялъ безчинныхъ онъ дѣтей ;
Но Греціи на вѣкъ угасла вѣра
Зевеса нѣтъ, мы сдѣлались умнѣй.
Упоена живымъ воспоминаньемъ,
Въ своемъ углу Марія въ тишинѣ
Покоилась на смятой простынѣ.
Душа горитъ и нѣгой и желаньемъ,
Младую грудь волнуетъ новый жаръ !
Она зоветъ тихонько Гавріила,
Его любви готовя новый даръ,
Ночной покровъ ногою отдалила,
Довольный взоръ съ улыбкою склонила,
И счастлива въ прелестной наготѣ,
Сама своей дивилась красотѣ.

Но между тѣмъ въ задумчивости нѣжной
Она грѣшитъ! Прелестна и томна,
И чашу пьетъ отрады безмятежной:
Смѣешься ты, лукавый сатана!
И что же? вдругъ мохнатый бѣлокрылый
Въ ея окно влетаетъ голубь милый
На ней порхаетъ и кружитъ
И пробуетъ веселые напѣвы...
И вдругъ летитъ въ колѣни милой дѣвы,
Подъ ризою садится и дрожитъ,
Клюетъ ее, копышится, вертится,
И ножками и носикомъ трудится.
Онъ, точно онъ,—Марія поняла
Что въ голубѣ другаго угощала;
Колѣни сжавъ Еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествуетъ!
Въ жару любви трепещетъ и воркуетъ,
И падаетъ объятый легкимъ сномъ
Пріосѣня цвѣтокъ любви крыломъ!...
Онъ улетѣлъ, усталая Марія
Подумала: вотъ шалости какія!
Одинъ, два, три—какъ это имъ не лѣнь?
Могу сказать перенесла тревогу!
Досталась я въ одинъ и тотъ же день
Лукавому, Архангелу и Богу.
Всевышній Богъ, какъ водится, потомъ
Признался своимъ Еврейской дѣвы сына;
Но Гавріилъ, завидная судьбина,
Не переставалъ являться ей тайкомъ.

Какъ многіе, Іосифъ былъ утѣшенъ:
Онъ предъ женой по прежнему безгрѣшенъ
Христа любилъ какъ сына своего,
За то Господь и наградилъ его.
Аминь, аминь! чѣмъ кончу я разсказы?
На вѣкъ забывъ старинныя проказы,
Я пѣлъ тебя, крылатый Гавріилъ,
Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
Усердное спасительное пѣнье:
Храни меня, внемли мое моленье!
Досель я былъ еретикомъ въ любви,
Младыхъ блядей безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель;
Раскаянье мое благослови!
Пріемлю я намѣренья благія,
Перемѣнюсь: Елену видѣлъ я.
Она мила, какъ нѣжная Марія!
Подвластна ей на вѣкъ душа моя.
Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравиться повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея душѣ зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатанѣ.
Но дни текутъ, а время сѣдиною
Мою главу тишкомъ посеребритъ,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединитъ;
И я тогда, Іосифъ утѣшитель,
Молю тебя, колѣно преклоня,
О! рогачей застунникъ и хранитель,
Молю, тогда благослови меня.

Даруй ты мнѣ безпечность и смиренье,
Даруй ты мнѣ терпѣнье вновь и вновь,
Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь.

ЦАРЬ НИКИТА.

Царь Никита жилъ когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творилъ добра, ни зла:
Такъ земля его цвѣла.
Онъ трудился по немногу:
Кушалъ, пилъ, молился Богу
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей,
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Милыхъ сердцемъ и душой.
Что за ножка,—Боже мой!
И головка, темный волосъ,
Чудо глазки, чудо—голосъ!
Умъ съ ума свести бы могъ;
Словомъ, съ головы до ногъ
Душу, сердце, все плѣняло;
Одного не доставало.
Но чего же одного?...

Такъ, бездѣлка, ничего,—
Ничего иль очень мало
Все равно—не доставало.
Какъ бы это изъяснить,
Чтобъ совсѣмъ не разсердить
Богомольной нашей дуры,
Слишкомъ чопорной цензуры?
Какъ быть, помоги мнѣ Богъ!...
У царевень между ногъ...
Нѣтъ, ужъ это слишкомъ ясно
И для скромности опасно:
Такъ иначе какъ нибудь...
Я люблю въ Венерѣ грудь,
Губки, ножки особливо;
Но любовное огниво,
Цѣль желанья моего,
Что такое? Ничего,
Ничего иль очень мало,
И того-то не бывало
У царевень молодыхъ...
Ихъ чудесное рожденье
Привело въ недоумѣнье
Всѣ придворные сердца,
Грустно было для отца
И для матерей печальныхъ,
А отъ бабокъ повивальныхъ
Какъ узналъ о томъ народъ,
То-то охалъ во весь ротъ;
Охалъ, охалъ, дивовался;
А иной хоть и смѣялся,

Но тихонько, чтобы въ путь
До Нерчинска не махнуть.
Царь собралъ своихъ придворныхъ,
Нянекъ, матушекъ покорныхъ,
И издалъ такой приказъ:
" Если кто нибудь изъ васъ
Дочерей грѣху научитъ,
Или мыслить ихъ пріучитъ,
Или только намекнетъ,
Что у нихъ недостаетъ,
Или кукишъ *тамъ** покажетъ
Иль двусмысленное скажетъ,—
То—шутить я непривыкъ—
Дамамъ вырѣжу языкъ,
А мущинамъ нѣчто хуже,
Что порой бываетъ туже !"
Царь былъ строгъ, но справедливъ,
А приказъ краснорѣчивъ.
Всякъ со страхомъ поклонился,
Остеречься всякъ рѣшился,
Ухо всякъ держалъ востро
И берегъ свое добро.
Жены бѣдныя боялись,
Чтобъ мужья не проболтались;
Втайнѣ думали мужья:
Провинись жена моя !...
(Видно сердцемъ были гнѣвны).
Подросли мои царевны,
Жаль ихъ стало. Царь въ совѣтъ,

Вар. имъ.

Изложилъ тамъ свой предметъ
Такъ и такъ, довольно ясно,
Тихо, шопотомъ, негласно,
Осторожнѣе отъ слугъ.
Призадумались бояре,
Какъ лечить такой недугъ?
Вотъ одинъ совѣтникъ старый
Поклонился всѣмъ, и вдругъ
Въ лысый лобъ рукою брякнулъ
И царю онъ такъ вавахнулъ:
О премудрый государь!
Не взыщи на мою дерзость,
Если про плотскую мерзость
Разскажу что было встарь.
Мнѣ была знакома сводня;
Гдѣ она и чѣмъ сегодня?...
Вѣрно тѣмъ-же, чѣмъ была.
Она вѣдьмою слыла,
Всѣмъ недугамъ пособляла,
Немощь членовъ исцѣляла.
Вотъ ее бы отыскать.
Она дѣло все поправитъ,
А что надо, то и вставитъ.
—Такъ за ней сейчасъ послать,
Возражаетъ царь Никита,
Брови сдвинувши сердито,
Да колдунью отыскать!
Если-жъ насъ она обманетъ,
На бобахъ насъ проведетъ:
Будь я шельма и бездѣльникъ,

Если въ чистый понедѣльникъ
Сжечь колдунью не велю,
И тѣмъ небо умолю.
Вотъ секретно, осторожно,
По открытой подорожной
И во всѣ концы земли
Были посланы гонцы:
Они скачутъ всюду рыщутъ
И царю колдунью ищутъ.
Годъ проходитъ и другой,
А нѣтъ вѣсти никакой.
Наконецъ одинъ ретивый
Вдругъ попалъ на слѣдъ счастливый.
Онъ заѣхалъ въ страшный лѣсъ,
Какъ бы ввелъ его самъ бѣсъ;
Видитъ тамъ стоитъ избушка,
Вѣдьма въ ней живетъ старушка;
А какъ онъ царевъ посолъ,
То къ ней прямо и зашелъ.
Поклонился вѣдьмѣ смѣло,
Объяснилъ ей въ чемъ все дѣло,
Какъ царевны рождены
И чего-то лишены.
Вѣдьма тотчасъ все смекнула,
Въ дверь гонца она толкнула,
Такъ примолвивъ: уходи!
Поскорѣй и безъ оглядки,
Не то бойся лихорадки.
Черезъ три дня ты приди
За посылкой и отвѣтомъ.

Помни только чуть съ разсвѣтомъ.
Послѣ вѣдьма заперлась,
Уголечкомъ запаслась,
Трое сутокъ ворожила,
Такъ что бѣса приманила.
Самъ принесъ онъ ей ларецъ,
Полный чудными вещами
Обожаемыми нами.
Ихъ тамъ было всѣхъ сортовъ,
Всѣхъ размѣровъ, всѣхъ цвѣтовъ.
Все отборныхъ, все съ кудрями...
Вѣдьма ихъ перебрала,
Сорокъ лучшихъ отчла,
Ихъ въ салфетку завернула
И подъ ключь въ ларецъ замкнула.
Съ нимъ отправила гонца
Давъ на путь серебреца.
Ѣдетъ онъ—заря зардѣлась...
Роздыхъ сдѣлать захотѣлось
Захотѣлось закусить,
Жажду водкой утолить.
Онъ былъ малый акуратный,
Всѣмъ запасся въ путь обратный ;
Вотъ коня онъ разнуздалъ,
И покойно кушать сталъ.
Конь пасется ; самъ мечтаетъ
Какъ его царь вознесётъ,
Графомъ, княземъ назоветъ.
Что-же ларчикъ заключаетъ?
Что царю въ немъ вѣдьма шлетъ?

Въ щелку посмотрѣть—не видно,
Заперъ плотно... какъ обидно!
Любопытство страхъ береть
И всего его тревожитъ.
Ухо онъ къ замку приложитъ,
Ничего не чуетъ слухъ;
Нюхаетъ—знакомый духъ!
Тьфу ты чортъ какое чудо!
Посмотрѣть бы мнѣ не худо...
И не вытерпѣлъ гонецъ.
Но лишь онъ открылъ ларецъ
Птички роемъ улетѣли,
На сучкахъ прямыхъ засѣли
И хвостами завертѣли.
Ну онъ плакать, ну ихъ звать,
Сухарями ихъ прельщать.
Крошки сыплетъ—все напрасно
(Видно кормятся не тѣмъ)
На сучкахъ имъ пѣть прекрасно,
А въ ларцѣ сидѣть за чѣмъ?
Вотъ тащится вдоль дороги,
Вся согнувшися дугой,
Баба старая съ клюкой.
Нашъ гонецъ ей бухъ да въ ноги:
Пропаду я съ головой,
Помоги будь мать родная!
Посмотри, бѣда какая:
Не могу ихъ изловить;
Какъ же горю пособить?
Вверхъ старуха посмотрѣла,

Плюнула и покраснѣла.
Поступилъ ты хоть и скверно,
Но ты, глупый, не тужи,
Сядь, да только покажи....
Сами всѣ слѣтятъ навѣрно.
Ну, спасибо! онъ сказалъ;
И лишь только показалъ,
Весь рой птичекъ запорхалъ.
Прямо всѣ къ нему слетѣли
И квартирой овладѣли;
Чтобъ бѣды не знать другой,
Онъ безъ дальнихъ отговорокъ
Ихъ подъ ключь тотчасъ всѣхъ сорокъ,
И направилъ путь домой.
Княжны птичекъ получили,
Прямо въ клѣтки посадили.
Царь на радости такой
Задалъ тотчасъ пиръ горой.
Семь дней съ ряду пировали,
Цѣлый мѣсяцъ отдыхали.
Царь совѣтъ весь наградилъ,
Да и вѣдьму не забылъ;
Изъ кунсткамеры въ подарокъ
Въ спиртѣ ей послалъ огарокъ
(Тотъ, который всѣхъ дивилъ),
Двѣ эхидны, два скелета
Изъ того же кабинета;
Награжденъ былъ и гонецъ—
Вотъ и сказки всей конецъ:

Многіе меня поносятъ,
И теперь пожалуй, спросятъ;
Глупо такъ зачѣмъ шучу?
Что за дѣло имъ?—хочу!

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА.

Барѝнъ шелъ подъ вечерокъ
Невской перспективой,—
Вдругъ почувствовалъ толчекъ
Въ части щекотливой,
Оглянулся : точно бл..ь,
Барыня въ капотѣ;
Вѣрно, вышла погулять
Но своей охотѣ?
Баринъ въ слѣдъ за ней спѣшитъ,
Будто бы гуляя,
А она впередъ бѣжитъ,
Задницей виляя ;
Перешла Казанской мостъ,
Повернула въ лѣво.
Наступилъ онъ ей на хвостъ,—
Обернулась дѣва.
Баринъ ловко извинясь,
Съ нею рѣчъ заводитъ :

"Проводить позвольте васъ—
Кто такъ поздно ходитъ!"—
— "Вамъ дорога не туда-съ;
Впрочемъ, слава Богу,
Мы не слѣпы, и безъ васъ
Знаемъ здѣсь дорогу."—
Но за нею онъ идетъ.
Вотъ она смягчилась;
Вотъ уже и у воротъ
Пара очутилась,
И въ калиточку стучитъ:
"Дворникъ! отворяй-ка!"
Тотъ проснулся и ворчитъ:
"Ты что за хозяйка!"
Вотъ въ ворота входитъ онъ.
"Платья берегите!
Мокро здѣсь со всѣхъ сторонъ:
Ногъ незамочите!..."
Вотъ взобрался баринъ нашъ,
Въ слѣдъ за госпожею,
Къ небесамъ, въ шестой этажъ
Лѣстницей крутою.
Входитъ въ комнату тайкомъ:
Нужника и кухни
Запахъ въ комнатѣ кругомъ,—
Хоть совсѣмъ протухни!
Но беретъ его задоръ,
Лезетъ онъ подъ юбку
"Ахъ оставьте что за вздоръ!"
И надула губку.

Баринъ скинулъ и шинель :
Баринъ суетится,
Сбросилъ фракъ, и на постель
Съ барыней ложится.
И любви принесши дань,
Онъ обмыться проситъ ;
Полотенцо и лахань
Барыня приноситъ.
Вотъ одѣвшись поскорѣй,
Шаритъ онъ въ карманѣ...
Ждетъ ужъ десяти рублей
Дѣва на диванѣ !...
Чтожъ ? Онъ молвилъ: "денегъ нѣтъ* !"
И ушелъ, ярыжникъ.
А она кричитъ во слѣдъ :
"Ахъ, ты шаромыжникъ !"
Этой пѣсни ясенъ толкъ :
Въ сладостной надеждѣ,
Дѣвы, не давайте въ долгъ,
А берите прежде.

1829 г.

* По другой рукописи :

Чтожъ ? онъ молвилъ : "денегъ нѣтъ!"
"Я забылъ мой книжникъ!"
И ушелъ ярыжникъ.
А она и пр.

ПЕРВАЯ НОЧЬ БРАКА.

(Посланіе къ другу).

Любезный другъ! Ты знаешь, я
Люблю дурачиться съ друзьями;
Ты разгадалъ давно меня,
И потому, пускай межъ нами
Останутся сіи стихи.
Поздравь меня! Ужъ я женился!
И первой ночи всѣ грѣхи
Тебѣ я описать рѣшился.
Представь себѣ: сначала мы
Предъ ликомъ будущей жены
Бываемъ слишкомъ ужъ стыдливы,
Бываемъ робки, молчаливы;
Приличье, тонкость,— всё тогда
Въ высокой степени хранится;
Вся жизнь въ границахъ. Но когда

День заповѣдный совершится,
Какъ трудно, трудно намъ рѣшиться
Въ роскошной спальнѣ, при огнѣ,
Увидѣть дѣву въ наготѣ.....
Вотъ всѣ подробности. Сначала
Моя прелестная жена,
У ложа страсти, ложа сна,
Въ раздумьи трепетномъ стояла;
Потомъ старушку позвала,
Переодѣлась и легла.
И вотъ, въ разубранной постелѣ,
Она, какъ робкое дитя,
Смотря сквозь слёзы на меня,
Лежала въ пышной колыбели.....
И этихъ чувствъ чистѣйшій мигъ
Я въ жизни, въ первый разъ постигъ;
Оно съ небеснымъ чѣмъ-то схоже.
Я заглушить страстей не могъ,
И очарованный прилегъ
На очарованное ложе;
Приподнялъ трепетной рукой,
Таинственное покрывало,
Подъ коимъ, съ томною тоской,
Моя подруга трепетала.....
Но какъ обрядъ любви свершить?
Какъ заглушить приличье свѣта?
И какъ ея дѣвичьи лѣта
Одной минутой поглотить?
Не долго мысль меня томила;
Любовь приличье заглушила.

Я руки милой жертвы взялъ,
Къ устамъ, къ груди моей прижалъ;
Преодолѣвъ мои мечтанья,
Всѣ чувства сердца раскалилъ,
И поцѣлуемъ заглушилъ
Ея стыдливыя роптанья.....
Но какъ въ безумьи умъ найти?
Она мнѣ взглядомъ мысль вдохнула,
И грудь моя, къ ея груди,
Съ порывомъ пламеннымъ прильнула,
И сердце къ сердцѣ утонуло.
Ея воздушный, гибкій станъ
Я обнялъ жадными руками
И межъ упругими лядвями,
Нашелъ пушистый талисманъ.....
Вдругъ спальня крикомъ огласилась,
Вздрогнули ножки, сперся духъ,
И чрезъ ея лебяжій пухъ,
Струя кровавая скатилась;
И смолкло всё..... Тѣлодвиженья,
Сжиманья, тисканья и треньи
Воспламеняли духъ и умъ.
Я былъ въ забвеньи первобытномъ,
И сколько сладострастныхъ думъ
Тѣснилось въ сердцѣ ненасытномъ!
Взаимный жаръ два сердца жёгъ,
Палилъ два сердца каленыя,
И я ничѣмъ, ничѣмъ не могъ
Насытить страсти молодыя.
Душа алкала новыхъ нѣгъ,

Душа алкала пресыщенья,
И я готовъ былъ цѣлый вѣкъ,
Питаться ядомъ упоенья.
О, сколько жизни въ ядѣ томъ!
По я и тѣломъ, и умомъ,
Увы! пришелъ въ изнеможенье;
Взглянулъ,— она была блѣднѣй
Природной бѣлизны своей:
Глаза смыкались, размыкались,
Изчезла въ нихъ страстей краса
И, какъ ночныя небеса,
Туманной влагой покрывались.
Уста поблекшія ея
Ужъ знойной страстью не дышали
И, на лобзаніе моё,
Лобзаньемъ хладнымъ отвѣчали.
Сорочка смокнула на ней
И въ тѣло бархатное впилась,
И на плечахъ, ужъ не рѣзвилась
Волна распущенныхъ кудрей,
И подъ глазами, цвѣтъ лазури
Синѣлъ примѣтною чертой.
Видалъ-ли ты, какъ въ вихрѣ бури,
Дитя, носимое волной,
На берегъ хладный приплываетъ?
Но солнце въ немъ согрѣетъ кровь,
И рѣзвое дитя, ужъ вновь,
Волной опасною играетъ!
Такъ точно, другъ мой, и она
Была страстьми утомлена

И только въ полдень пробудилась,
Открыла очи,—и въ очахъ,
Какъ-бы въ лазурныхъ небесахъ,
Улыбка ясная явилась!

ЭПИГРАММЫ.

ПРО СЕБЯ.

(Въ Лицеѣ).

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь;
Я много обѣщаю,
Исполню-ли,—Богъ вѣсть.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Онъ высшей волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской;
Онъ въ Римѣ былъ-бы Брутъ,
Въ Аѳинахъ Периклесъ...
А здѣсь онъ офицеръ гусарской.

АРАКЧЕЕВУ.

Холопъ вѣнчаннаго солдата,
Достойный славы Герострата,
Иль смерти нѣмца Коцебу,—
А впрочемъ—мать ....!

ЕМУ ЖЕ.

Всей Россіи притѣснитель,
Губернаторовъ мучитель
И Совѣта онъ учитель,
А царю—онъ другъ и братъ;
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести,
Кто-жъ онъ? Преданный безъ лести,
Бы... грошевой солдатъ.

НА ВОЦАРЕНІЕ АЛЕКСАНДРА I.

Сказалъ деспотъ: "мои сыны!
Законы будутъ вамъ даны,
Я возвращу вамъ дни златые
Благословенной старины!"
—И обновленная Россія
Надѣла сь выпушкой штаны!

КАНКРИНУ.

Канкрину Россія вѣритъ
И несетъ ему сребро;
Онъ, за русское добро,
Депозитками ей сер...

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Народъ мы русской позабавимъ,
И у позорнаго столпа,
Кишкой послѣдняго попа,
Послѣдняго царя удавимъ.

ФОНАРЬ.

Друзья, не лучше-ли на мѣсто фонаря,
Который теменъ, тусклъ, чуть свѣтитъ въ непогоды,—
Повѣсить намъ царя?
Тогда бы сталъ свѣтить лучь пламенной свободы.

ВОРОНЦОВУ.

Полу-милордъ, полу-купецъ,
Полу-мудрецъ, полу-невѣжда,
Полу-подлецъ—но есть надежда,
Что будетъ цѣлый наконецъ.

ЕМУ-ЖЕ.

Сказали разъ царю, что наконецъ,
Мятежный вождь, Ріэго, былъ удавленъ.
—"Я очень радъ," сказалъ усердный льстецъ,
"Отъ одного мерзавца міръ избавленъ."—
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ,
Всѣхъ удивилъ поспѣшный приговоръ;
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я,—но онъ за то повѣшенъ...
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться такъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой одобрить...
Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И въ самой подлости осанку благородства.

ЕКАТЕРИНА II.

Насильно Зубову мила
Старушка умная жила,
Пріятно, но немножко блудно,
Вольтеру лучшій другъ была,
Писала прозой, флоты жгла
И умерла, садясь на судно.
Съ тѣхъ поръ лежитъ въ Россіи мгла,
Россія бѣдная держава,
Съ Екатериной умерла
Екатерининская слава.

ПАВЛУ I.

По истинѣ былъ онъ, покойникъ, великъ,
Поставилъ на Невскомъ проспектѣ голикъ.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА.

Въ Россіи дышетъ все военнымъ ремесломъ
И ангелъ дѣлаетъ на караулъ крестомъ.

ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ.

Едва царемъ онъ сталъ,
То разомъ начудесилъ,
Сто двадцать человѣкъ тотчасъ въ Сибирь послалъ
Да пятерыхъ повѣсилъ.

ЕМУ ЖЕ.

Великій государь!
Ты нашихъ бѣдъ виновникъ,
Хотя плохой ты царь,
За то лихой полковникъ.

КЪ БЮСТУ НИКОЛАЯ.

Оригиналъ похожъ на бюстъ:
Онъ также холоденъ и пустъ.

ГОЛИЦЫНУ.

Онъ добрый малый, братъ сестрицамъ,
Онъ не былъ золъ ни для кого,
Скажите правду князь Голицынъ,
Ужъ не повѣсить-ли его?*

***

Встарь Голицынъ мудрость вѣсилъ,
Гурьевъ грабилъ весь народъ,
Аракчѣевъ куралесилъ,
А царь ѣздилъ на разводъ.
Нынѣ Ливенъ мудрость вѣситъ,
Царь же вѣшаетъ народъ,
Рыжій Мишка куралеситъ
И по прежнему разводъ.

В. С.

Всѣ говорятъ: "онъ Вальтеръ-Скоттъ,"
Но я, поэтъ, не лицемѣрю;—
Я соглашусь: онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ,—не вѣрю.

* Въ этомъ четверостишіи заключается, кажется, намекъ на поведеніе Голицына въ Верховномъ Уголовномъ судѣ въ 1826 г.

НА ИСТОРІЮ КАРАМЗИНА.

На плаху древность волоча,
Онъ доказалъ намъ, безъ пристрастья,
Необходимость палача
И справедливость самовластья.

ВАРІАНТЪ.

Въ его исторіи—изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

ЖУКОВСКОМУ.

Бѣдный пѣвецъ!
Надѣвъ придворную ливрею,
Съ указкой втершись во дворецъ,
Красиво изгибаетъ шею
И руку жметъ камеръ-лакею...
Бѣдный пѣвецъ!

ВАРІАНТЪ.

Увы! Изъ савана онъ сшилъ себѣ ливрею,
На пудру промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ;
Не подражая больше Грею,
Указкой втерся во дворецъ
И руку жметъ камеръ-лакею,
Бѣдный пѣвецъ!

Ѳ. ГЛИНКѢ.

Ѳедоръ Глинка молодецъ,
Псалмы сочиняетъ,
Его хвалитъ богъ-отецъ,
Богъ-сынъ потакаетъ;
Духъ святой, извѣстный лжецъ,
Говоритъ, что онъ пѣвецъ...
Онъ болтаетъ, все болтаетъ.

СѢВЕРИНУ.

Твой братъ портной, твой дядя поваръ,
А ты... вы знатный господинъ;
Таковъ объ васъ народный говоръ,
Высокородный Сѣверинъ!
Потомокъ предковъ бдагородныхъ,
Увы! никто, въ моей роднѣ,
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

КАЧЕНОВСКОМУ.

Клеветникъ безъ дарованья—
Палокъ ищетъ онъ чутьёмъ,
И дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньёмъ.

ЦЕНСОРУ КРАСОВСКОМУ.

Тимковскій царствовалъ и всѣ твердили вслухъ,
Что въ свѣтѣ не найдешь ословъ подобныхъ двухъ,
Явился Бируковъ, за ними вслѣдъ Красовскій,—
Ну, право, ихъ умнѣй покойникъ былъ Тимковскій.

КНЯЗЮ ДУНДУКОВУ КОРСАКОВУ.

Въ академіи наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ;
По дѣламъ не подобаетъ
Дундукамъ такая честь:
Отчего жъ онъ засѣдаетъ?
Оттого, что жона есть.

КН. А. Н. ГОЛИЦЫНУ.

Вонъ Хваставой покровитель,
Вонъ холопская душа,
Просвѣщенія гонитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте бога ради
На него со всѣхъ сторонъ:
Не попробовать-ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.*

* Варіантъ: Не попробовать-ли—сзади,
Говорятъ, слабѣе онъ?

ВОЕЙКОВУ.

Орликомъ и въ колпакѣ,
Чертъ сидитъ на стульчакѣ.
Раскарячившись безбожникъ,
Очень схожъ былъ на треножникъ;
Распростался наконецъ,—
Чѣмъ? Воейковымъ, срамецъ!

ШАЛИКОВУ.

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Семьѣ своей элегію читалъ,
А казачекъ предъ нимъ огарокъ сальный,
Въ рукахъ, со трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ мой запрыгалъ, завизжалъ:
"Вотъ вы съ него примѣръ берите, дуры!"
Князь Шаликовъ тутъ дочерямъ своимъ сказалъ,
"Скажи, мнѣ сынъ натуры,
Что опечалился твой взоръ?"
А мальчикъ отвѣчалъ:
"Мнѣ хочется на дворъ."

НА БУЛГАРИНА.

1.

Булгаринъ — вотъ Полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ Сарматовъ кровь!
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Сильна къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ Русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Ходилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ, жизни былъ не радъ,—
Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей,
Уже не воинъ, а писатель,
Ужъ Русскій, къ сраму нашихъ дней;
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И Русскихъ братствомъ запятналъ!

2.

Рѣшилъ, Фиглярinъ вдохновенный,
Что я въ дворянствѣ мѣщанинъ;
Ктожъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
Онъ на мѣщанской дворянинъ.

3.

Радѣя за свои красы,
Ты на лице румяны сыплешь,
Ты брѣешь бороду, усы,
Ты волоса на тѣлѣ щиплешь:
Все это для жены твоей,
Ты къ ней любовью пламенѣешь...
Такъ, вѣрю я, мой другъ Ѳаддей!
Но для кого ты жопу брѣешь?

4.

Не то бѣда, что ты Полякъ:
Костюшко—ляхъ, Мицкевичь—ляхъ,
По мнѣ пожалуй будь татаринъ—
И въ томъ не вижу я вреда,
Будь жидъ, и это не бѣда:
Бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ.*

5.

Ѳаддей роди Ивана,
Иванъ роди Петра,
Отъ дѣдушки болвана
Какого-жъ ждать добра?

* Замѣчательно, что цензура, позволяя Пушкину называть Булгарина Авдѣемъ Флюгариным, не позволяла называть его Видокъ Фиглярин. Эпиграмма: "Не то бѣда," какъ только разнеслась въ Петербургѣ, Булгаринъ самъ напечаталъ ее въ своемъ Сынѣ отечества, присовокупивъ отъ себя, что онъ надѣется этимъ угодить почитателямъ Пушкина, и что онъ, Булгаринъ, своими критиками дѣйствительно бѣда и гроза для писателей. Тогда же Булгаринъ разсказывалъ, что этотъ нумеръ Сына отечества былъ поднесенъ государю Бенкендорфомъ, и что Николай надъ замѣткою Булгарина собственноручно написалъ: "Благородное мщеніе!" Хороши оба.

6.

Къ Смирдину какъ ни зайдешь,
Ничего не купишь;
Иль Сенковскаго найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь.

7.

"Повѣрьте мнѣ," Фигляринъ, моралистъ,
Намъ говоритъ преумиленнымъ слогомъ,
"Не должно красть; кто на руку не чистъ
Передъ людьми грѣшитъ и передъ богомъ.
Не надобно въ судѣ кривить душой,
Не хорошо живиться клеветой,
Временьщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже намъ всего!"
—Ну что-жъ? Богъ съ нимъ! Все то къ при-
[родѣ близко,
А кажется, и ново для него.

БОРОЗДИНУ.

Накажи святой угодникъ
Капитана Борозду,
Разлюбилъ онъ, грѣховодникъ,
Нашу матушку п.... !

ВИГЕЛЮ.

Для чего, скажи мнѣ, Вигель,
Шьетъ тебѣ штанишки Бригель
Съ гульфомъ назади ?
—"Для того онъ шьетъ ихъ съ гульфомъ,
Что, когда я буду съ Вульфомъ,
Быть мнѣ впереди."

АНДРЕЮ МУРАВЬЕВУ.

На диво намъ и всей Европѣ—
Ключь камергерскій, золотой,
Привѣсили къ распутной ж...
И безъ того всѣмъ отпертой.

ЛЬВУ СЕРГѢЕВИЧУ ПУШКИНУ.

Нашъ пріятель Нушкинъ Лёвъ
Не лишенъ разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

ЭКСПРОМПТЪ (ЕМУ ЖЕ).

Все измѣнилося подъ нашимъ зодіакомъ,
Левъ козерогомъ сталъ, а дѣва стала ракомъ.

АГАФЬѢ.

Ты просишь написать надгробную, Агафья?
Ляг, ноги протяни—я буду эпитафья.

НА СМЕРТЬ ТЕТУШКИ АННЫ ЛЬВОВНЫ.

Ахъ тетушка, ахъ Анна Львовна,
Василья Львовича сестра,
Ты къ папенькѣ была любовна,
Ты къ маменькѣ была добра;
Тебя Василій Львовичь кровный
Всегда встрѣчалъ середь двора,
Тебя Елисавета Львовна
Любила больше серебра.
Давно-ли съ Ольгою Сергѣевной,
Со Львомъ Сергѣичемъ давно-ль,
На зло самой судьбинѣ гнѣвной
Дѣлила ты и хлѣбъ и соль?
Но вотъ уже Василій Львовичь
Стихами гробъ твой окропилъ:
За чѣмъ стихи его поповичь—
Дуракъ Красовскій пропустилъ!

ЭПИТАФІЯ ДУХОВНИКУ АННЫ ЛЬВОВНЫ.

Не памятникъ, а диво!
Въ могилѣ гробъ,
Во гробѣ попъ,
Въ попѣ вино и пиво.

ФОТІЮ.

Полуфанатикъ, полуплутъ,
Его орудіемъ духовнымъ—
Проклятье, мечь, и крестъ и кнутъ;
Пошли намъ, Боже, недостойнымъ
Поменьше пастырей такихъ
Полублагихъ, полусвятыхъ.

ГРАФ. А. А. ОРЛОВОЙ.

Богоподобная жена
Душею Богу предана,
А грѣшной плотію
Архимандриту Фотію.

РАЗГОВОРЪ ФОТІЯ СЪ ОРЛОВОЙ.

"Внимай чтб я тебѣ вѣщаю:
Я тѣломъ евнухъ, мужъ душой"...
—"Но чтожъ ты дѣлаешь со мной?"—
"Я тѣло въ душу превращаю."

Т . . . . . У.

Какъ счастливы библисты
Ихъ жопы вѣчно чисты;
Ихъ лижутъ чернецы,
Священны подлецы!

АРХІЕРЕЙ.

Еще-ль нашъ архіерей не свять?
Онъ тамъ сидитъ, гдѣ стоять,
Онъ въ ризу бз...ъ, ему кадять.

А. Ѳ. ОРЛОВУ.

Орловъ съ Истоминой въ постелѣ
Въ природной наготѣ лежалъ;
Не отличился въ жаркомъ дѣлѣ
Непостоянный генералъ.
Не мысля милаго обидѣть,
Взяла Лаиса микроскопъ
И говоритъ—"позволь мнѣ видѣть,
Мой милый, чѣмъ меня ты ..."

д—ой.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ, за черный усъ,
Иной за деньги,—понимаю;
Иной за то, что былъ Французъ;
Дамисъ умомъ ее стращая,
Филонъ за то, что нѣжно пѣлъ;
Теперь скажи, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

***

Христосъ воскресъ, моя Ревекка!
Сегодня празднуя съ тобой
Возстанье богочеловѣка,
Съ тобой цалуюсь, ангелъ мой;
А завтра къ вѣрѣ Моисея
За поцѣлуй твой не робѣя,
Готовъ я снова приступить
И то въ залогъ тебѣ вручить,
Чѣмъ можно каждаго Еврея
Отъ православныхъ отличить.

ПОДПИСИ КЪ КАРТИНКАМЪ ИЗЪ ОНѢГИНА.

ВЪ НЕВСКОМЪ АЛЬМАНАХѢ.

1.

Вотъ перешедши мостъ Какушкинъ,
Опершись ж.... о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичь Пушкинъ
Съ Мосье Онѣгинымъ стоитъ.
Неудостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!

2.

(Татьяна запечатываетъ письмо).

Сосокъ чернѣетъ сквозь рубашку,
Отвисла титька,—милый видъ!
Татьяна мнётъ въ рукѣ бумажку—
Зане животъ у ней болитъ;
Она затѣмъ по утру встала
При блѣдныхъ мѣсяца лучахъ
И на подтирку изорвала,
Конечно, Невскій Альманахъ.

ТЫ И Я. (КЪ...)

Ты богатъ, я очень бѣденъ;
Ты прозаикъ, я поэтъ.
Ты руминъ, какъ маковъ цвѣтъ,
Я какъ смерть и тощъ и блѣденъ.
Ты не знаешь вѣкъ заботъ,
Ты живешь въ огромномъ домѣ,
Я-жъ средь горя и хлопотъ
Провожу дни на соломѣ.
Ѣшь ты сладко всякой день,
Тянешь вина на свободѣ,
И тебѣ не рѣдко лѣнь,
Нужный долгъ отдать природѣ.
Я же съ черстваго куска,
Отъ воды сырой и прѣсной
Саженъ за сто съ чердака
За нуждой бѣгу извѣстной.
Окруженъ рабовъ толпой
Аѳедронъ ты жирный свой,
Съ грознымъ деспотизма взоромъ
Подтираешь коленкоромъ,
Я же грѣшную дыру
Не балую дѣтской модой,
И Хвостова жесткой одой
Хоть и морщуся, да тру.

***

Отъ всенощной, вечеръ идя домой,
Антипьевна съ Марѳушкою бранилась;
Антипьевна отмѣнно горячилась:
—Постой, кричитъ, управлюсь я съ тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ,
Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила.
Постой—о всемъ узнаетъ муженёкъ!
"Тебѣ-ль грозить," Марѳушка отвѣчаетъ,
Ванюша что? Вѣдь онъ еще дитя.
А сватъ Трофимъ, который у тебя
И день и ночь? Весь городъ это знаетъ.
Молчи-жъ кума: и ты, какъ я грѣшна,
Словами всякаго, пожалуй, разобидишь.
Въ чужой п.... соломенку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна."

***

Она придетъ, она придетъ,
Когда весь міръ угомонится,
Когда все доброе ложится
И все недоброе встаетъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОПУЩЕННЫЯ МѢСТА ВЪ ИЗДАНІИ АННЕНКОВА:

Томъ II, стр. 23. Посланія къ князю Горчакову:

Гдѣ холодомъ сердца поражены,
Гдѣ *Бутурлинъ* невѣждъ законодатель,
Гдѣ *Шепчинъ* царь, а скука предсѣдатель....

Тамъ же:

Когда въ кругу Лаисъ благочестивыхъ
Затянутый невѣжда-*генералъ*...

Тамъ же, стр. 24.

Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ:

Томъ VII, стр. 31. Первое посланіе къ Аристарху (цензору)

Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты, глупецъ и трусъ, что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно-бъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь,
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,

Гласъ правды—мятежомъ, Куницына—Маратомъ
Рѣшилъ, а тамъ поди хоть на тебя проси.
Скажи, не стыдно-ли, что на святой Руси
Благодаря тебѣ не видимъ книгъ доселѣ?
И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
То, славу русскую и здравый умъ любя,
Самъ государь велитъ печатать безъ тебя!
Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты,
Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутные цвѣты.....

Тамъ же:

... Излишней пылкости Пегаса не лишалъ!
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ: чьи забавы
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ не знакомъ тебѣ—мы знаемъ почему,
И рукопись его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ
И Пушкина стихи въ печати не бывали.
Что нужды? Ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое несешь, и въ нашъ премудрый вѣкъ
Едва-ли Шаликовъ не вредный человѣкъ!

Тамъ-же, стр. 32.

Невѣжество казнилъ въ комедіи народной.
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица.

Тамъ-же.

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать,
Старинной глупости мы праведно стыдимся;
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ отечества назвать
И въ рабствѣ ползали и люди и печать!
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло губительное время;
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ не можетъ быть глупецъ!
Исправься-жъ, будь умнѣй и сбрось вражды ты
[бремя.

Тамъ-же, стр. 33.

..... Такъ если невозможно
Домой тебѣ убраться осторожно,
И службою своей ты нуженъ для царя,
Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

Тамъ-же стр. 34, Второе посланіе къ Аристарху.

И ими назвалась (для риѳмы) красота,
Не оскорбляя тѣмъ ужъ господа Христа.

Тамъ-же.

Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ.

Тамъ-же.

... Осиротѣлаго вѣнца Екатерины!
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ,
Омара да Али принявъ за образецъ,
Въ угодность господу, себѣ во утѣшенье
Усердно заглушить старался просвѣщенье.

Благочестивая, смиренная душа
Карала честныхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ честный въ правилахъ, душою превос-
[ходный,
И даже бѣдный мой Кавелинъ дурачёкъ,
Креститель Галича, Магницкаго дьячёкъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки
Вы были вержены, печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно! мрачная година протекла,
И нынѣ ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья...
Я, съ перемѣною несчастнаго правленья,
Отставки цензору, признаться, ожидалъ,
Но, самъ не знаю какъ—ты видно устоялъ.

Томъ II, Городокъ, стр. 38.

И въ рѣзвости куплета
Игриву остроту—
И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ одѣ, свистъ веселый
Поэтовъ раздражилъ,
Какъ въ юношески лѣта...

Тамъ же, стр. 45:

Но, Боже, виноватъ!
Я каюсь предъ тобою,
Служителей твоихъ,
Поповъ я городскихъ

Боюсь, боюсь бѣсѣды,
И свадебны обѣды
За тѣмъ лишь не люблю,
Что этихъ іереевъ,
Какъ папа Іудеевъ,
Я вовсе не терплю;
А съ ними, крючковатый,
Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплотъ.
Но, другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе,
За чашей круговой;
Тогда клянусь богами,
И слово ужъ сдержу,
Я съ сельскими попами
Молебенъ отслужу!

Т. VII, Вишня, стр. 8.

Крестомъ прикрыта
Вся прелесть грудей,
Подъ фартукомъ скрыта
Приманка страстей.
И вѣтвь затрещала...
Бѣда смерть грозитъ!
Пастушка упала,
Но ахъ, какой видъ!
Сучекъ преломленный
За платье задѣлъ,

Пастухъ удивленный
Всю прелесть узрѣлъ.
Среди двухъ чудесныхъ,
Бѣлѣй снѣгу ногъ,
На сгибахъ прелестныхъ
Пастухъ то зрѣть могъ,
Что скрыто до время
У всѣхъ милыхъ дамъ,
За что изъ Эдема
Былъ изгнанъ Адамъ.
Пастушку несчастну
Съ сучка тихо снялъ,
И грудь свою страстну
Къ красоткѣ прижалъ.
Вся кровь закипѣла
Въ двухъ пылкихъ сердцахъ,
Любовь прилетѣла
На быстрыхъ крылахъ.
Утѣху страданій
Двухъ юныхъ сердецъ,
Въ любви ожиданій
Супругамъ вѣнецъ.
Прельщенный красою
Младой пастушокъ
Горячей рукою
Коснулся до ногъ.....
И въ мигъ зарѣзвился
Амуръ въ ихъ ногахъ,
Пастухъ очутился
На полныхъ грудяхъ.

И вишню румяну
Въ соку раздавилъ,
И сокомъ багряннымъ
Траву окропилъ.

Тамъ-же, Олга, стр. 26.

И насмѣшливый отказъ.
Ради рѣзваго разврата.....

ПРОПУЩЕННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

ДРУЗЬЯМЪ НА ВЫСТУПЛЕНІЕ ГВАРДІИ.*

Часъ битвъ насталъ,—гроза гремитъ,
Друзья къ знаменамъ поспѣшите ;
Съ щитомъ сомкнувши твердый щитъ,
Въ десницу грозный мечь примите.
Теките снова въ путь побѣдъ,
Труба васъ къ славѣ призываетъ !
Россъ двинулся,—и цѣлый свѣтъ
Молчитъ, трепещетъ и внимаетъ !
Невѣдомо куда идутъ
Полки, испытанные въ брани,
Противъ кого огонь несутъ
И мечь пріяли въ мощны длани.
Не снова-ль плѣнникъ средь зыбей
Европѣ рабствомъ угрожаетъ ?
Не сноваль лучъ свободныхъ дней
Блеснувъ Спартанцамъ—угасаетъ ?
Коль такъ, благословляю васъ !
Тѣнь Леонида, Милтіада
Возрадуйтесь : ударитъ часъ
И въ прахъ падетъ деспотъ Царь-града.

* Стихотвореніе это получено отъ И. И. Пущина, который приписываетъ его Пушкину.

Какой тиранъ дерзнетъ возстать
Противъ стремленія народа?
Тамъ можно-ль цѣпи налогать,
Гдѣ рабство—смерть, гдѣ жизнь—свобода?
Друзья, пускай вашъ острый мечь
Враждебной кровью обагрится,
Тому отрада въ землю лечь,
Кто за свободу ополчится.

ПѢСНИ

РЫЛѢЕВА и БЕСТУЖЕВА.

***

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынь—трава,
Братцы!
Гдѣ читаютъ Pucelle,
И летитъ подъ постель
Святцы.
Гдѣ Бесгужевъ драгунъ
Не даетъ карачунъ
Смыслу.
Гдѣ нашъ князь—чудодѣй
Не бросаетъ людей
Въ Вислу.(*)
Гдѣ съ зари до зари
Не играютъ цари
Въ фанты.
Гдѣ Булгаринъ Ѳаддей
Не боится когтей
Танты.

* Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Гдѣ Магницкій молчитъ,
А Мордвиновъ кричитъ
Вольно.
Гдѣ не думаетъ Гречь,
Что его будутъ сѣчь,
Больно.
Гдѣ Сперанскій поповъ
Обдаетъ, какъ клоповъ,
Варомъ.
Гдѣ Измайловъ—чудакъ
Ходитъ въ каждый кабакъ
Даромъ.
Ты скажи, говори,
Какъ въ Россіи цари
Правятъ.
Ты скажи поскорѣй,
Какъ въ Россіи царей
Давятъ.
Какъ капралы Петра
Провожали съ двора
Тихо.
А жена предъ дворцомъ
Разъѣзжала верхомъ
Лихо.
Какъ въ ненастные дни
Собирались они
Часто.
Гнули,—Богъ ихъ прости,—
Отъ литидесяти
На сто.

И выигрывали
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ.

ПѢСНЯ

Ай и скучно мнѣ
Во своей сторонѣ!
Все въ неволѣ,
Въ тяжкой долѣ,—
Видно вѣкъ вѣковать.
Долго-ль Русскій народъ
Будетъ рухлядь господъ,
И людями,
Какъ скотами,
Долго-ль будутъ торговать?
Баринъ съ земскимъ судомъ,
Да съ приходскимъ попомъ,
Насъ морочатъ,
Да волочатъ
По дорогамъ, да судамъ.
А подъ царскимъ орломъ,
Ядомъ подчуютъ съ виномъ;
Лишь народу
Для заводу
Велятъ вчетверо платить.

А наборами нашъ царь
Усушилъ насъ какъ сухарь ;
То дороги,
То налоги,
Раззорили насъ въ конецъ.
Ай, такъ худо на Руси,
Что и Боже упаси :
Аракчѣевъ
Всѣхъ затѣевъ
И всѣхъ бѣдъ тому виной.
Онъ царя подстрекнетъ
Царь указъ подмахнетъ—
Ему шутка,
А намъ жутко,
Тошно такъ, что ой, ой, ой !

ПѢСНЯ.

Царь нашъ нѣмецъ прусскій
Носитъ мундиръ узкій.
Ай, да царь, ай, да царь
Православный государь!
Царствуетъ онъ гдѣ-же?
Цѣлый день въ манежѣ.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Прижимаетъ локти,
Забираетъ въ когти.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Судьи всѣ жандармы,
Школы всѣ казармы.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Князь Волконскій баба,
Начальникомъ Штаба.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!

ПѢСНЯ К...ОЙ.

Я свободы дочь,
Я со трона прочь
Имѣраторовъ,
Я взбуптую полки,
Развяжу языки
У сенаторовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ К. РЫЛѢЕВА.

ГРАЖДАНИНЪ.

Я-ль буду, въ роковое время,
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ?
Нѣтъ, неспособенъ я, въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности, влачить свой вѣкъ [младой
И изнывать кипящею душой,
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ своей судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Они раскаются, когда народъ возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги
И, въ бурномъ мятежѣ, ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдутъ ни Брута, ни Ріэги.

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

Кто, кто сей дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело спокойно, строенъ станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей, украшенный вѣнкомъ,
Съ мечомъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитной скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ли мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты-ли геній древнихъ странъ,
Не ты-ли сила душъ свободныхъ,
О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И, въ наши дни, всегда была
Надежною опорой троновъ.

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ вражду, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды.
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ,
Не погасала, въ ихъ сердцахъ,
. . . . . .
Любовь къ согражданамъ своимъ;
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

О ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Тобою славны на судѣ
И Панинъ нашъ, и Долгорукой.
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины,
И вопль, и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ
И перломъ былъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И, страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И юношамъ объ нихъ тверди,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи;
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ,
Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ,
Ничто предъ доблестью гражданской.
Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы,
Подъ ихъ убійственнымъ мечёмъ
Вездѣ лилася кровь ручьёмъ.
Аттилъ и Цесарей и Бренновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой,
Они являлися толпой.....
Но многоль-было Цицероновъ?.....
Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ и двухъ Катоновъ.
Но намъ-ли унывать душой,
Пока еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининскихъ временъ,
Для блага сѣверныхъ племенъ,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ!

И такъ сограждане, не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье
Благодаренье небесамъ,
За ихъ святое снисхожденье;
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ.
Уже полвѣка, онъ Россію,
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ,
Вотще коварство вкругъ шипитъ,
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть козни строя,
Въ безумной дерзости своей,
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, спокоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и въ судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ,
Подпора власти и народу.

Такъ, въ дикой красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ, воетъ съ свистомъ,
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка,
Но тщетны дерзкіе порывы!
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Возноситъ верхъ свой горделивый.

ВИДѢНІЕ.

Ода на день тезоименитства

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ?
Я вижу, въ сладкомъ упоеньи,
Подъ сводомъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ,
Екатерины тѣнь паритъ,
Кого-то ищетъ жаднымъ взглядомъ,
Чело величіемъ горитъ.

Но вотъ съ устенъ царицы мудрой,
Какъ лучь, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрый,
Средь сонма воиновъ рѣзвясь,
То въ длани тяжкій мечь пріемлетъ,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То, трепеща, въ восторгѣ внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцевъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и нравъ и умъ,
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнуть силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На легкомъ облакѣ, какъ дымъ,
И улыбаясь, любовалась
Прекраснымъ правнукомъ своимъ.
Но вдругъ минервы свѣтлоокой
Чудесный видъ пріявъ, она
Слетѣла, мудрости высокой
Огнемъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись дланью
Ему Великая рекла:
" Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла;
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ,
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Тебя иная ждетъ судьбина,
Иные ждутъ тебя дѣла...

Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри—въ волненіи народы,
Смотри,—въ движеньи сонмъ царей!
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена творцемъ:
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ Сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру утверди въ сердцахъ.

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудіе истреби.
Будь блага нодданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей,
Будь просвѣщенья покровитель—
Оно надежный другъ властей.

Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность Русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданиномъ для гражданъ;
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори,—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари."

КЪ ВРЕМЕНЩИКУ.

(Подражаніе Персіевой Сатирѣ: къ Рубеллію).

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ, и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ;
Изъ устъ твоихъ хула достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобой уничиженьемъ!
Могу ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу?
Что̀ сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
Что̀ власть ужасная и санъ твой величавый?
Ахъ! лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,
Чѣмъ съ низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгаго своихъ сограждан̀ъ взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ будто для позора!
Когда во мнѣ, когда нѣтъ доблестей прямыхъ,
Что пользы въ санѣ мнѣ, и въ почестяхъ моихъ?

Не санъ, не родъ—одни достоинства почтенны ;
Сеянъ ! и самые цари безъ нихъ—презрѣнны,
И въ Цицеронѣ мной—не Консулъ, самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...
О, мужъ, достойный мужъ ! почто не можешь снова
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злова ?
Тиранъ, вострепещи ! родиться можетъ онъ !
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ Царей Катонъ !
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ !
Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можетъ быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть...
Не зная о своемъ ужасномъ положеньи,
Ты заблуждаешься въ несчастномъ ослѣпленьи !
Какъ ни притворствуешь и какъ ты ни хитришь,
Но свойства злобныя души не утаишь.
Твои дѣла тебя изобличатъ народу ;
Познаетъ онъ—что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщикъ надменный !
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный !
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Все-жъ трепещи, тиранъ ! за зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство !

СТИХОТВОРЕНІЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

НА СМЕРТЬ ЧЕРНОВА.

Клянемся честью и Черновымъ,
Вражда и брань временщикамъ,
Царей трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнѣсть готовымъ.

Пѣтъ! не отечества сыны
Питомцы пришлецовъ презрѣнныхъ!
Мы чужды ихъ семей надменныхъ,
Они отъ насъ отчуждены.

Тамъ говорятъ не Русскимъ словомъ,
Святую ненавидятъ Русь;
Я ненавижу ихъ, клянусь,
Клянусь и честью и Черновымъ!

На нашихъ дѣвъ, на нашихъ женъ
Дерзнетъ ли вновь любимецъ счастья—
Взоръ бросить полный сладострастья,—
Падетъ, перуномъ пораженъ.

И прахъ твой будетъ въ посмѣянье!
И гробъ твой будетъ въ стыдъ и срамъ!
Клянемся, дщерямъ и сестрамъ—
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

А ты! братъ нашихъ ты сердецъ,
Герой, столь рано охладѣлый!
Взносись въ небесные предѣлы!
Завиденъ, славенъ твой конецъ!

Ликуй! ты избранъ Русскимъ Богомъ
Всѣмъ намъ въ священный образецъ!
Тебѣ данъ праведный вѣнецъ!
Ты будешь чести намъ залогомъ!

СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПОЛЕЖАЕВА.

САШКА.

Къ читателямъ.

Не для славы—
Для забавы
Я пишу!

Одобренья
И презрѣнья
Не прошу!

Пусть кто хочетъ
Тотъ хохочетъ,
Я и радъ!

А развратенъ
Непріятенъ—
Пусть бранятъ.

Часть Первая.

I.

Мой дядя человѣкъ сердитый
И тьму я браней претерплю,
Но если говорить открыто :
Его немного я люблю !
Онъ чортъ когда разгорячится,
Дрожитъ какъ пустится кричать,
Но жаръ въ минуту охладится
И тихъ мой дядюшка опять !
За то какая же мнѣ скука,
Весь день въ гостинной при немъ быть
Какая тягостная мука,
Лишь о походахъ говорить.

II.

Супругѣ строить комплименты,
Платочки съ полу поднимать,
Хвалить ей чепчики и ленты,
Дѣтей въ колясочкѣ катать,
Точить имъ сказочки да лясы,
Водить въ саду въ день раза три,
И строить разныя гримасы,
Бормоча : " Чортъ васъ побери !"

Такъ растянувшись на телегѣ
Студентъ Московскій размышлялъ
Когда въ ночномъ изъ ней побѣгѣ
Онъ къ дядѣ въ Питеръ поскакалъ.

III.

Студенты всѣхъ земель и краевъ!
Онъ вашъ товарищъ и мой другъ!
Его фамилія Полежаевъ,
А дальше... эхъ, друзья, не вдругъ!
Я парень и безъ васъ болтливый,
Лишь только-бъ васъ не усыпить,
А то, внимайте терпѣливо:
Я радъ весь вѣкъ свой говорить!
Быть можетъ Пенза, городишко
Несноснѣе Зарайска, нѣтъ—
Подъ нимъ есть малое селишко*
И тамъ мой другъ увидѣлъ свѣтъ.

IV.

Нельзя сказать, чтобы богато
Иль бѣдно жилъ его отецъ,
Но все довольно торовато,
Что промотался наконецъ.
Но это прочь! отцу быть можно
Такимъ сякимъ и разсякимъ;
Намъ говорить объ сынѣ должно:
Посмотримъ вышелъ онъ какимъ.
Какъ быстро съ горъ весенни воды
Въ долины злачныя текутъ,
Такъ пусть въ разсказѣ нашемъ годы
Его младенчества пройдутъ!

* Покрышкино, имѣнье Струйскихъ, близъ Саранска.

V.

Пропустимъ также, что родитель
Его до крайности любилъ,
И первый Сашеньки учитель
Лакей изъ дворни его былъ.
Пропустимъ, что сей менторъ славный
Былъ и въ французскомъ Соломонъ,
И что дитя болталъ исправно
Jean f....., un v.., un c.. ;
Пропустимъ, что на балалайкѣ
Въ шесть лѣтъ онъ барыню игралъ
И что въ похабствахъ, бабкахъ, свайкѣ
Онъ кучерамъ не уступалъ.

VI.

Вотъ Сашѣ десять лѣтъ пробило,
И началъ папенька судить,
Что не весьма бы худо было
Его другому поучить.
Бичь хлопнулъ ! тройка быстрыхъ коней
Въ Москву и день и ночь летитъ
И у француза въ пансіонѣ
Шалунъ за книгою сидитъ.
Я думаю, что всѣмъ извѣстно,
Что значитъ модный пансіонъ.
И такъ не многимъ будетъ лестно
Узнать чему учился онъ.

VII.

Должно быть кой-чему учился,
Иль выучилъ онъ на алтынъ,
Когда достойнымъ учинился
Носить студента знатный чинъ !

О! родины прямыхъ студентовъ
Гетингенъ, Вильно и Оксфордъ,
У васъ не можетъ брать патентовъ
Дуракъ, алтынникъ или скотъ:
У васъ не можетъ колокольный
Звонарь на лекціи сидѣть
Вертѣться въ шляпѣ треугольной
И шпагу при бедрѣ имѣть!

VIII.

У васъ не вздумаетъ мальчишка
Шипѣть надувшись: я студентъ!
Вы судите, пусть онъ книзишка,
Да въ немъ ума ни капли нѣтъ!
У васъ студентъ есть мужъ почтенный,
А не паршивый, не соплякъ,
Не пол-умишко просвѣщенный
И не съ червонцами дуракъ!
У васъ таланты въ уваженьи
А не поклоны въ трехъ верстахъ,
У васъ заслугамъ награжденье,
А не привѣтствіе въ сѣняхъ!

IX.

Не ректоръ духомъ вашимъ править,
Природный умъ вамъ кажетъ путь,
И онъ вамъ честь и чинъ доставитъ
А не *нельзя ли какъ нибудь!*
Но ты козлиными брадами
Лишь пресловутая земля,
Умы гнетущая цѣпями,
Отчизна глупая моя!

Когда настанетъ тебѣ время
Очнуться въ дикости своей?
Когда ты свергнешь съ себя бремя
Своихъ презрѣнныхъ палачей?

X.

Но что?... гдѣ я?... куда сокрылся
Вниманья нашего предметъ?...
Ахъ, господа, какъ я забылся?
Я самъ и русскій и студентъ!...
Но это прочь. Вотъ въ вицъ-мундирѣ,
Держа въ рукахъ большой стаканъ,
Сидитъ съ красотками въ трактирѣ,
Какой то черненькій буянъ.
Веселье рьяное играетъ
Въ его закатистыхъ глазахъ,
И сквернословіе летаетъ
На пылкихъ юноши устахъ!

XI.

Кричитъ... пуншъ блещетъ, брызжетъ пиво,
Графины, рюмки дребезжатъ!
И вкругъ гуляки молчаливо
Рои трактирщиковъ стоятъ!
Махнулъ и бубны зазвучали,
Какъ громъ по тучамъ прокатилъ,
И крикъ цыганской шали
Трактира своды огласилъ!
И дикій вопль и восклицанье
Согласны съ пылкою душой

И палъ студентъ въ очарованьи
На перси дѣвы молодой.

XII.

Ктожъ сей во славѣ буйной зримый,
Младой роскошный эпикуръ?
Царицей паѳоса любимый,
Средь нимфъ увѣнчанный амуръ?
Друзья, никакъ не можетъ статься,
Чтобъ всякій вдругъ не отгадалъ,
И мнѣ пришлось бы извиняться
За чѣмъ я прежде не сказалъ!
Ахъ, мигъ счастливый, быстротечный
Волшебныхъ, юношескихъ лѣтъ!
Блаженъ кто въ радости сердечной
Тебя сорвалъ какъ вешній цвѣтъ.

XIII.

Блаженъ кто слезъ ручей горючій
Рукой Анюты утиралъ!
Блаженъ кто жизни путь колючій
Виномъ отраднымъ поливалъ!
Пусть смотритъ Гераклитъ плачевный,
Съ улыбкой жалкой на тебя,
Но ты блаженъ, о другъ мой милый,
Забывъ въ весельи самъ себя!
Отринемъ, свергнемъ съ себя бремя
Старинныхъ, умственныхъ цѣпей,
Которыхъ гибельное время
Еще щадитъ до нашихъ дней!

XIV.

Хорошъ философъ былъ Сенека,
Еще умнѣй—Платонъ мудрецъ!
Но черезъ два или три вѣка
Они, ей-ей не образецъ!
И въ тѣхъ и въ новыхъ шарлатанахъ
Лишь сборъ нелѣпостей однихъ;
Да и весь свѣтъ нашъ на обманахъ
Или духовныхъ иль мірскихъ.
Но полно, я заговорился.
А какъ мой Саша пировать
Съ бл...ми въ трактирѣ научился
Я и забылъ вамъ разсказать.

XV.

Не знаю я, природный
Умишка маленькій въ немъ былъ,
Иль пансіонъ учено-модный
Его лозами поселилъ;
Но лишь учась тому, другому,
Онъ кое-что перенималъ,
И словъ не тратя по пустому
Кой въ чемъ довольно успѣвалъ.
Могъ изъясняться по французски
И по нѣмецки лепетать,
А что касается по русски—
То даже риѳмы сталъ кропать.

XVI.

Хоть математикѣ учиться
Охоты вовсе не имѣлъ,

Но поколоться, порубиться
Съ лихимъ гусаромъ не робѣлъ!
Онъ зналъ науки и другія
Но это болѣе любилъ...
Ну вѣдь нельзя сказать, драгіе,
Сказать, чтобъ онъ невѣжда былъ!
Притомъ же, правду матку молвить,
Уменъ—не то что не ученъ,
Иной куда гораздъ какъ спорить—
Переученъ—а не уменъ!

XVII.

По моему семинариста
Хоть разучи, Богъ знаетъ какъ,
Строка въ строку Евангелиста
Прочтетъ на память—а дуракъ!
Я для того здѣсь объ ученыхъ
И умныхъ началъ разсуждать,
Что мнѣ не хочется объ оныхъ
И объ наукахъ разсуждать!
И такъ ни слова объ наукахъ.
Черты характера его:
Свободы въ мысляхъ и поступкахъ
Не знать судьею никого,
Ни подчиненности трусливой
Ни лицемѣрія ханжей!
О, жажда вольности строптивой
И необузданность страстей!
Судить рѣшительно и смѣло
Умомъ своимъ о всѣхъ вещахъ,

И тлѣть враждой закоренѣлой
Къ мохнатымъ моськамъ въ хомутахъ.

XVIII.

Онъ ихъ терпѣть не могъ до смерти
И въ метафизику его
Никто, ни ангелы, ни черти,
Ни обѣ бл..и, ничего,—
Ни такъ, ни эдакъ не входили.
И какъ ученый мужъ Платонъ
Его съ Сократомъ не учили,
Чтобъ Іисусу вѣрилъ онъ,
Онъ ничему тому не вѣритъ,
" Все это сказки," говоритъ.
. . . . . .
. . . . . .
Я для того распространяюсь
Объ столь божественныхъ вещахъ,
Что Сашу выказать стараюсь
Какъ самаго во всѣхъ мѣстахъ,
Чтобъ знали всѣ его, какъ должно,
Со всѣхъ сторонъ : хорошей и худой ;
Да и клянусь, ей-ей, не ложно,
Онъ скажетъ самъ, что онъ такой.
Конечно многимъ не по вкусу
Такой удалый сорванецъ ;
Но, хоть не вѣритъ онъ Іисусу,
А право добрый молодецъ !

XIX.

Вотъ все, чему онъ научился—
Свидѣтель Университетъ !

Хотябъ Рафаэль самъ трудился
Не лучшебъ снялъ съ него портретъ.
Теперь,—какими же судьбами,
Меня вы спросите опять,
Сидитъ въ трактирѣ онъ съ бл....и,
Извольте слушать и молчать.
Рожденный пылкимъ отъ природы,
Не долго былъ онъ средь оковъ;
Искалъ онъ буйственной свободы
И сталъ свободнымъ, былъ таковъ!

XX.

Какъ вихрь, иль конь мятежный въ полѣ,
Летитъ, въ свирѣпости своей,
Такъ, въ первый разъ его на волѣ
Узрѣлъ я въ пламени страстей!
Ни вы—театры, маскарады,
Ни дамъ московскихъ лучшій цвѣтъ,
Ни петиметрскіе наряды,
Не были думъ его предметъ.
Нѣтъ не такихъ мой Саша правилъ,
Онъ не былъ, отъ роду, бонтонъ,
И не туда совсѣмъ направилъ
Полетъ орлиный, быстрый онъ.

XXI.

Туда, гдѣ шумное веселье,
Въ роякъ неистовыхъ, кипитъ,
Отколь всѣ свѣта принужденья
И скромность ложная бѣжитъ!
Туда, гдѣ Бахусъ полу-пьяный

Объ руку съ Момусомъ сидитъ,
И, съ сладострастною Діаной,
Разнѣжась юноша шалитъ!
Туда, туда всегда стремились
Всѣ мысли друга моего,
И Вакхъ, и Момусъ веселились,
Принявъ въ товарищи его.

XXII.

Въ его пирахъ не проливалось,
Ни Донъ, ни Реинъ, ни Токай,
Но сильно, сильно разливалось
Иль пуншъ, иль грозный сивалдай!
Ахъ! время, времячко лихое!
Тебя опять не наживу,
Когда бывало, съ Сашей двое,
Вверхъ дномъ, мы ставили Москву!
Пока я живъ на свѣтѣ буду,
Въ какихъ бы ни былъ я мѣстахъ,
Нѣтъ, никогда не позабуду
О нашихъ буйственныхъ дѣлахъ!

XXIII.

Деру завѣсу темной нощи
Съ прошедшихъ, милыхъ сердцу дней
И вижу: въ Марьиной мы рощѣ
Блистаемъ славою своей!
Фуражки, взоры и походка —
Всё дышетъ жизнію, поетъ;
Табакъ, рыготина и водка
Разитъ, и пышетъ, и несетъ!

Идемъ, качаясь величаво,
И всѣ дорогу намъ даютъ,
И дѣвки, въ лѣво и на право,
Отъ насъ, со трепетомъ бѣгутъ.

XXIV.

Идемъ... и горе тебѣ, дерзкій,
Взглянувшій искоса на насъ!
"Молчать," кричимъ насупясь звѣрски,
"Иль выбьемъ потроха какъ разъ!
Толпа бл...й, иль дѣвъ стыдливыхъ,
Попалась въ давкѣ тѣсной намъ,
Цѣлуемъ, щупаемъ смазливыхъ
И харкаемъ въ глаза каргамъ!
Кричимъ, поемъ, танцуемъ, свищемъ,
Пусть, дураки на насъ глядятъ!
Намъ все равно; хвалы не ищемъ,
Пусть, что угодно говорятъ!

XXV.

Но вотъ, темнѣе и темнѣе;
Народъ разбрелся по домамъ.
"Извощикъ!"—Здѣсь сударь!—"Живѣе
Пошелъ на Срѣтенку къ бл....ъ."
—Ну-ну! и дрожки затрещали;
Летимъ — Москва, летимъ и вотъ,
Къ знакомымъ дѣвкамъ прискакали,
Запоръ сломали у воротъ,
Идемъ, по матерну ругаясь,
Въ разстёжку банты на штанахъ,

И, боязливо извиняясь,
Намъ свѣтитъ бандерша въ сѣняхъ.

XXVI.

"Мнѣ Танька, а тебѣ Анюта,"
Скосившись, Саша говоритъ.
Неоцѣнимая минута,
Тебя никто не изъяснитъ!
Пріапъ, Пріапъ! плещи м...ми!
Тебя достойный ѳиміамъ,
Твоими вѣрными сынами,
Теперь вскурится къ облакамъ.
О! онанисты, мезогины!
Вамъ слова два теперь скажу,
Какой божественной картины
Вамъ легкій абрисъ покажу!

XXVII.

Растянута, полувоздушна,
Калипсо юная лежитъ,
Е...ѣ грозному послушна,
Она и млѣетъ и дрожитъ.
Одна нога коснулась полу,
Другая, нѣжно на отлетъ,
Одна рука спустилась долу,
Другая, къ персямъ друга жметъ.
И вьется ж....ю атласной,
И изгибается кольцомъ,
И изнываетъ сладострастно
Въ томленьи пылкомъ и живомъ.

XXVIII

Нѣтъ, нѣтъ! и абрисъ не возможно
Такой картины начертать!
Чтобъ это чествовать, то должно,
Самимъ собою испытать.
Но вотъ, подъ гибкими перстами,
Поетъ гитара, контро-басъ,
И по козлиному, съ б....и,
Прекрасный сочинился вальсъ.
Возись! Пуншъ блещетъ, брызжетъ пиво,
Полштофы съ рюмками летятъ,
А колокольчикъ не сонливой
Ужъ бьетъ заутренній набатъ.

XXIX.

Вотъ тѣ, которые въ бордели
Ночь въ снѣ и пьянствѣ провели,
Покинувъ мягкія постели,
Домой, въ нуху и въ пятнахъ шли.
Дымъ каждую туманилъ кровлю;
Ползи ерыги къ кабакамъ,
Мохнатыхъ полчища — на ловлю,
И шайки нищихъ тамъ и сямъ.
Прощайте-жъ, милыя красотки!
Теперь намъ нечего зѣвать —
И такъ, допивъ остатокъ водки,
Пошли домой мы съ Сашей спать.

XXX.

Ахъ, много, много мы шалили!
Быть можетъ, пошалимъ опять,

И много, много старой были
Друзьямъ найдется разсказать.
Во славу университета,
Какъ будто вижу я теперь,
Осаду нашу комитета:
Вотъ Саша мой стучится въ дверь...
"Кто ночью тамъ шумѣть изволитъ?"
Оттуда голосъ закричалъ;
"Увидитъ тотъ, кто дверь отворитъ,"
Сердито Саша отвѣчалъ.

XXXI.

Сказавъ, какъ вихорь устремился
И дверь низверглася съ крючкомъ,
И заревѣвши, покатился
Лакей съ желѣзнымъ фонаремъ.
Се ты! о, Сомовъ незабвенный!
Твоею мощной пятерней
Гигантъ, въ затылокъ пораженный,
Слетѣлъ по лѣстницѣ крутой.
Какъ лютой волкъ, стремится Саша
На дѣву блѣдную одну
И распростерлася Дуняша,
Облившись кровью, на полу.

XXXII.

Какое страшное смятенье,
И дикій вопль, и крикъ, и ревъ,
И стонъ, и жалкое моленье
Нещадно у.....ъ дѣвъ!

И вдругъ, огнями освѣтился
Пространный комитета дворъ,
И съ кучерами, появился
Свирѣпыхъ буфелей дозоръ.
"Держи!"... повсюду крикъ раздался,
И быстро бросились на насъ,
И бой ужасный завязался.
О, грозный день! о, лютый часъ!

XXXIII.

Капоты, шляпы и фуражки
Съ героевъ буйственныхъ летятъ,
И что я зрю?—О небо! Сашкѣ
Веревкой, руки ужъ крутятъ!
"Mon cher!" кричитъ онъ, задыхаясь,
Народъ-же, больше собираясь,
На жертву кинулся свою.
"Ахъ, Саша! что съ тобою будетъ?
Тебя въ рогатку закуютъ
И рой друзей тебя забудетъ...
Нѣтъ, нѣтъ! ужъ Калайдовичъ тутъ!"

XXXIV.

Онъ тутъ!—и нѣтъ тебѣ злодѣя!
Твою веревку онъ сорвалъ
И, какъ медвѣдь, разсвирѣпѣя,
Въ прахъ всѣхъ буфелей поклалъ.
Одной твоей телячьей шапки
Уже во вѣкъ ты не узришь!
А самъ, безвреденъ послѣ схватки,
Опять за пуншемъ ужъ сидишь.

Пируй теперь, мой Ждановъ милый,
Твоя обида отмщена,
И проясни свой ликъ унылый,
Стаканомъ пѣннаго вина,

XXXV.

И ты! мой другъ, въ тогдашни годы,
Теперь—подлецъ и негодяй,
Настрой-ка Пузинъ, братъ, аккорды,
Возьми гитару и взыграй.
Прочь, прочь Надеждинъ отъ бильярда—
Коль проигралъ, такъ не робѣй!
Коврайскій! вотъ сивуха,—пей!
А ты, нашъ чайный разливатель,
Окушенскій, не отходи,
И, какъ порядка наблюдатель,
За пиромъ радостнымъ гляди!

XXXVI.

Засядемъ, дружескимъ соборомъ
За столъ, уставленный виномъ,
И звучнымъ, громогласнымъ хоромъ,
Лихую пѣсню запоемъ.
Летите грусти и печали
Къ е..... ....у,
Давно, давно мы не бывали
Въ такомъ божественномъ кругу!
Скачите б..ди, припѣвая
Вивать, нашъ Саша молодецъ!
А я, главу сію кончая,
Скажу: ей богу молодецъ!

Часть вторая.

I.

Чуть освѣщаемый луною,
Дремалъ въ туманѣ Петербургъ,
Когда съ унынъемъ и тоскою,
Его верхи узрѣлъ мой другъ.
На облучкѣ спустивши ноги
Въ забытьи жалкомъ онъ сидѣлъ.
И объ оконченной дорогѣ
Въ сердечной думѣ сожалѣлъ.
Стаканъ послѣдній сивалдая
Передъ заставой осушилъ
И изъ телеги вылѣзая,
И молчаливъ и смутенъ былъ.

II.

Нева широкая струилась
Близъ постоялаго двора
И недалеко серебрилось
Изображеніе Петра.
Все было тихо и покойно...

Въ душѣ лишь Саши моего
И не смыкался невольно
Глаза потухшіе его,
Недавно буйнаго студента
Съ дымящимся отъ трубки ртомъ :
Онъ прислонясь у монумента
Стоялъ съ потупленнымъ челомъ.

III.

" Увы, увы !.. часы веселья,
Вы пролетѣли будто сонъ ! "
Такъ въ Петербургскомъ новосельѣ
Вздохнувши тяжко, молвилъ онъ :
" Быть можетъ долго молодыя
Красотки мнѣ васъ не видать !...
И долго ж.....и крутыя,
На васъ не стану замирать !
И нѣжить пламенной рукою
И прижимать къ моимъ устамъ,
И припадать, рѣзвясь порою,
Къ упругимъ полненькимъ грудямъ."

IV.

" Прощайте звонкіе стаканы
И пуншъ и мощный Ерофей !
Быть можетъ други мои пьяны
Теперь пируютъ у бл...й
И сны пріятные летятъ.
Глаза, сомкнутые виномъ,
Лучи дневные освѣтятъ
Ихъ упоенныхъ крѣпкимъ сномъ !

А я !.. увы ! несчастный
Я бъ проклялъ восходящій день !.."
Умолкъ... и лучь денницы ясной
Разсѣевалъ ночную тѣнь.

V.

Эхъ Саша ! какъ тебѣ не стыдно,
Сробѣлъ лихая голова !
Ей-богу слышать намъ обидно
Такія вздорныя слова.
Когда ты былъ такою бабой ?
Когда такъ трусилъ и шутилъ ?
Какъ мальчикъ глупенькій и слабый
При видѣ розогъ пріунылъ.
Что ты въ Москвѣ накуралесилъ,
И голъ остался какъ соколъ—
Такъ и раскисъ и носъ повѣсилъ...
Пошелъ, братъ къ дядюшкѣ, пошелъ !..

VI.

И чтожъ, друзья?.. вѣдь справедливо
Онъ дядю чертомъ называлъ,
Вѣдь какъ же онъ краснорѣчиво
Его сначала отщелкалъ !
Такую задалъ передрягу,
Такую пѣсеньку отпѣлъ,
Такъ отпривѣтствовалъ бродягу
Что тотъ лишь слушалъ, да глядѣлъ.
Потомъ все тише, да смирнѣе ;
Потомъ не сталъ ужъ и кричать,
Все ласковѣе, да добрѣе,
Потомъ и Сашей началъ звать.

VII.

А Саша тутъ и распустился,
И чувствуетъ что виноватъ;
Раскаялся—и прослезился.
А дядя?.. Боже мой какъ радъ!
Повѣсу грязнаго обмыли,
Сейчасъ бѣлья ему, сапогъ
И съ головы принарядили,
Какъ лучше быть не льзя, до ногъ.
Повеселиться тамъ нисколько—
Никакъ не думавъ, не гадавъ,
Пируетъ Саша мой и только,
Опять въ кругу своихъ забавъ.

VIII.

Гдѣ видъ Московскаго гуляки?
Куда дѣвался пухлый ликъ?
Голо-кургузо въ модномъ фракѣ
Въ отличной шляпѣ à la pique;
Въ подбитомъ бархатомъ жилетѣ,
Въ рукахъ хлыстъ англійскій несетъ.
Вотъ избоченясь на проспектѣ
Онъ съ миной важною идетъ.
Червонецъ свѣтлый драгоцѣнный,
И на театры въ первый рядъ
Билетъ на кресло ежедневный
Въ карманѣ брюкъ его лежатъ!

IX.

Съ какой улыбкою кичливой
На прочихъ франтовъ онъ глядитъ,

Какой улыбкою сонливой
И дамъ и барышень дарить!
Съ какой пріятностью играетъ
И машетъ хлыстикомъ своимъ
И какъ искусно задѣваетъ
Подъ ж...и дѣвушкамъ же имъ;
Какой бонтонъ въ осанкѣ, взорахъ
Какую важность возъимѣлъ,
Но вотъ на ухарскихъ ресорахъ
Въ театръ, разлегшись, полетѣлъ!

X.

Вошелъ. Съ небрежностью лакею
Билетъ, сморкаясь показалъ
И изогнувши важно шею
Глазами ложи пробѣжалъ.
Взгремѣла Фрейшица музыка
Громъ писковъ залу огласилъ,
И всѣ отъ мала до велика
И упоенъ и тронутъ былъ!
Чтожъ Саша? съ видомъ отвращенья,
Разлегшись въ креслахъ онъ сидитъ,
Съ улыбкой гордой пресыщенья
Въ четыре стороны глядитъ.

XI.

Напрасно foro всѣ кричали
Но онъ выдерживалъ свой тонъ,
И въ самомъ дѣйствіи въ началѣ
Спокойно пуншъ пить вышелъ онъ;
Напрасно милая Дюрова

Твой голосъ всѣхъ обворожалъ,
Онъ не разслышалъ ни пол-слова,
Но только ж...у увидалъ!
Напрасно Антонинъ воздушный
Ты рѣзалъ воздухъ какъ зефиръ,
Для тону Сашѣ будетъ скучно
Хотябъ растѣшилъ ты весь міръ.

XII.

Да и нельзя же въ самомъ дѣлѣ,
Смотрите онъ въ какомъ кругу,
Народъ не тотъ здѣсь что въ бордели—
Все видишь ленту иль звѣзду!
И шутки въ сторону откинуть
Съ нимъ рядомъ первая вѣдь знать;
И такъ пристойно ль ротъ разинуть
И дуракомъ себя казать.
Такъ разъ и твердо затвердивши,
Всегда мой Саша поступалъ,
И каждый день въ театрѣ бывши
Роль полусоннаго игралъ.

XIII.

Но какъ ни былъ за то онъ скроменъ
Во всѣхъ поступкахъ и рѣчахъ,
И полу-тихо нѣжно томенъ
При зоркихъ дядиныхъ глазахъ.
Съ какимъ терпѣньемъ и почтеньемъ
Его онъ слушалъ по часамъ,
Съ какимъ, о смѣхъ!... благоговѣньемъ
Ходилъ съ нимъ вмѣстѣ по церквамъ;

По лѣтнему-ль гуляетъ саду,
Не свищетъ пѣсенки небось,
Хоть будь разж...а, ни пол-взгляда
Не кинетъ прямо и ни вкось!

XIV.

Съ какою пылкостью восторга
Хвалилъ онъ дядины мечты,
Доказывалъ премудрость Бога,
Вникалъ въ природы красоты;
Съ какимъ онъ жаромъ удивлялся
Наполеонову уму
И какъ дѣлами восхищался
Моро и Нея и Даву,
Ругалъ всѣхъ Русскихъ безъ разбору
И въ эрмитажахъ отъ картинъ
Не отводилъ ни рта ни взору
О плутъ! о шельма, сукинъ сынъ!

XV.

Не понималъ и лицемѣрилъ:
И льстилъ безсовѣстно и вралъ!
А честный дядя всему вѣрилъ
И шуту денежки давалъ...
Бывало только онъ съ Мильонной,
А дядя: "гдѣ дружочикъ былъ?"
"Да—я-съ (куда какой проворный)
Я-съ по бульвару все ходилъ;
Потомъ спускъ видѣлъ парохода,
Да Зимній осмотрѣлъ Дворецъ;
Какая славная погода!"
Ахъ ты е.... м... подлецъ!

XVI.

Ахъ ты проклятая собака!
Вѣдь что мошенникъ не совретъ?
А хоть ругай—мой забіака
Живетъ да пѣсенки поетъ...
Звѣнитъ цѣлковыми рублями,
Летаетъ фертикомъ въ садахъ,
Пируетъ нѣжится съ бл.....
И сушитъ водку въ погребахъ.
Ну, что ты дѣлать съ нимъ прикажешь,
Не хочетъ слышать ужъ объ насъ...
Ей Саша! или не покажешь
Въ Москву своихъ спѣсивыхъ глазъ?

XVII.

Постой! не вѣчно, братъ, рейнвейны
Въ café de France ты будешь пить,
И щупать ж...чки лилейны
И въ шляпѣ à la pique ходить!
Постой, не вѣчно въ Петербургѣ
Красотокъ будешь цѣловать,
Опять любезнѣйшаго друга
Въ Москву представятъ къ намъ опять.
Гуляй, пируй пока возможно,
Крути помадь свой хохолокъ,
Минуты упускать не должно,
Играй, сбоченясь à la coq!

XVIII.

Не выпускай изъ рукъ стакана,
Отъ Каратыгина зѣвай,

И въ ресторацiи съ дивана,
Дымясь въ вакштафѣ, не вставай;
Катайся въ лодочкахъ узорныхъ,
Лови, обманывай жидовъ,
И мчись на рысакахъ проворныхъ,
До позднихъ полночи часовъ,
Про..ь цѣлковишкой въ бордели...
А дядя мыслитъ кое-что:
И въ дилижансѣ двѣ недѣли
Тебѣ ужъ мѣсто нанято.

XIX.

Различноцвѣтными огнями
Горитъ въ Москвѣ Кремлевскiй садъ
И пышно пестрыми рядами
Въ немъ дамы съ франтами кишатъ.
Музыка шумная играетъ
На флейтахъ, бубнахъ и трубахъ
И гулъ гремящiй завываетъ
Кремля высокаго въ стѣнахъ.
Какiя радостныя лица!
Какой веселый милый міръ!
Всѣ обитатели столицы
Сошлись на общiй будто пиръ.

XX.

Какое множество букетовъ
Индѣйскихъ шалей и чепцовъ,
Плащей, турбановъ и лорнетовъ,
Подзорныхъ трубокъ и очковъ.

И смѣсь роскошная въ нарядахъ,
И лицъ различныя черты,
И выраженія во взглядахъ
Кокетства юной красоты!

XXI.

Какъ изъ-подъ шляпки сей игриво
Глазокъ прищуренный глядитъ;
Что для мужчинъ она учтива
Онъ очень ясно говоритъ.
На грудь лилейную другая
Власы небрежно разметавъ
И всѣхъ прельстить собой желая,
Нарочно гордый кажетъ нравъ!
Вуалемъ съ нѣжностію вѣя
Иная томно такъ идетъ
Но подойди къ ней не робѣя—
Она и ручку протянетъ.

XXII.

Все живо, все разнообразно!
Все можетъ умъ развеселить:
Тамъ изобличился приказный,
Напрасно ловкимъ хочетъ быть.
Здѣсь купчикъ тросточкой играя,
Какъ царь доволенъ самъ собой;
Тамъ съ генераломъ въ рядъ шагая
Себя такимъ же чтитъ портной.
Вельможа, поваръ и сапожникъ,
И честный, и подлецъ и плутъ,
Купецъ и блинникъ и пирожникъ
Все трутся и другъ друга жмутъ.

XXIII.

Но что, не призракъ ли мнѣ ложный
Глаза внезапно ослѣпилъ?
Что вижу я? Ужель возможно,
Чтобъ это Саша мой ходилъ? !..
Его ухватки и движенья,
Его осанка, взоръ и видъ!
Какое страшное сомнѣнье!
И духъ и кровь во мнѣ кипитъ.
Иду къ нему... трясутся ноги.....
Все ближе милыя черты....
Дрожу, страшусь... колеблюсь... Боги!...
О другъ любезный! это ты?

XXIV.

Друзья, завѣсу опускаю
На нашу радость и восторгъ;
Такой минуты, сколько знаю,
Никто намъ выразить не могъ.
Сердцамъ же вѣрнымъ и открытымъ
И все желающимъ узнать,
Умамъ чрезъ мѣру любопытнымъ
Довольно кажется сказать:
Что разъ пятнадцать мы обнявшись
И оросивъ слезами грудь,
И разъ пятнадцать цѣловавшись,
Въ трактиръ направили мы путь.

XXV.

Не вспомнишь все, что мы болтали,
По все, что онъ мнѣ разсказалъ,

Вы передъ этимъ прочитали,
И я ни капли не совралъ.
Одно лишь только онъ прибавилъ :
Что дядя въ Университетъ
Еще на годъ его отправилъ,
И что довольно съ нимъ монетъ.
"Сюда! е..... м..... б..... !" гремящимъ
Своимъ онъ гласомъ возопилъ,
И пуншемъ нектарнымъ, кипящимъ
Въ минуту столъ обрызганъ былъ.

XXVI.

Ты видѣлъ Поль, когда на дрожкахъ
Къ тебѣ онъ быстро подлетѣлъ,
Въ то время съ книгой у окошка,
Дымясь въ вакштафѣ, ты сидѣлъ;
Ты помнишь, о Коврайскій славный!
Студентовъ честь и красота,
Какой ты встрѣчею забавной
Его порадовалъ тогда :
Весь выпачканъ, мертвецки пьянымъ,
Тебя онъ въ камерѣ засталъ,
И ртомъ вонючимъ и поганымъ
Его не разъ ты замаралъ!

XXVII

Ты зрѣлъ, любезный мой Костюшка,
Его какъ стельку самаго!
И снова толстенькая Грушка
Ты жопкой нѣжила его.

Вивать трактиры и бордели
Пожива будетъ еще вамъ,
И погребки не опустѣли
Когда пріѣхалъ Саша къ намъ!
Въ весельи буйственномъ съ друзьями
Еще за пуншемъ онъ сидѣлъ,
И разноцвѣтными огнями
Кой-гдѣ Кремлевскій садъ горѣлъ.

АРЕСТАНТЪ.

Другу моему

А. П. Лазовскому.

Ты мнѣ чужой—не съ давнихъ лѣтъ
Знакомъ душѣ твоей поэтъ!
Не симпатія двухъ сердецъ—
Святаго дружества вѣнецъ
Въ счастливой жизни намъ вила,
И другъ для друга родила!
Быть можетъ, разъ сойдтись съ тобой
Мнѣ предназначено судьбой—
И мы сошлись! Ты—въ красотѣ
Цвѣтущихъ дней, я—въ нищетѣ
Позорныхъ узъ... Добро, иль зло
Тебя къ страдальцу привело?
Боюсь понять—подъ игомъ бѣдъ
Мнѣ подозрителенъ весь свѣтъ;
Погибшей истины черты
Въ моихъ глазахъ однѣ мечты:

Уму свирѣпому она
И ненавистна и смѣшна.
Быть можетъ, вѣтренникъ младой,
Смѣясь надъ глупой добротой
Вмѣнивши шалости въ законъ,
И быстрымъ чувствомъ увлечёнъ,
Ты ложной жалостью хотѣлъ
Смягчить ужасный мой удѣлъ
И осмѣять мою тоску.
Быть можетъ, лестью простаку
Желалъ о счастьи вспомянуть,
И вновь жестоко обмануть...
Но пусть, игралище страстей,
Я буду куклой для людей!
Пусть ихъ коварства лютый ядъ
Въ моей груди усилитъ адъ—
И ты не лучше ихъ ничѣмъ!
Не знаю самъ: за что, за чѣмъ
Я полюбилъ тебя? Твой взоръ
Не есть несчастному укоръ!
Твой голосъ, звукъ твоихъ рѣчей
Мнѣ милъ, какъ сладостный ручей—
Такъ соловей, въ ночной тиши,
Поетъ для горестной души;
Такъ Аббадонѣ Уріилъ
Во тьмѣ геенской говорилъ!...
Глаза печальные мои
Слезу пріязни и любви
Въ твоихъ замѣтили очахъ:
Ты любишь самъ меня—но, ахъ!

Твое участіе ко мнѣ,
Какъ легкій пепелъ на огнѣ,
На мнѣ возникнетъ, оживётъ,
И вмѣстѣ съ вѣтромъ, пропадётъ!
Я не виню тебя—жестокъ
Ко мнѣ не ты, а злобный рокъ,
И ты простишь въ пылу страстей
Обидной вольности моей—
Я снова узникъ и солдатъ!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вотъ тайный даръ моихъ стиховъ...
Проникни въ силу этихъ словъ.
Прочти, коль вздумаешь, спиши
И не забудь меня въ глуши.
Когда-жъ забудешь, Богъ съ тобой,
Но знай, что я на вѣки твой!

Спасскіе Казармы 1828 года.

Ты хочешъ, другъ, чтобы рука
Временъ прошедшихъ чудака,
Вооруженная перомъ,
Черкнула снова кой-о-чемъ—
Увы! старинный даръ стиховъ,
И слѣдъ сатиръ и острыхъ словъ
Исчезъ въ безумной головѣ,
Какъ слѣдъ Дріады на травѣ,
Иль запахъ розы молодой
Подъ недостойною пятой!...
Поэтъ нлѣнительныхъ страстей
Живой сидитъ въ когтяхъ чертей,
Атласныхъ ж...къ не поетъ
И чуть по волчьи не реветъ.....
Броня сермяжная и штыкъ—
Удѣлъ того, кто былъ великъ
На полѣ перьевъ и чернилъ;
Солдатскій шлемъ пріосѣнилъ
Главу достойную вѣнка,
И Чайльдъ-Гарольдова тоска
Лежитъ на сердцѣ у того,
Кто не боялся никого...
Но на призывный, дружній гласъ

И можетъ быть, въ послѣдній разъ,
Еще до смерти согрѣшу
И листъ бумаги испишу.
Прочти его и согласись,
Что средтсва если нѣтъ спастись
Отъ угнетѣній и цѣпей,
То жизнь страшнѣе ста смертей,
И что свободный человѣкъ
Свободно кончить долженъ вѣкъ...
. . . . . .
Опытъ злой . . . . . .
Завѣсу съ глазъ моихъ сорвалъ
И ясно, ясно доказалъ,
Что добродѣтель есть мечта
. . . . . .
Любовь и дружба — пара словъ,
А жалость — мщеніе враговъ...
Одно подъ солнцемъ есть добро —
Неочиненное перо! —
. . . . . .
. . . . . .
Въ столицѣ русскихъ городовъ,
Мощей, монаховъ и поповъ,
На славномъ валѣ земляномъ,
Стоитъ странноприимной домъ,
Въ сосѣдствѣ съ нимъ стоитъ другой,
Кругомъ обстроенный, большой —
И этотъ домъ извѣстенъ намъ,
Въ Москвѣ, подъ именемъ казармъ;
Въ казармахъ этихъ тьма людей,

И ночью, множество б.....
На нарахъ съ воинами спятъ
И веселятся и шумятъ...
А на огромномъ томъ дворѣ
. . . . . .
Издавна выдолблено дно—
Иль гауптвахта—все равно,
И дна того на глубинѣ
Еще другое дно въ стѣнѣ—
И называется—тюрьма,
Въ ней сырость страшная и тьма,
И проблескъ солнечныхъ лучей
Сквозь окна слабо свѣтитъ въ ней;
Растресканный, кирпичный сводъ
Едва, едва не упадетъ
И не обрушится на полъ,
Который снизу, какъ Эолъ,
Тлетворнымъ воздухомъ несетъ
И, съ самой вѣчности гніетъ...
Въ тюрьмѣ, жертвъ на пять или шесть
Рядъ малыхъ наръ у печки есть,
И десять удалыхъ головъ,
Царя рѣшительныхъ враговъ,
На малыхъ нарахъ тѣхъ сидятъ
И кандалы на нихъ гремятъ.
. . . . . .
. . . . . .
И каждый день и въ вечеру
Ложася спать и поутру,
Въ молитвѣ къ господу христу

Царя россійскаго въ п....
Они ссылаютъ на подрядъ
И всѣ служить ему хотятъ,
За то, что малый онъ лихой
За пустяки гонять сквозь строй.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И на доскѣ, что у окна
На двухъ столбахъ утверждена,
Броней сермяжною одѣтъ,
Лежитъ вербованный поэтъ,
Броня на немъ, броня подъ нимъ,
И все одна и та же съ нимъ,
Какъ вѣрный другъ всегда лежитъ
И согрѣваетъ и хранитъ...
Кисетъ съ негоднымъ табакомъ
И полновѣснымъ пятакомъ,
На необтесанномъ столѣ,
Лежитъ у узника въ углѣ.
Здѣсь онъ, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Обезображенъ, какъ скелетъ,
Съ полуостриженной брадой,
Томится лютою тоской!...
Здѣсь триста шестьдесятъ пять дней,
Въ кругу Платоновыхъ людей,
Онъ смрадной жизни воздухъ пьетъ
И . . . . . клянетъ!...
Онъ не живетъ уже умомъ:

Душа и умъ убиты въ немъ,
Но какъ бродячій автоматъ,
Или безчувственной солдатъ,
Штыкомъ рожденный для штыка,
Онъ дышетъ жизнью дурака:
Два раза на день ѣстъ и пьетъ
И долгъ природѣ отдаетъ!...
. . . . . .
. . . . . .
Воспоминанья старины,
Какъ обольстительные сны,
Его тревожатъ иногда;
Въ забвеньи горестномъ тогда
Онъ воскресаетъ бытіемъ.
Безумнымъ, радостнымъ огнемъ
Тогда глаза его горятъ..
И слезы крупныя блестятъ
И, очарованный мечтой,
Надежду жизни молодой
Несчастный видитъ, ловитъ вновь,—
Опять поётъ,—опять любовь
Къ свободѣ, къ міру въ немъ кипитъ,
Онъ къ ней стремится,— онъ летитъ,
Онъ полонъ милыхъ сердцу думъ...
Но вдругъ, цѣпей желѣзныхъ шумъ,
Иль хохотъ глупыхъ бѣглецовъ,
Тюрьмы безсмысленныхъ жильцовъ,
Раздался въ сводахъ роковыхъ
И рой видѣній золотыхъ,
Какъ легкій утренній туманъ,

Унесъ души его обманъ!...
Такъ жнецъ, на пажити родной,
Стрѣлой сраженный громовой,
Внезапно падаетъ во прахъ
И замеръ серпъ въ его рукахъ!
Надежду, радость,—всё взяла
Молніеносная стрѣла!...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Оставленъ всѣми, одинокъ,
Какъ въ морѣ брошенный челнокъ
Въ добычу яростной волнѣ
Онъ увядаетъ въ тишинѣ...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Участье вѣрное друзей,
Которыхъ шумные рои,
Подъ ложной маскою любви,
Всегда готовы для услугъ
Когда есть денежный сундукъ,
Или подобное тому,—
Не въ тягость болѣе ему;
Изъ ста знакомыхъ щегольковъ,
Большого свѣта знатоковъ,
Никто ошибкою къ нему,
Не залеталъ еще въ тюрьму;
Да и прекрасно!... для чего?

Тамъ нѣтъ ни водки,—ничего!...
. . . . . .
. . . . . .
Чутье животныхъ, модный тонъ,
Или приличія законъ—
Вотъ тайна дружественныхъ узъ,
А нѣжность сердца, тонкій вкусъ,
Причина важная забыть
Того кто слезы долженъ лить.....
Ахъ какъ онъ жалокъ, quelle misère!
Какъ потерялся онъ, mon cher!
Лепечетъ милый фанфаронъ
И долгъ пріязни заплачѣнъ!.....
. . . . . .
. . . . . .
Зачѣмъ пенять, они умны,
Ихъ разсужденія вѣрны:
Такъ должно было, напередъ
Судьба намъ сдѣлала разсчетъ!...
Имъ наслажденіе дано,
А мнѣ страданье суждено!...
И правы—мрачный фаталистъ
И всѣмъ довольный оптимистъ,
Система звѣздъ, прыжокъ сверчка,
Движенье моря и смычка,
Всё воля творческой руки,
Иль вѣра въ Бога пустяки!
Сказать, что Бога нѣтъ—смѣшно,
Сказать, что есть онъ—мудрено!
Когда онъ есть, когда онъ умъ,

Превыше гордыхъ нашихъ думъ,
Нравдивый, вѣчный всеблагой
Въ себѣ живущій, самъ собой,
Омега, Альфа бытія,
Тогда онъ намъ не судія:
Возможно-ль то ему судить,
Что самъ онъ вздумалъ сотворить?
Свое творенье осуда
Онъ опровергнетъ самъ себя!
Твердить преданье старины,
Что мы какъ Богъ въ себѣ вольны,
Есть перекорствовать уму—
И значитъ впасть въ иную тьму.
Его предвѣденье могло
Моей свободы видѣть зло
Онъ долженъ былъ изъ тьмы вѣковъ
Возвать атомъ мой для оковъ
. . . . . .
. . . . . .
Иль онъ предвидѣлъ и желалъ,
Чтобы невинно я страдалъ,
Или одинъ свирѣпый рокъ
Въ пучину бѣдъ меня завлёкъ?...
Когда онъ видѣлъ, то хотѣлъ,
Когда хотѣлъ, то повелѣлъ,
Все чрезъ него и отъ него,
А заключенье изъ того:
Когда я воленъ—онъ тиранъ
Когда я кукла—онъ болванъ.
. . . . . .

Такъ пусть-же тягостной руки
Меня снѣдающей тоски,
Въ угодность вѣтренной судьбѣ,
Не испытаютъ на себѣ;
Страдальца давняго покой
Постыдной зависти чертой
Чужаго счастья не смутитъ!.....
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
О ты, который возведенъ
Погибшей вольности на тронъ,
Или простѣе говоря,
Особа русскаго царя—
Коснется-ль звукъ моихъ рѣчей
Твоихъ обманутыхъ ушей?
Узришь-ли ты, прочтешь-ли ты
Сіи правдивыя черты?...
Поймешь-ли ты, что царскій долгъ
Есть не душить, какъ лютый волкъ,
По алчной прихоти своей,
Мильоны страждущихъ людей!
Поймешь-ли ты, какъ мудрено—
Сказать въ душѣ—все рѣшено!
Какъ тяжело сказать уму:
Прости мой умъ, иди во тьму,
И какъ легко черкнуть перу:
"Царь Николай быть по сему!...
. . . . . .
. . . . . .

Но что? къ чему напрасный гнѣвъ?
Онъ не сомкнетъ Молоха зѣвъ:
Безсиленъ звукъ въ моихъ устахъ,
Какъ мечь въ заржавленныхъ ножнахъ!...
И я въ тюрьмѣ . . . . . .
. . . . . Ватага спитъ,—
Передо мной едва горитъ
Фитиль въ разбитомъ черепкѣ;
Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ,
На грудь склонившись головой,
У двери дремлетъ часовой.
Вблизи усталый караулъ,
Кто какъ умѣетъ прикорнулъ,
На гауптвахтѣ тишина...
Богъ винограда, богъ вина,
Сынъ пьяный пьянаго отца!
Зачѣмъ пріятный гласъ пѣвца,
Въ часы полуночныхъ пировъ,
Не веселитъ твоихъ сыновъ?
Зачѣмъ на лирѣ золотой,
Передъ дѣвицей молодой,
Въ восторгѣ чувствъ онъ не гремитъ,
И блѣдный, пасмурный сидитъ,
Безъ изліяній и друзей,
Въ рукахъ едваль полу-людей?
Не онъ ли свѣжесть ранніхъ силъ
Тебѣ на жертву приносилъ
Во дни безпечной старины?
Не онъ ли розами весны
Твой благодѣтельный бокалъ

Рукой покорной украшалъ?
Свершилось!... нѣтъ его... ударь
Облекшимъ тирсомъ въ свой алтарь!
Пролей вино изъ томныхъ глазъ!
Твой жрецъ, твой вѣрный жрецъ угасъ!
Угасъ, какъ факелъ буйныхъ дѣвъ,
Исчезъ, какъ громкій ихъ напѣвъ:
Эвоэ, Эвое, славный Вакхъ!
Какъ разумъ скучный на пирахъ!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Меня враждой своей почтилъ
И лобызая удушилъ!...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
А ты, примѣрный человѣкъ,
Души высокій образецъ,
Мой благодѣтель и отецъ,
О, Струйскій, можешь ли когда,
Добычу гнѣва и стыда,
Пѣвца преступнаго простить...
. . . . . .
. . . . . .
Какъ погибающій злодѣй
Передъ сѣкирой роковой,
Теперь стою передъ тобой:
Мятежный вѣкъ свой погубя,

Въ слезахъ раскаянья тебя
Я умоляю . . . . . .
. . . . . еще моимъ отцемъ
Хочу назвать тебя—зову,
И на покорную главу,
За преступленія мои,
Прошу прощенія любви...
Прости меня—моя вина
Ужасной местью отмщена !...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Завѣса вѣчности нѣмой
Упала съ шумомъ предо мной
Я вижу . . . . . .
. . . . . мой стонъ
Холоднымъ вѣтромъ разнесенъ,
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Мой брошенъ трупъ на снѣдь червямъ.
. . . . . .
И нѣтъ ни камня, ни креста,
Ни огороднаго шеста,
Надъ гробомъ узника тюрьмы—
Жильца ничтожества и тьмы !...

ЧЕТЫРЕ НАЦІИ.

1.

Британскій лордъ
Свободой гордъ ;
Онъ гражданинъ,
Онъ вѣрный сынъ
Своей земли.
Ни короли,
Ни проискъ папъ
Изподтишка
Не двинуть лапъ
На смѣлчака :
Онъ носитъ мечь,
Чтобъ когти сѣчь.

2.

Французъ—дитя,
Онъ всѣмъ, шутя,
Готовъ играть :
Разрушить тронъ,

Издать законъ.
Самолюбивъ,
Нетерпѣливъ,
Онъ быстръ, какъ взоръ,
И пустъ, какъ вздоръ;
И удивитъ,
И насмѣшитъ.

3.

Германецъ смѣлъ,
Но переспѣлъ
Въ котлѣ ума,
И онъ чума
Сосѣднихъ странъ.
Мертвецки пьянъ
Самъ въ кабакѣ,
Носъ въ табакѣ.
Хоть пять вѣковъ
Сидѣть готовъ
Надъ парой словъ
Халдейскихъ числъ,
Которыхъ смыслъ
Не могъ понять
И радъ ругать
Отца и мать.

4.

Въ Россіи чтутъ
Паря и кнутъ.
Тамъ царь съ кнутомъ,
Что попъ съ крестомъ;

Онъ имъ и ѣстъ
Во всякъ присѣстъ,
Онъ имъ и пьетъ
Во всякъ походъ.
А Русаки,
Какъ дураки,
Разинувъ ротъ,
На весь народъ
Кричатъ : ура!
Насъ бить пора!
За то и бьютъ,
Не устаютъ,
Ихъ какъословъ,
Безъ дальныхъ словъ,
И ночь и день,
Пока не лѣнь!
Что сѣна клокъ,
То вилы въ бокъ.
А безъ побой
Вся Русь хоть вой,
И упадетъ!
И пропадетъ,

СТИХОТВОРЕНІЯ · ЯЗЫКОВА.

Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ мірское наслажденье,
Гдѣ улыбается мнѣ нѣжно пѣснопѣнье,
Гдѣ нѣмецъ поселилъ свой просвѣщенный вкусъ,
Гдѣ попъ и государь не оковали музъ,
Гдѣ вовсе не видать позора чести русской,
Гдѣ докторъ и студентъ обѣдаютъ закуской,
Желудокъ пріучивъ за книгами говѣть,
Гдѣ часто, не любя всегда благоговѣть
Передъ законами желѣза и державы,
Младой воспитанникъ науки и забавы,
Бродя въ ночной тиши, торжественно поетъ
И вольность и покой,—которыми живетъ,—
Ты первый подалъ мнѣ пріятельскую руку,
Внималъ моихъ стиховъ студенческому звуку,
Дѣлилъ со мной мечты надежды золотой
И въ просвѣщеніи мнѣ былъ примѣръ живой;
Ты удивилъ меня: ты и богатъ и знатенъ,
А вовсе не дуракъ, не подлъ и не развратенъ!
Порода—первый чинъ въ отечествѣ твоемъ
Тебѣ позволила-бъ остаться и глупцомъ:
Она дала тебѣ вельможеское право

По царски вѣкъ прожить, не занимаясь славой,
На лонѣ роскоши для одного себя;
Или, занятія державныхъ полюбя,
Стѣснивши юный станъ ливреею тирана,
Ходить и дѣйствовать по звуку барабана,
И мыслить, какъ велить—разсудка не спросясь—
Иль не великій царь или великій князь,
Которымъ у людей отеческаго края
По сердцу лишь ружье да голова пустая;
Ты могъ бы, съ двадцать лѣтъ помучивши солдатъ
Блистать и мишурой воинственныхъ наградъ,
И даже азбуки не зная просвѣщенья,
Потомъ принять бразды верховнаго правленья,
Которыхъ на Руси, какъ почтовыхъ коней,
Скорѣе тѣмъ дають, кто чаще бьетъ людей.
Но ты, не вѣруя неправедному праву
Очами не раба взираешь на державу,
Ты мыслишь, что однѣ-бъ достоинства должны
Давать не только скиптръ, но самые чины,
Что нѣкогда наукъ животворящій геній—
Отецъ народныхъ благъ и царскихъ огорченій —
Поставитъ, разумомъ обезоруживъ тронъ,
Подъ наши небеса свой истинный законъ...
Мы вмѣстѣ, милый мой, о родинѣ судили
Царя и русское правительство бранили—
И дни веселые мелькали предо мной.
Но вотъ—тебя судьба зоветъ на путь иной
И скоро будутъ мнѣ, въ тиши уединенья,
Отрадою однѣ былыя наслажденья.
Дай руку! Да тебѣ на поприщѣ суетъ

Не встрѣтится ударъ обыкновенныхъ бѣдъ;
А я—останусь здѣсь—и въ тишинѣ свободной,
Научится летать мой геній благородной,
Научится Боговъ высокимъ языкомъ
Презрительно шутить надъ знатью и царемъ;
Неуважающій дурачествъ и въ коронѣ
Онъ вѣрно ихъ найдетъ близь трона и на тронѣ!
Пускай пугливаго тиранства приговоръ
Готовитъ мнѣ въ удѣлъ изгнанія позоръ
За смѣлые стихи, внушенные поэту
Дѣлами низкими и вредными полсвѣту;
Я не унижуся не рабскою душой
Передъ могущею—но глупою рукой.
Служитель алтарей богини вдохновенья
Умѣетъ презирать неправыя гоненья—
И всѣ усилія цензуры и поповъ
Не сильны истребить возвышенныхъ стиховъ.
Прошли тѣ времена—какъ вѣрила Россія,
Что головы царей не могутъ быть пустыя
И будто создала благая длань творца
Пародa тысячи—для одного глупца;
У насъ свободный умъ, у насъ другіе нравы.
Поэзія не льститъ правительству безъ славы,
Для насъ законъ царя—не есть законъ судьбы;
Прошли тѣ времена—и мы ужъ не рабы!

2 Октября 1823.

***

Свободы гордой вдохновенье
Тебя не чувствуетъ народъ,
Оно молчитъ святое мщенье
И на царя не возстаетъ.
Предъ адскимъ игомъ самовластья
Покорны вѣчному ярму,
Сердца не чувствуютъ несчастья,
И умъ не вѣруетъ ему.
Я видѣлъ рабскую Россію
Передъ святыней алтаря,
Гремя цѣпьми, склонивши выю,
Она молилась за царя!

1824.

ЭЛЕГІЯ.

Еще молчитъ гроза народа,
Еще окованъ русскій умъ,
И угнетенная свобода
Таитъ порывы свѣтлыхъ думъ.
О! долго цѣпи вѣковыя
Съ раменъ отчизны не падутъ,
Столѣтья грозно протекутъ
И не пробудится Россія!

***

Кому достанется она,
Нерукотворная Марія?
Она для нѣги рождена:
Глаза, какъ небо, голубые,
И мягкость розовыхъ ланитъ,
И все—готовое для счастья—
Въ ней соблазнительно манитъ
Живую жажду сладострастья!
Блаженъ, кто первый обойметъ
Ея красы на ложѣ ночи,
Её прижметъ, еще прижметъ,
И задрожавъ закроетъ очи.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО.

1.

РУССКІЙ БОГЪ.

Богъ ухабовъ, Богъ мятелей,
Богъ проселочныхъ дорогъ,
Богъ ночлеговъ безъ постелей,
Вотъ онъ, вотъ онъ, русскій Богъ.

Богъ холодныхъ, Богъ голодныхъ,
Нищихъ вдоль и поперегъ,
Богъ имѣній бездоходныхъ,—
Вотъ онъ, вотъ онъ, русскій Богъ.

Богъ пришельцевъ, иноземцевъ,
Перешедшихъ нашъ порогъ,
Богъ въ особенности Нѣмцевъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ, русскій Богъ.

Богъ всѣхъ съ Анною на шеѣ,
Богъ лакеевъ безъ сапогъ,
Баръ служащихъ какъ лакеи,
Вотъ онъ, вотъ онъ, русскій Богъ.

Къ глупымъ полонъ благодати,
Къ умнымъ черезъ мѣру строгъ,
Богъ всего что есть не кстати,—
Вотъ онъ, вотъ онъ, русскій Богъ.

2.

Сравненіе

Петербурга съ Москвой.

У васъ Нева,
У насъ Москва.
У васъ Княжнинъ,
У насъ Ильинъ.
У васъ Хвостовъ,
У насъ Шатровъ.
У васъ плутамъ,
У васъ глупцамъ,
Больнымъ бл...мъ,
Дурнымъ стихамъ
И счету нѣтъ.
Боюсь и здѣсь
Не лучше смѣсь:
Здѣсь воръ въ звѣздѣ,
Монахъ въ п..дѣ,
Оселъ въ судѣ,
Дуракъ вездѣ.

У васъ совѣтъ,
Его здѣсь нѣтъ—
Согласенъ въ томъ;
Но жёлтый домъ
У насъ здѣсь есть.
Въ чахоткѣ честь,
А съ брюхомъ лесть—
Какъ на Невѣ,
Такъ и въ Москвѣ.
Мужей въ рогахъ,
Дѣвицъ въ родахъ,
Мужчинъ въ чепцахъ,
А бабъ въ портках—
Найдешь у васъ,
Какъ и у насъ,
Не пяля глазъ.
У васъ авось—
Россіи ось—
Крутитъ, вертитъ,
А кучеръ спитъ.

КОНЬ.

(БАСНЯ И. КРЫЛОВА).

У одного наѣздника лихаго
Былъ конь, какого
И въ табунахъ степныхъ на рѣдкость поискать.
Какая стать,
И ростъ и быстрота и сила,
Какъ щедро всѣмъ его природа надѣлила!
Какъ онъ прекрасенъ былъ съ наѣзникомъ въ [бояхъ,
И смѣло въ пропасть шелъ и выносилъ въ горахъ!
Но съ смертью сѣдока, достался онъ другому
Наѣзднику, да на бѣду, плохому.
Тотъ приказалъ его въ конюшню свесть
И тамъ на привязи, и спать, и пить, и ѣсть;
А за отличіе, за службу удалую,
Вѣкъ не снимать уздечку золотую.
Вотъ годы цѣлые, безъ дѣла конь стоитъ,
Хозяинъ на него любуется, глядитъ,
А сѣсть боится,
Чтобъ не свалиться.

Межъ тѣмъ конь старится; потухъ огонь въ [глазахъ,
И спалъ онъ съ тѣла.
Да какъ, вскормленному въ бояхъ,
Не похудѣть безъ дѣла!...
Коня всѣмъ жаль—и конюхи простые
И сѣдоки лихіе
Между собою говорятъ:
"Ну кто-бъ коню такому не былъ радъ,
Когда-бъ другому онъ достался"?
Да, конь хорошъ,—въ томъ и хозяинъ сознавался,
Да для него вотъ то бѣда,
Что конь въ возу не ходитъ никогда.
И въ правду, есть ужъ кони отъ природы
Такой породы:
Скорѣй его убьешь,
Чѣмъ запряжешь.

ДАМЪ, ПРИ ОТЪѢЗДѢ НА ВОЙНУ 1826 ГОДА.

Мы несемъ едино бремя,
Только жребій нашъ иной:
Вы—назначены на племя,
Я—назначенъ на убой.

БОГОМОЛКА.

Кто знаетъ нашу богомолку,
Тотъ съ ней узналъ наединѣ,
Что взоръ плутовки втихомолку,
Поетъ акаѳистъ сатанѣ.
Какъ сладко съ ней играть глазами,
Ницъ падая передъ крестомъ,
И окаянными устами,
Перерывать ея псаломъ!
О, какъ люблю ея ворчанье!
На языкѣ ея всегда
Отказъ скрываетъ обѣщанье,
Нѣтъ, на словахъ,—на дѣлѣ *да*.
И грѣшница, всегда сначала
Она завопитъ горячо:
"О, варваръ! извергъ! я пропала!"
А послѣ: "милый другъ, ещё!"

ГОЛОВА И НОГИ.

(БАСНЯ.)

Уставши бѣгать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гнѣвно
Разговорились съ головой:
"За что мы у тебя подъ властію такой,
Что цѣлый вѣкъ должны повиноваться?
Днемъ, ночью, осенью, весной,
Лишь только вздумалось тебѣ—изволь бѣжать,
[таскаться
Туда-сюда, куда велишь,
И къ этому еще, опутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты насъ, какъ ссылочныхъ невольниковъ,
[моришь
И сидя на верху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свѣтѣ, о людяхъ, о модѣ,
О тихой, иль дурной погодѣ;
Частенько, на нашъ счетъ, себя ты веселишь

Насмѣшкой, колкими словами,—
Ну, словомъ, бѣдными Ногами,
Какъ шашками вертишь!"
—"Молчите дерзкіе!"—имъ Голова сказала:—
"Иль силою я васъ заставлю замолчать.
Вы знаете, меня создала
Природа выше васъ... Зачѣмъ?—Повелѣвать!"
"Ну, очень хорошо, ты-бъ пусть повелѣвала,
По крайней мѣрѣ насъ повсюду-бъ не совала,
А прихотямъ твоимъ вѣдь трудно угодить,
Да, между нами вѣдь признаться,
Какъ нами право ты имѣешь управлять,
Такъ мы имѣемъ право также—спотыкаться
И можемъ также вѣдь, споткнувшись какъ
[нибудь,
Величество твое на камень сильно ткнуть."
Смыслъ этой басни всякій знаетъ,
Но, тсъ!... Молчать!... Дуракъ, кто все болтаетъ.

ЦАПЛИ

(Баратынскаго).

Жилъ, да былъ пѣтухъ индѣйскій,
Цаплѣ руку предложилъ,
При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ.
Онъ молилъ дѣтей какъ дара,
И услышалъ Саваоѳъ;
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣтуховъ.
Цапли выросли, отстали
Отъ младенческихъ годовъ,—
Длинны, очень длинны стали
И глядятъ на куликовъ.
Вотъ пришла отцу забота
Цаплей замужъ отдавать;
Онъ за каждой три болота
При замужствѣ хочетъ дать;
Но комужъ придетъ охота
Цаплю замужъ себѣ взять?
Цапли чахли, цапли сохли;
Наконецъ, скажу вздохнувъ,
На болотѣ передохли,
Носикъ въ перья завернувъ.

ПОДРАЖАНІЕ БЕРАНЖЕ

(Барона Дельвига).

Однажды богъ, возставъ отъ сна,
Курилъ сигару у окна
И чтобъ заняться чѣмъ отъ скуки,
Трубу взялъ въ творческія руки;
Глядитъ и видитъ вдалекѣ
Земля вертится въ уголкѣ.
"Чтобъ для нее я двинулъ ногу,
Чортъ побери меня, ей богу!"

***

"О человѣки всѣхъ цвѣтовъ!"
Сказалъ, зѣвая, Саваоѳъ:
"Мнѣ самому смотрѣть забавно,
Какъ вами управляю славно.
Но бѣситъ лишь меня одно,
Я далъ вамъ дѣвокъ и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите другъ друга въ шеи
И славите потомъ меня
Подъ громъ картечнаго огня.

Я не люблю войны тревогу,
Чортъ побери меня, ей богу!
Межъ вами карлики-цари
Себѣ воздвигли алтари
И думаютъ они, буффоны,
Что я надѣлъ на нихъ короны
И право далъ душить людей.
Я въ томъ не виноватъ, ей, ей!
Но я уйму ихъ понемногу,
Чортъ побери меня, ей богу!

***

Попы мнѣ честь воздать хотятъ,
Мнѣ ладанъ подъ носомъ курятъ,
Страшатъ васъ свѣто-преставленьемъ
И ада грознаго мученьемъ.
Не слушайте вы ихъ вранья,
Отецъ всѣмъ добрымъ дѣтямъ я,
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь...
Но съ вами я заговорюсь...
Прощайте! Гладкаго* боюсь!
Коль въ рай ему я дамъ дорогу,
Чортъ побери меня, ей богу."

* С. Петербургскій оберъ-полицмейстеръ.

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ БРАКЪ

(гр. Ростопчиной).

СТАРЫЙ БАРОНЪ.

Сбирайтесь слуги и вассалы
На кроткій господина зовъ,
Судите, не боясь опалы,
Я правду выслушать готовъ.
Судите споръ, вамъ всѣмъ знакомый,
Хотя могучъ и славенъ я,
Хотя всесильнымъ чтутъ меня,
Не властенъ у себя я дома:
Всё непокорна мнѣ она,
Моя мятежная жена...
Её я призрѣлъ сиротою
И разоренной взялъ её,
И далъ, съ державною рукою,
Ей покровительство мое;
Одѣлъ её парчей и златомъ,
Несмѣтной стражей окружилъ
И врагъ её чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ...

Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.
Я знаю, жалобой, навѣтомъ,
Она вездѣ меня клеймитъ;
Я знаю, передъ цѣлымъ свѣтомъ,
Она клянетъ мой кровъ и щитъ
И косо смотритъ изъ подлобья,
И повторяя клятвы ложь,
Готовитъ козни, точитъ ножъ,
Вздуваетъ огнь междоусобья,
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена!
И торжествуя и довольны,
Враги мои на насъ глядятъ,
И дразнятъ гнѣвъ ея крамольный,
И суетной гордынѣ льстятъ.
Совѣтъ мнѣ дайте благотворный,
Судите, кто межъ нами правъ?
Языкъ мой строгъ, но не лукавъ...
Теперь внемлите непокорной,
Пусть защищается она,
Мнѣ непокорная жена!

ЖЕНА.

Раба-ли я, или подруга,
То знаетъ богъ... я-ль избрала
Себѣ жестокаго супруга,
Сама-ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я...

Но побѣдилъ, плѣнилъ меня,
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый;
Я предана... я продана,
Я узница, а не жена.
Напрасно иго роковое
Властитель мнитъ озолотить,
Напрасно мщенье мнѣ святое
Въ любовь, онъ хочетъ превратить.
Не нужны мнѣ его щедроты,
Его я стражи не хочу!
Сама сторонних научу
Платить мнѣ мирно долгъ почета;
Лишь имъ однимъ унижена,
Я врагъ ему, а не жена.
Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ.
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Старинным именемъ моимъ
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться;
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена.
Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье,
Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ;
Меня-же предалъ притѣсненью
Рабовъ, лазутчиковъ своихъ.
Позоръ, гоненье и неволю
Мнѣ въ брачный даръ приноситъ онъ,

И мнѣ-ли роптъ запрещенъ?
Еще-ль терпя такую долю,
Таить отъ всѣхъ её должна
Насильно взятая жена?*

* Это стихотвореніе было напечатано, цензура не догадалась сначала, что "Насильственный бракъ" превосходно представилъ Николая и Польшу, потомъ спохватилась и "Старый баронъ" выслалъ изъ Петербурга автора ихъ.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

(М. Лермонтова).

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ,
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта,
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,
И жалкій лепетъ состраданья?
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ,
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ!...
Чтожъ?—Веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ,

Угасъ, какъ свѣточъ дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ! . . .
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ.*
Пустое сердце бьется ровно
Въ рукѣ не дрогнулъ пистолетъ.
И что за диво! Издалека,
Подобный сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь онъ дерзко презиралъ
Чужой земли языкъ и нравы;
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что́ онъ руку поднималъ!
И онъ погибъ, и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,†
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
За чѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы [простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и [душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей,
За чѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ [безбожнымъ,
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей?

* Варіантъ: "Навелъ ударъ, надежды нѣтъ,"

† Варіантъ: "Воспѣтый имъ съ такою страстной силой."

И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнокъ
[терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него,
И иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ
[невѣждъ
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать.
А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ,
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи,
Таитесь вы подъ сѣнію закона
Предъ вами судъ, и правда—все молчи,
Но есть и божій судъ, наперстники разврата,
Есть грозный судъ, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата
И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Напрасно вы тогда прибѣгнете къ злословью,
Оно вамъ не поможетъ вновь
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

СТИХОТВОРЕНІЯ ХОМЯКОВА.

1831 ГОДЪ.

Внимайте, голосъ истребленья
За громомъ громъ, за крикомъ крикъ,
То звуки дальняго сраженья,
Къ нимъ слухъ воинственный привыкъ.
Вотъ ружей звонкіе раскаты,
Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ,
Вотъ натискъ конницы крылатой,
Вотъ пушекъ ревъ на высотахъ—
И кликъ торжествъ, мнѣ кликъ знакомый
И смерти стонъ, мнѣ плачь родной—
О замолчите битвы громы,
Остановись кровавый бой!
Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья—
Одноплеменниковъ раздоръ

И перешедшій въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ;
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неизцѣлимыхъ ранъ!
И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ,
Онъ видитъ..... горъ надъ всей вселенной
До свода синяго небесъ
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
По мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ сѣвѣрнымъ орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей;
И будущихъ Бояновъ струны
Поютъ согласье и покой.

***

Гаснетъ мѣсяцъ Истамбула,
Всходитъ солнышко свѣтло,
У Маджаръ и Турка злаго
Никнетъ гордое чело.
Спишь ли ты нашъ Королевичъ,
Посмотри на твой народъ,
Разходился словно волны
Что ломаютъ вешній ледъ!
Спишь ли ты нашъ Королевичъ,
Погляди-ка въ чьихъ рукахъ
Блéщутъ копья и пищали
На Дунайскихъ берегахъ.
Слушай! трубы загремѣли,
Бьётъ въ раскатахъ барабанъ,
Бѣлы свиты, черны шапки
Степь укрыли какъ туманъ.
Просыпайся Королевичъ!
Знать великій день насталъ,
У твоей могилы темной
Богатырскій конь заржалъ.....

ПРЕДАНІЕ.

Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ;
То древній гласъ, то свыше гласъ:
"Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ.....
"Свершится онъ—и грянетъ часъ!".....
И своды древнія Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь.....
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ Всеславянскій царь.

ИДИЛЛІЯ.

[Поющія лица : Сибрахъ, Мисахъ, Авдиная, Данінлъ. Сцена : гора подлѣ Вавилона, внизу скотный дворъ, гдѣ пасется царь Навуходоносоръ :]

Пойте други пѣснь побѣды,
Пойте : снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды
Закипитъ духовный трудъ.
Вавилона царь суровый
Былъ богатъ и былъ силенъ,
Въ неразрывныя оковы
Заковалъ онъ нашъ Сіонъ.
Милость Бога забывая,
Говорилъ онъ : все творятъ,—
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взлядъ.
Онъ губилъ, ожесточенный,
Наши вѣчныя права :
Слово, Божій даръ священный,
Разумъ, лучь отъ Божества.
Надъ равниною Деира
Онъ воздвигъ себѣ кумиръ

И у ногъ того кумира
Пировалъ безбожный пиръ.
Но отмстилъ ему Іегова:
Казнью жизнь ему сама;
Бродитъ нѣмъ гонитель слова
Травы щиплетъ врагъ ума.
Пойте други пѣснь побѣды
Пойте: снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ духовный трудъ.
Какъ работникъ подъяремный
Безсловесный, глупый волъ,
Не глядя на міръ надземный
Онъ обходитъ злачный долъ.
Ты скажи намъ царь надменный!
Живъ ли мстящій за Сіонъ?
Но покайся, но смиренно
Полюби его законъ,
Духъ свободы, святость слова,
Святость мысленныхъ даровъ,
И проститъ тебя Іегова
Отъ невидимыхъ оковъ.
Снова на престолъ великій
Возведетъ тебя царёмъ,
И земный вѣнецъ Владыки
Осѣнитъ своимъ вѣнцомъ.
Пойте: други пѣснь побѣды,
Пойте: снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды
Закипитъ духовный трудъ.

***

Вставайте, оковы распались,
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужъ Нилъ и Диванъ взволновались
Проснулась Сирійская степь.
Вставайте Славянскіе братья,
Болгары и Сербъ и Хорватъ,
Скорѣе другъ къ другу въ объятья
Скорѣй за отцовскій булатъ.
Скажите: "намъ въ старые годы
"Въ наслѣдство Господь даровалъ
"И степи и быстрыя воды,
"И лѣсъ и ущелія скалъ!"
Скажите: "мы люди свободны,
"Да будетъ свободна земля,
"И горы и глуби подводны
"И долы, и лѣсъ и поля.
"Мы вольны, мы къ битвѣ готовы
"И подвигъ нашъ честенъ и святъ,
"Намъ Богъ разрываетъ оковы,
"Намъ Богъ закаляетъ булатъ!"

Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ,
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный, утренній часъ!
Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!
Вскипите-жъ славянскія волны,
Проснитеся гнѣзды орловъ!

***

Не гордись передъ Бѣлградомъ
Прага, чешскихъ странъ глава,
Не гордись предъ Вышеградомъ
Златоверхая Москва!
Вспомнимъ—мы родные братья,
Дѣти матери одной,
Братьямъ—братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!
Не гордися силой длани,
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ,
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ.
Испытанью время строго,
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь,
Много милости у Бога,
Безъ границъ его любовь.
Пронесется мракъ ненастный,
И ожиданный давно,
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно.
Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ побѣдный строй
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной.

***

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую,
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай страна моя родная
За братьевъ. Богъ тебя зоветъ,
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная,
Туда, гдѣ землю огибая
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни : быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело,
Своихъ рабовъ онъ судитъ строго,
А на тебѣ, увы , какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло.

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

О недостойная избранья
Ты избрана. . . Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой.

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли.

И встань потомъ вѣрна призванью
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчь,
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечемъ—то Божій мечь.

1854.

СУДЪ БОЖІЙ.

Гласъ Божій : сбирайтесь на праведный судъ,
Сбирайтесь къ Востоку народы !
И слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,
Спѣшатъ черезъ бурныя воды.
Спѣшатъ и кровавый предчувствуя споръ,
Смятенья, волненія полны,
Сбираются,—грозный гремящій соборъ
На Черное море, на синій Босфоръ;
И ропщутъ и пѣнятся волны.
Чреваты громами, крылаты огнемъ
Несутся суда, и надъ ними
Двуглавый орелъ съ одноглавымъ орломъ
И скачущій левъ съ однорогимъ конемъ
И флагъ подъ звѣздами ночными.
Гласъ Божій : "сбирайтесь отъ дальнихъ сторонъ !
Великое время приспѣло
Для тризны кровавой большихъ похоронъ !
Мой судъ совершится ; мой часъ положенъ ;
Въ сраженье бросайтеся смѣло.

***

Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Цѣлый міръ кругомъ храпитъ,
А отъ думъ неугомонныхъ
Вашъ тревожный умъ не спитъ,
Бродитъ, ищетъ, рѣчь заводитъ
Съ тѣмъ, съ другимъ—все пользы нѣтъ,
Тотъ глазами чуть поводитъ,
Тотъ сквозь сонъ кивнетъ въ отвѣтъ.
Вотъ, оставивъ братьевъ спящихъ,
Вы ведете въ тьмѣ ночной,
Не смыкая вѣждъ горящихъ,
Думу долгую съ собой.
И надумались,—и снова
Мысли бурно закипятъ;
Будите того, другаго—
Всѣ кивають, да молчатъ.
Вы волнуетесь, горите;
Въ сердцѣ горечь, въ слухѣ звонъ,
А кругомъ-то, посмотрите,
Какъ отраденъ мирный сонъ.
Жаль мнѣ васъ людей безсонныхъ!
Ужъ не лучше-ль вамъ заснуть
И отъ думъ неугомонныхъ,
Хоть на время отдохнуть.

ПОДВОДНЫЙ ГОРОДЪ.

Море воетъ, море стонетъ,
Чуть поднимется волна,
Чуть пологій берегъ тронетъ,
Съ стономъ прочь бѣжитъ она.

Море плачетъ. Брегъ песчаный
Одинокъ, печаленъ, дикъ;
Тускло небо; сквозь туманы
Всходитъ блѣденъ солнца ликъ.

Молча на воду спускаетъ
Лодку ветхую рыбакъ,
Молча сѣти разставляетъ
Мальчикъ, глядя въ дальній мракъ.

И задумался онъ, глядя,
И взяла его тоска
"Что такъ море стонетъ, дядя?"
Онъ спросилъ у рыбака.

"Видишь шпиль? Какъ насъ въ погодку
Закачало съ годъ тому,
Помнишь ты, какъ нашу лодку
Привязали мы къ нему?

Тутъ былъ городъ всѣмъ привольный
И надъ всѣми господинъ;
Нынче шпиль отъ колокольни
Виденъ изъ моря одинъ.

Городъ, слышно, былъ богатый
И нарядный, какъ женихъ;
Да себѣ ковалъ онъ злато,
А желѣзо для другихъ.

Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ,
Но какъ съ Богомъ онъ ни спорилъ
Богъ его перемудрилъ.

Въ наше море въ стары годы,
Говорятъ, текла рѣка,
И сперла гранитомъ воды
Богатырская рука.

Но подула буря съ моря,
И назадъ пошла ихъ рать,
Волнъ морскихъ не переспоря,
Человѣку вымещать.

Все за то, что прочихъ братій
Братъ богатый позабылъ;
Ни молитвъ ихъ, ни проклятій
Онъ не слушалъ, ѣлъ да пилъ.

Оттого-то море стонетъ;
Чуть поднимется волна,
Чуть пологій берегъ тронетъ,
Съ стономъ прочь бѣжитъ она."

Мальчикъ слушалъ, робко глядя,
Страшно дѣлалось ему :
“ А какое имя, дядя,
“ Было городу тому ?”

“—Имя было..... да чужое !
Позабытое давно !
Оттого, что не родное,
И непамятно оно.”

СТИХОТВОРЕНІЯ КОНСТАНТИНА АКСАКОВА.

МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(Немногимъ честнымъ, состоящимъ въ государственной службѣ.)

Въ странѣ бездушной, гдѣ законъ
Орудье лжи, гдѣ воздухъ смраденъ
И ядомъ злобы напоёнъ,
Одинъ лишь ты мнѣ былъ отраденъ,
Ты малочисленный союзъ
Людей безъ страха и безъ лести,
Себя добромъ взаимныхъ узъ
Скрѣпившихъ для добра и чести.
Досуга праздно не губя,
Вы чужды гордыхъ замышленій,
Вы не взложили на себя
Задачи цѣлыхъ поколѣній!
Скупой покорствуя судьбѣ,
Избравши путь не яркій съ виду,
Вы обрекли себя борьбѣ,
И слабыхъ внемлите мольбѣ,
И мстите бѣднаго обиду.

Я знаю : подвигъ вамъ сужденъ
Докучный, мелкій, ежедневный ;
Но сколько разъ прекраснѣй онъ
Печальной праздности душевной.
Безплоднымъ преданной мечтамъ !
А вы, средь козней и проклятій,
Все тотъ-же пылъ несли къ трудамъ...
Мужайтесь ! Силъ добудутъ вамъ
Благословенья бѣдныхъ братій.
Я знаю тѣсенъ вашъ удѣлъ,
Но пышенъ плодъ усилій дружныхъ :
Невинный въ битвѣ одолѣлъ,
Проснулась бодрость въ безоружныхъ !
И могъ обиженный, не разъ,
Извѣдать здѣсь, въ средѣ разврата,
Что встрѣтитъ въ каждомъ онъ изъ васъ,
На всякій день, на всякій часъ,
Въ дѣлахъ добра—слугу и брата !
Такъ пусть-же дремлетъ въ тишинѣ
Тоска несбыточныхъ мечтаній ;
За то безъ праздныхъ ожиданій,
Вы люди честные вполнѣ !
Такъ жизнь скупа, предѣлъ такъ кратокъ,
Надеждамъ пышнымъ не созрѣть,
И благо тѣмъ, кому безъ взятокъ,
Придется здѣсь, разовъ десятокъ,
Слезу невинныхъ отереть,
Вновь возвратить стѣсненнымъ грудямъ
Просторъ и воздухъ въ душной мглѣ !...
Такъ благо вамъ хорошимъ людямъ,
За ваше дѣло на землѣ !

***

Пусть гибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ направленъ былъ,
Терзалась мысль, трудилось слово,
Въ запасѣ много было силъ.
Слабѣйте-жъ силы, вы не нужны,
Усни ты духъ,—давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра.
Безплодны всѣ труды и рвенье,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безуменъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой,
Безумна честная отвага
Правдивой юности, и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней.
Такъ сокрушись души гордыня,
Въ борьбѣ неровной ты падешь!
Сплошнѣе льда стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь;
Она сильнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,

Но тратой дней и силъ напрасныхъ
Въ безбрежной пошлости людской.
О веселись, и насъ безумцевъ
Ученьемъ горкимъ испытуй,
Клейми прозваньемъ вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!
Слабѣйте-жъ силы вы не нужны,
Смирись о духъ—давно пора,
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ N.N.

Не тамъ гдѣ громко, многолюдно,
Гдѣ блещетъ блескъ и шумъ шумитъ,
Гдѣ такъ великолѣпно-чудно,
Гдѣ все незыблемымъ глядитъ,
Гдѣ горделиво тяготѣетъ
Полутора-столѣтній плѣнъ,
Не тамъ и не оттуда вѣетъ
Духъ новыхъ, будущихъ временъ!
То ночь горящая огнями,
При звукѣ непристойныхъ лиръ,
И солнца первыми лучами
Сей пышный постыдится пиръ.
Но тамъ гдѣ тихо слышно слово,
Гдѣ нѣтъ ни коней, ни мечей,
Тамъ возрастаетъ сѣмя ново,
Залогъ иныхъ грядущихъ дней;
Но тамъ, гдѣ ветхая лачуга,
Гдѣ честный обитаетъ трудъ,
Гдѣ сталь косы, серпа и плуга,
Гдѣ пѣсни старыя поютъ,
Куда не вкралася измѣна

И не вошли ея дары ;
Гдѣ только цѣпь чужаго плѣна,
А не богатство и пиры.
Оттуда духъ грядущей жизни
Возникнетъ, полный силъ младыхъ,
Подастъ свободу вновь отчизны,
И разорветъ оковы ихъ.
Среди насмѣшки и сомнѣнья
Благое дѣло возстаетъ,
И поколѣнье поколѣнью
Свой славный трудъ передаетъ.
И чувство въ насъ проснулось снова,
И древній голосъ слышенъ вновь,
Произнеслось живое слово ;
Измѣну побѣдитъ любовь.
Спадаетъ съ каждымъ часомъ болѣ
Съ очей густая пелена,
И богатырь выходитъ въ поле,
Отъ долгаго очнувшись сна.
И жизнь и трудъ и умъ народа
Стрясаютъ цѣпь и долгій плѣнъ
И улыбается свобода
Былыхъ, но памятныхъ временъ.
Быть можетъ время не далече,
Когда принявъ свой мощный видъ,
Какъ море заколеблясь, вѣче
Заговоритъ и зашумитъ.
И ты-ль предъ добрымъ начинаньемъ,
Боясь насмѣшки и труда,
Пребудешь чуждый ожиданьямъ,

Теряя юные года?
Не бойся полюбить сверхъ мѣры ;
Ты молодъ, надо не робѣть,
Принять и трудъ, и силу вѣры
И въ добромъ дѣлѣ не слабѣть !

. . . . . .
. . . . . .

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Великій геній, мужъ кровавый!
Вдали, на рубежѣ родномъ,
Стоишь ты въ блескѣ страшной славы
Съ окровавленнымъ топоромъ.
Съ великой мыслью просвѣщенья
Въ своей отчизнѣ ты возникъ
И страшныя подъялъ мученья,
И казни страшныя воздвигъ.
Во имя пользы и науки,
Добытой изъ страны чужой,
Не разъ твои могучи руки
Багрились кровію родной.
Ты думалъ, быстротою взора
Предупреждая времена,
Что кровью политыя скоро
Взойдутъ науки сѣмена.
И вкругъ она лилась обильно,
И воплямъ Руси не внемля,
Упорство ты сломилъ, о сильный!
И смолкла русская земля.

И по назначенному слѣду,
Куда ты ей сказалъ: "иди,"
Она пошла. Ты могъ побѣду
Торжествовать—но погоди!
Ты много снесъ головъ стрѣлецкихъ,
Ты много крѣпкихъ рукъ сломилъ,
Сердецъ ты много молодецкихъ
Ударомъ смерти поразилъ!
Но въ часъ невзгоды удалися,
Скрывъ право вѣчное свое,
Народа духъ живетъ таися,
Храня родное бытіе.
И ждетъ онъ роковаго часа,
И вождѣленный, онъ придетъ,
И снова звукъ роднаго гласа
Народа волны соберетъ;
И снова вспыхнетъ взоръ отважный,
И вновь подымется рука
Порывъ младой и помыслъ важный
Взволнуютъ духъ, нѣмой пока.
Тогда къ желанному предѣлу
Борьба достигнетъ—и конецъ
Положитъ начатому дѣлу
Достойный, истинный вѣнецъ.
Могучій мужъ! желалъ ты блага,
Ты мысль великую питалъ,
Въ тебѣ и сила, и отвага,
И духъ высокій обиталъ;
Но истребляя зло въ отчизнѣ,
Ты всю отчизну оскорбилъ,

Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давилъ.
На благородный духъ, стремленье,
Не вызывалъ народъ ты свой,
Въ его не вѣрилъ убѣжденья
И весь закрылъ его собой.
Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ
Тобою презрѣна была,
И на твоемъ великомъ дѣлѣ
Печать проклятія легла.
Откинулъ ты Москву жестоко
И отъ народа ты вдали
Построилъ городъ одинокій,
Вы вмѣстѣ жить ужъ не могли.
Ты граду далъ свое названье,
Лишь о тебѣ гласитъ оно,
И (добровольное сознанье)
На чуждомъ языкѣ дано.
Настало время зла и горя,
И съ чужестранною толпой,
Твой градъ, торгующій у моря,
Сталъ Руси тяжкою бѣдой.
Онъ соки жизни истощаетъ,
Названный именемъ твоимъ,
Объ русской онъ землѣ не знаетъ
И духомъ движется чужимъ.
Грѣхъ Руси далъ тебѣ побѣду
И Русь ты смялъ; но не всегда
По твоему ей влечься слѣду
Путемъ блестящаго стыда.

Такъ, будетъ время, Русь возстанетъ,
Разгонитъ долголѣтній сонъ,
И на неправду грозно грянетъ—
Въ неправдѣ подвигъ твой свершенъ.
Народа духъ распуститъ крылья,
Измѣнниковъ обыметъ страхъ,
Гнѣздо и памятникъ насилья,
Твой градъ, разсыплется во прахъ.
Возстанетъ снова, послѣ бою,
Опять оправданный народъ,
Съ освобожденною Москвою
И жизнь свободный приметъ ходъ.
Все отпадетъ, что было лживо,
Любовь всѣ узы сокрушитъ,
Отчизна зацвѣтетъ счастливо
И твой народъ тебя проститъ.

ОТВѢТЪ АКСАКОВУ

НА СТИХОТВОРЕНІЕ: "ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ."

(ДМИТРІЕВА).

Священной памяти владыки
Да не касается укоръ!
Съ своей отчизны снялъ Великій
Застоя вѣчнаго позоръ.

Но освѣтя ее наукой,
Ея онъ жизни не давилъ;
Ему князь Яковъ Долгорукій
Безъ страха правду говорилъ.

Пусть, ненавидя зло былое,
Себѣ избралъ онъ путь иной;
Но отвергая отжилое,
Странѣ своей онъ былъ родной.

Но въ разрушеньи созидая,
Онъ велъ насъ къ благу одному
И завѣщалъ онъ, умирая,
Свой подвигъ дому своему.

Его-ль вина, что завѣщанье
Не въ силу мудраго сынамъ
И тяжела, какъ наказанье,
Ихъ власть покорнымъ племенамъ.

Что своротя съ дороги правой,
И отрѣкаясь отъ добра,
Они прикрылися лукаво
Великимъ именемъ Петра.

И сталъ имъ чуждъ народъ имъ данный,
Они ему закрыли слухъ,
Ни русскій въ нихъ, ни чужестранный,
Ни новый, ни старинный духъ.

О нѣтъ! упадшая глубоко,
Родная наша сторона
Духъ раболѣпнаго Востока
Безмолвно зрѣть осуждена.

По пустъ дней нашихъ Вальтасары
Кончаютъ грѣшный пиръ, пока
Слова, исполненныя кары,
Напишетъ грозная рука.

ФОНАРИКИ

(Мятлева).

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мнѣ
Что видѣли, что слышали
Въ ночной вы тишинѣ?
Такъ чинно вы разставлены
По улицамъ у насъ,
Ночные караульщики,
Вашъ вѣрно зорокъ глазъ?

Вы видѣли-ль, примѣтили-ль
Какъ дѣвушка одна,
На цыпочкахъ, тихохонько
И робости полна,
Близь стѣнки пробирается,
Чтобъ друга увидать
И шопотомъ украдкою
"Люблю" ему сказать?

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль, какъ юноша
Нетерпѣливо ждетъ,
Какъ сердцемъ, взоромъ, мыслію
Красавицу зоветъ?
И вотъ они встрѣчаются—
И радость, и любовь—
И вотъ они назначали
Свиданье завтра вновь.

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль несчастную,
Убитую тоской,
Какъ будто тѣнь бродящую,
Какъ призракъ гробовой,
Ту женщину безумную . . .
Заплаканы глаза,
Ея всѣ жизни радости
Похитила гроза!

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль преступника,
Какъ въ горести нѣмой,
Отъ совѣсти убѣжища
Онъ ищетъ въ часъ ночной?

Вы видѣли-ль веселаго
Гуляку, въ сюртукѣ
Оборванномъ, запачканномъ,
Съ бутылкою въ рукѣ?

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль сироточку,
Прижавшись въ уголокъ,
Какъ проситъ у прохожаго,
Чтобъ бѣдной ей помогъ;
Какъ горемычной холодно,
Какъ страшно въ темнотѣ!
Ужель никто не сжалится,
И гибнуть сиротѣ?

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль мечтателя,
Поэта въ часъ ночной?
За рифмой своенравною,
Гоняясь какъ шальной,
Онъ хочетъ муку тайную
И неба благодать
Толпѣ, ему внимающей,
Звучнѣе передать?

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль
Того не говорятъ.

Быть можетъ не примѣтили?...
Да имъ и дѣла нѣтъ,
Горѣтъ имъ только велѣно,
Покуда будетъ свѣтъ.
Окутанный рогожею,
Фонарщикъ ихъ зажегъ,
Но чувства прозорливости
Имъ передать не могъ.

Фонарики, сударики,
Народъ все дѣловой!
Чиновники, сановники,
Все люди съ головой!

Они на то поставлены,
Чтобъ видѣлъ ихъ народъ,
Чтобъ величались, славились,
Но только безъ хлопотъ.
Имъ даже не приказано
Вокругъ себя смотрѣть;
Одна у нихъ обязанность:
Стоять тутъ и горѣть!...
Да и горѣть, покудова
Кто не задуетъ ихъ!...
Такъ что-жъ имъ и тревожиться
О горестяхъ людскихъ!

Фонарики, сударики,
Народъ все дѣловой!
Чиновники, сановники,
Все люди съ головой!

СТИХОТВОРЕНІЯ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ.

А. В. ШЕРЕМЕТЬЕВУ.

Насилу добрый геній твой,
Мой братъ по крови и по лѣни,
Увелъ тебя подъ кровь родной
Отъ всѣхъ маневровъ и ученій,
Казармъ, тревогъ и заточеній,
Отъ жизни мирно-боевой,
Въ кругу своихъ, въ халатѣ, дома
И съ службой согласивъ покой,
Ты праздный мечь повѣсилъ свой—
Въ саду героя-агронома!
Но что жь! ты могъ ли, на просторѣ,
Мечтѣ любимой измѣнить?
Ты знаешь другъ, что праздность горе,
Коль не съ кѣмъ намъ ее дѣлить.
Хоть лѣнь съ амуромъ часто въ спорѣ,
Но ихъ не трудно примирить.
Прими жъ мой дружескій совѣтъ—
Оракулъ говорилъ стихами
И убѣждалъ, бывало, свѣтъ—
Между московскими красами,
Найдти легко, сомнѣнья нѣтъ,
Красавицу въ семнадцать лѣтъ,
Съ умомъ, съ душою и съ душами.

Оставь на время плугъ Галстова
Забудь химеры и чины,
Женись—и въ полномъ смыслѣ слова,
Будь адьютантъ своей жены.
Тогда предамся вдохновенью,
Разбудитъ музу Гименей—
Моей пожертвую я лѣнью,
Лишь ты свою преодолѣй!

Мюнхенъ, Январь, 1823.

ПЕРЕЛОЖЕНІЕ 81 ПСАЛМА.

Возстанетъ Богъ и гласъ громовъ
Безстрашныхъ трепетать принудитъ,
Онъ снидетъ въ сонмъ земныхъ Боговъ
И каждаго дѣла разсудитъ!
Могучіе! сей близокъ часъ!
Ужъ пламенникъ любви погасъ,
Померкли міра дни златые,
Готовъ Архангелъ вострубить.
Страшитесь время пробудить
Глаголомъ правды души злыя.

Богъ ввѣрилъ вамъ судить людей,
Стеречь ихъ собственность, свободу;
А вы подъ лаврами царей
Врагами стали смертныхъ роду,—
Закономъ сдѣлавши обманъ,
Употребивши средствомъ санъ,
Поставивъ цѣлью самовластье
Осмѣлившись присвоить громъ,
Назвавшись міра Божествомъ,
И рушили вы смертныхъ счастье.

Пріявши власть добро творить,
Возможность защищать гонимыхъ,

Безъ страха правду говорить,
Не зрѣть на лицы подсудимыхъ,—
Вы все творите напротивъ!
И совѣсть лестью усыпивъ,
Среди утѣхъ, пировъ блестящихъ,
Не слышите стенящихъ вдовъ,
Поющихъ истину пѣвцовъ
И нищихъ, подъ окномъ просящихъ.

Вы боги! а несчастныхъ стонъ
Царю царей на васъ доноситъ;
Корыстью скованный законъ
Отмщенья вамъ всечасно проситъ;
Вы судіи а правду ложь,
Какъ жертвенный двуострый ножъ,
Нещадно рѣжетъ днемъ и ночью;
Вы стражи—и богатыхъ власть,
Презрѣвъ чужой семьи напасть,
Безсильныхъ давитъ тяжкой мощью.

Еще ли Бога не боясь
Хотите правду гнать напрасно;
Народнымъ жалобамъ смѣясь,
Судить подобныхъ самовластно
Законовъ разумъ превращать,
Суму у бѣдныхъ похищать,
Тѣснить защиты неимущихъ
Невинность безъ вины винить,
Лицепріятіе хранить,
Щадить разбойниковъ могущихъ?

Еще ли отъ насильныхъ рукъ
Гонимаго не защитите,
Вдовамъ не облегчите мукъ
Заслугамъ крова не дадите,
Еще ли обольстясь мечтой,
Для выгоды своей одной
Въ чужихъ слезахъ не взявъ участья,
Дерзнете рабство продолжить,
Рѣшитесь жертвовать, служить,
Какъ Богу, идоламъ пристрастья ?

Судьи ! услышьте правды гласъ !
Любимцы счастья—пробудитесь !
Вспомяните грозный, смертный часъ
И властью срочной не гордитесь !
Престаньте ближнихъ презирать,
Неправосудьемъ раздирать
Святую хартію Завѣта,
Исправьте злобныя сердца,
Покуда медлить гнѣвъ Творца,
И день не наступилъ отвѣта,

Судите такъ, какъ судитъ Богъ :
Преслѣдуйте однѣ дѣянья !
Богатъ ли кто, или убогъ—
Не различайте состоянья.
Подайте руку какъ друзьямъ
Рабамъ, священникамъ, князьямъ !
Любите всѣхъ, чтобъ васъ любили,
Чтобъ Богъ за зло не воздалъ зломъ,
Не осудилъ васъ тѣмъ судомъ,
Какимъ и вы другихъ судили.

Не внемлютъ и вотще пѣвецъ
Укорный голосъ посылаетъ,—
Жестокость каменныхъ сердецъ
Не чувствуетъ, не понимаетъ.
Ходя во тьмѣ пороковъ злыхъ,
Всѣ алчутъ почестей земныхъ,
Богатствъ, коронъ, боготворенья
Все также бѣдныхъ презрѣнъ стонъ
Оставленъ Богъ, забытъ законъ,
И нѣтъ злодѣйству исправленья!

Раздвиньтесь пропасти земли!
Чертоги сильныхъ потряситесь!
И всѣ, что злотворить могли,
Низриньтесь въ бездну и пожритесь!
Зря власть судей, я мыслить могъ,
Что каждой судія есть Богъ,
Что всѣ они безсмертны чада,
А вы!... подъ блестками вѣнцовъ,
Какъ и послѣдній изъ рабовъ.
Вы дѣти смерти, жертвы ада!

Возстань Богъ силъ! гряди судить
Судей, неправедно судящихъ!
Пора за правду отомстить,
Развѣять сонмы злотворящихъ!
Прерви, прерви терпѣнья срокъ!
Довольно царствовалъ порокъ,
Корысть свободой торговала,
Богатство притѣсняло честь,
Превозмогала правду лесть
И совѣсть долгъ свой забывала.

Подвигнись въ грозныхъ облакахъ,
Шумящимъ пламенемъ промчися,
Ревущей бури на крылахъ
Съ небесъ гремящихъ опустися!
И зло достойно наказавъ,
Возстанови любви уставъ,
Содѣлай всѣхъ людей друзьями,
Всѣ вѣры слей въ одинъ законъ,
Всѣмъ царствамъ дай единый тронъ,
И царствуй міра надъ царями.

ДЕКАБРИСТАМЪ.

Надъ вашей памятью кровавой
Теперь лежитъ молвы позоръ;
Надъ ней поэтъ, вѣнчанный славой,
Остановить не смѣетъ взоръ.

Вашъ врагъ могучій торжествуетъ,
Щадитъ его судьбы законъ,
Лишь власти страсть его волнуетъ,
И кажется незыбленъ тронъ.

Но вы погибли не напрасно:
Все что посѣяли, взойдетъ,
Чего желали вы такъ страстно,
Все, все исполнится, придетъ.

Иной возстанетъ грозный мститель,
Иной возстанетъ мощный родъ;
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющій народъ.

Въ побѣдный день, въ день славной тризны
Свершится роковая месть,—
И снова предъ лицемъ отчизны
Заблещетъ ярко ваша честь.

***

Не слышно шуму городскаго,
На невскихъ башняхъ тишина
И на штыкѣ у часоваго
Горитъ двурогая луна.

Но бѣдный юноша, ровесникъ
Младымъ, цвѣтущимъ деревамъ,
Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню,
Нередаетъ тоску волнамъ.

"Прости мой домъ, мой кровъ любезный,
Прости на вѣкъ моя семья;
Здѣсь за рѣшеткою желѣзной
Уже не свой вамъ больше я.

Прости отецъ, прости невѣста,
Сломись вѣнчальное кольцо;
Отнынѣ здѣсь мое ужъ мѣсто,
Не быть мнѣ мужемъ и отцемъ.

Сосваталъ я себѣ неволю,
Мой жребій—слезы и тоска;
И мнѣ сносить такую долю
Взяла сама моя рука.

Но есть надежда въ избавленьи
Своимъ бѣдамъ найти конецъ;
Но есть святое провидѣнье
И на Руси, Ты нашъ отецъ.

О, Русскій царь! въ твоей коронѣ
Есть драгоцѣннѣйшій алмазъ;
Онъ значитъ: милость есть на тронѣ.
О, Русскій царь, помилуй насъ!"

И ночь прошла; съ разсвѣтомъ яснымъ
За ней день новый возсіялъ;
А бѣдный узникъ въ казематѣ
Все туже пѣсню повторялъ.

Одичалый.

(А. Бестужеву).

Я прежде говорилъ: прости!
Въ надеждѣ радостныхъ свиданій,
Мечты вилися на пути
И съ ними рядъ воздушныхъ зданій.
Тамъ другъ привѣтливый манилъ,
Туда звала семья родная,
Изъ полной чаши радость пилъ,
Надежды свѣтлыя питая.
Теперь прости... Всему конецъ!
Зачѣмъ живу безъ наслажденій?
Ужель еще я человѣкъ?
Нѣтъ!... Да—для чувства лишь мученій,
Во мнѣ ли оттискъ божества?
Творецъ всѣхъ благъ! ужель ихъ два?...
Могуль его назваться сыномъ?...
Вотъ тамъ туманъ густой вдали
И буря тучами играетъ;
Вода одна и нѣтъ земли;
Маякъ пустынный угасаетъ!
Борьба стихій, тамъ вѣчный ледъ,
Пустыня въ сиротствѣ рыдаетъ!
И тамъ уму въ тюрьмѣ тюрьму
Придумалось устроить!
Тамъ пушекъ рядъ, тамъ ихъ снарядъ,
При каждомъ входѣ часовые;

Кругомъ шумитъ, кругомъ крутитъ
Борей власы свои сѣдые.
Куда пойти? Къ кому придти
Безъ вѣдома смотрящихъ?
И какъ найти къ роднымъ пути,
Гдѣ даже нѣтъ и проходящихъ!
Все это тамъ, друзья, для васъ
На небывалый совъ походитъ;
Все это здѣсь, друзья, для насъ!
И взоръ потухнувшій находитъ
Одни желѣза на дверяхъ,
Слѣды страданій на стѣнахъ,
Пространство нѣсколькихъ шаговъ.
Живой въ гробу, кляну судьбу
И день несчастнаго рожденья!
Вотъ тамъ волной земли густой
Кусокъ вода струей отмыла;
Тамъ глушь, полынь; тамъ лѣсъ густой,
И будетъ тамъ моя могила!
Ни чьей слезой прахъ бѣдный мой
Въ гробу гниломъ не оросится,
И на покой чужой рукой
Рѣсницъ чета соединится!
Кто любитъ—не придетъ туда!
Родной и другъ искать не будетъ
Ко мнѣ заросшаго слѣда,
Его могильщикъ позабудетъ...
Кукушка стонетъ, змѣй шипитъ,
Сова качается на ели,
Крылами нетопырь шумитъ:
Вотъ пѣснь кругомъ сырой могилы.

ПОСЛАНІЕ КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Завѣса пала! въ узахъ я!
Дойдутъ ли звуки изъ темницы
Отъ струнъ разстроенной цѣвницы,
До слуха вашего, друзья?
Быть можетъ вы, въ свободной долѣ,
Въ восторгахъ жизни молодой,
Забыли узника въ неволѣ,
Забыли тяжкій жребій мой!
Въ союзѣ съ вѣтреной надеждой,
Съ мечтой поэзіи живой,
Еще за чашей круговой,
Вы ждете жизни боевой,
И полны думою мятежной;
Еще на розовыхъ устахъ,
Въ объятьяхъ дѣвъ, какъ май прекрасныхъ,
И на роскошнѣйшихъ грудяхъ
Волшебницъ милыхъ, сладострастныхъ,
Вы рвете свѣжіе цвѣты
Цвѣтущей дѣвства красоты.
Еще средь пышнаго обѣда,
Гдѣ Вакхъ чрезъ край, вино вамъ льетъ,
Сей взоръ привѣтный Ганимеда
Вамъ чувства сладкой нѣги шлетъ.

Еще разцвѣтъ душистой розы
И сводъ лазуревыхъ небесъ
Для вашихъ взоровъ не исчезъ!
Вамъ чужды темныя угрозы,
Какъ мраморъ, хладнаго суда,
И не коснулась клевета
До вашихъ дѣлъ и жизни тайной,
И не дерзалъ еще порокъ
Съ усмѣшкой сдѣлать вамъ упрекъ
И потревожить духъ печальный;
Еще небесный воздухъ тамъ
Вамъ вѣетъ легкими крылами
И не гнететъ дыханья вамъ,
Какъ въ гробѣ смрадными парами;
Не будитъ васъ въ ночи глухой
Угрюмый окликъ часоваго,
Иль рѣзкій темпъ ружья стальнаго
При смѣнѣ стражи за стѣной.
И торжествующее мщенье,
Склонясь безсовѣстнымъ челомъ,
Еще убійственнымъ перомъ
Не пишетъ вамъ опредѣленья
Безвѣстной смерти подъ ножомъ,
Иль въ мрачныхъ сводахъ заточенья.
О, пусть благое провидѣнье
Отъ васъ отклонитъ бури громъ!
Онъ грянулъ грозно надо мною,
Но я отъ язвы лютыхъ стрѣлъ
Еще, друзья, не поблѣднѣлъ,
И предъ свирѣпою судьбою

Не преклонилъ раменъ съ главою.
Наёмной лжи, передъ судомъ,
Я слышалъ голосъ двуязычный—
Я презрѣлъ видъ ея двуличный.
Съ какимъ-то адскимъ торжествомъ,
Въ преступныхъ чувствахъ закоснѣлый,
Злодѣй, съ продажною душой,
Врагъ чести, съ совѣстью нѣмой,
Мнѣ дѣлалъ укоризны смѣло;
Съ улыбкой судъ ему внималъ,
Улыбкой наглость ободрялъ
И внесъ въ ужасныя страницы,
Слова наёмнаго убійцы.
Напрасно голосъ громовой
Мнѣ вѣрной чести боевой
Въ мою защиту отозвался—
Онъ съ вѣтромъ, въ воздухѣ терялся!
Напрасно небо я молилъ:
Казалось рокъ не истощилъ
Руки карающей удары...
И судъ, со вздохомъ алчной кары,
На жертву радостно взиралъ;
Чуждаясь правды обнаженной,
Онъ двухъ свидѣтелей искалъ—
Онъ ихъ нашелъ въ толпѣ презрѣнной!
Но я сослался на законъ,
Какъ на гранитъ народныхъ зданій:
"Въ устахъ царя—сказали—онъ,
Въ его самодержавной длани,
И слово буйное: "законъ"

Въ устахъ опредѣленной жертвы,
Есть дерзновенный звукъ и мертвый."
И такъ, исчезъ прелестный сонъ
И я открылъ со страхомъ вѣжды,
Еще искалъ моей надежды—
Её ужъ не было со мной
И я во мракъ упалъ душой.
Пловецъ, твой конченъ путь надъ бездной !
Мужайся—близокъ грозный часъ,
Онъ загремитъ въ дверяхъ цѣпями
И можетъ быть, въ послѣдній разъ,
Еще окинешь ты глазами
Луга, и горы, и лѣса
Надъ свѣтлою Невы струею
И Феба, золотой стезею,
Полетъ по яснымъ небесамъ
Надъ сердцу памятной страною,
Гдѣ ты свободою дышалъ
И къ жизни лучшей устремлялъ
Взоръ свѣтлый съ чистою душою.
Исчезнетъ всё, какъ въ вѣчность день !
Изъ милой родины изгнанный,
Средь черни дикой, своенравной,
Я буду жизнь влачить, какъ тѣнь,
Вдали отъ васъ, друзья, отъ свѣта,
Въ жильѣ тунгуса, иль бурята,
Гдѣ вѣчно царствуетъ зима,
И гдѣ природа какъ тюрьма ;
Гдѣ много жертвъ страстей и власти,
Какъ я, свои влачили дни,—

Гдѣ я погибну, какъ они,
Подъ ношей скорби и напасти,
Быть можетъ... о, молю душой
И силъ, и мужества отъ неба!
Уже судъ мрачнаго Эреба
Мнѣ жизнь, лютѣе смерти злой,
Готовитъ тамъ, гдѣ слышны звуки
Подземныхъ стоновъ и цѣпей
И вздохи безпрерывной муки,
Гдѣ тайно зоркій стражъ дверей
Свои отъ взоровъ кроетъ жертвы.
Полунагіе, полумертвы,
Безъ силъ, безъ памяти, безъ словъ,
Подъ адской ржавчиной оковъ
Сіи живущіе клевреты
Въ гнилой соломѣ тлѣютъ тамъ!
И не различны ихъ очамъ
Темницы мертвые предметы.
Но пусть счастливѣйшій пѣвецъ,
Любимецъ музъ и Аполлона,
Страстей высокихъ пылкій жрецъ,
Сей новый берегъ Ахерона,
Тѣней жилище, воспоетъ.
Сковала грудь мою, какъ лёдъ,
Уже темничная зараза;
Холодный узникъ отдаетъ
Тебѣ, сей лавръ, пѣвецъ Кавказа!
Грянь по струнамъ—и Аполлонъ,
Оставя берегъ Албіона,
Тебя, о юный Амфіонъ,

Украсить лаврами Байрона!
Оставь другимъ пѣвцамъ любовь,—
Любовь ли пѣть, гдѣ брызжетъ кровь,
Гдѣ племя чуждое, съ улыбкой,
Терзаетъ насъ кровавой пыткой,
Гдѣ слово, мысль, невольный взоръ,
Влекутъ, какъ явный заговоръ,
Какъ преступленіе, на плаху
И гдѣ народъ, подвластный страху,
Не смѣетъ шопотомъ роптать?
Пора друзья, пора возвать
Изъ мрака въ вѣкъ прошедшей славы,
Народовъ древнихъ вспомнить нравы
И тѣ священны времена,
Когда гремѣло наше вѣче
И сокрушало издалече
Царямъ кичливымъ рамена.
Когда-жъ дойдетъ до васъ, о други,
Сей голосъ потаенной муки,
Сей звукъ восторженной мечты?
Противъ враговъ и клеветы,
Я не прошу у васъ защиты:
Враги, презрѣніемъ убиты,
Изсохнутъ сами, какъ трава.
Скажите отъ меня Орлову,
Что я, судьбу свою сурову,
Съ терпѣньемъ мраморнымъ сносилъ,
Нигдѣ себѣ не измѣнилъ
И въ дни убійственные жизни,
Не мраченъ былъ, какъ и весной,

И даже мыслью и душой,
Отвергнулъ право укоризны.
Прощайте! Тамъ для васъ, друзья,
Горитъ денница на востокѣ
И отразилася заря
Въ шумящимъ кровію потокѣ.
Подъ сѣнь священную знаменъ,
На поле славы боевое,
Зоветъ васъ долгъ, добро святое.
Спѣшите!—тамъ вакхальный звонъ
Поколебалъ подземны своды
И пробудилъ народный стонъ
И гидру дремлющей свободы.

Наполеонъ.

У моря, на скалѣ угрюмой,
Главу на грудь уныло преклоня,
Державный плѣнникъ, съ тяжкой думой,
Одинъ сидѣлъ. Свѣтило дня
На западѣ сіяло
И пурпурной порфирой покрывало
Бездонную пучину синихъ водъ.
"Торжественъ твой и западъ и восходъ,
Ты не померкнешь въ тучѣ грозной;
Ты не погаснешь моря въ глубинѣ;
Твой ликъ—нетлѣнный, животворный
Паритъ, какъ богъ, въ небесной вышинѣ!
Не твой удѣлъ на жребій выпалъ мнѣ.
Какъ ты, моя звѣзда привѣтливо сіяла,
Въ пучинѣ звѣздъ соперницы не знала,
И грозная носилась надъ землей,
Пророча смерть и разрушенье,
Но все похитило единое мгновенье.
О Ватерло! Теперь судьбы моей
Едва примѣтенъ лучь надъ современной бездной;
Безъ славы и безъ битвъ въ душѣ осиротѣвъ,
Подъ сворой дружныхъ псовъ—я усмиренъ
[какъ левъ,

И лицемѣрнымъ сномъ дремлю въ тюрьмѣ
[желѣзной.
Кричатъ : онъ побѣжденъ! Такъ чтожъ? я
[Аннибалъ!
Исторія! Твои завѣтныя скрижали,
Несчастіемъ его не упрекали ;
Ты врѣзала на нихъ : отъ Римлянъ побѣжденъ!
Моя соперница—Россія,
Но побѣдитель мой—судьба ;
Я шелъ не по слѣдамъ Батыя,
И не безсмысленна была моя борьба :
Всѣ царства я-бъ сложилъ въ итогъ одной
[державы.
Я видѣлъ пепелъ Москвы,
Но я не Геростратъ.
Я правъ передъ людьми, — предъ Богомъ
[виноватъ,
Я не постигъ его предназначенья,
Но ослѣпленъ успѣхомъ чудныхъ дѣлъ,
Хотѣлъ переступить въ пылу самозабвенья,
Божественнымъ перстомъ начертанный предѣлъ;
Хотѣлъ десницею желѣзной
Внезапно завладѣть вѣковъ грядущихъ бездной,
И тѣ вѣка до срока-бъ призвалъ я,
Чтобъ предразсудковъ цѣпь заржавленную
[скинуть,
И къ цѣли высшей бытія
Лѣнивую громаду передвинуть."

НА СМЕРТЬ ПОМѢЩИКА ОЛЕНИНА,

Убитаго крестьянами за жестокое обращеніе съ ними.

Передъ гробницею позорной
Стою я съ радостнымъ челомъ,
Предвидя новый, благотворный
Въ судьбѣ Россіи переломъ.

О славномъ будущемъ мечтаю
Я для страны своей родной,
Но о прошедшемъ вспоминаю
Съ негодованьемъ и тоской.

На муки рабства и презрѣнья
Весь родъ славянскій осужденъ,
Лежитъ печать порабощенья
На всей судьбѣ его племенъ.

И Русь давно ужъ подчинилась
Иноплеменному ярму,
Давно безмолвно покорилась
Она позору своему.

Въ цари къ намъ сѣли скандинавы,
Тѣснили нѣмцы насъ. Царьградъ
Вносилъ къ намъ греческіе нравы
И все вертѣлъ на новый ладъ.

Потомъ при этомъ рабствѣ старомъ,
Доставшись новымъ господамъ,
Русь въ поясъ кланялась татарамъ
И въ землю греческимъ попамъ.

Сперва подъ игомъ Русь стонала
Кипѣло мщеніе въ сердцахъ,
Но рабство и тогда сыскало
Себѣ защитниковъ въ попахъ.

"Покорны будьте и терпите,"
Попъ въ церкви съ каѳедры гласилъ,
"Молиться Богу приходите,
"Давайте намъ по мѣрѣ силъ."

Вѣка промчались. Поколѣнья
Смѣнялись быстрой чередой,
Въ повиновеньи и терпѣньи
Нашли обманчивый покой.

Природными рабами были
Рабы, рождаясь отъ рабовъ,
И какъ велѣнья Бога чтили
Ударъ кнута и звукъ оковъ.

И предъ баскаками смиренно
Князья ихъ падали во прахъ...
Но гибнетъ мощь татаръ мгновенно
Въ домашнихъ распряхъ и войнахъ.

Орда разбилась, Русь свободна...
Но съ рабствомъ русскіе сжились;
Они не умствуя безплодно
Отъ воли сами отреклись.

За то князья, увидѣвъ ясно,
Что не рабы они теперь,
Принялись править самовластно
Съ господъ ордынскихъ взявъ примѣръ.

Какъ изъ лакеевъ управитель,
Какъ дворянинъ изъ мужиковъ,
Таковъ-же вышелъ повелитель—
Царь самодержецъ изъ рабовъ.

И деспотизмомъ беззаконнымъ
Довольно Русь угнетена
И до сихъ поръ въ забытьи сонномъ
Молчитъ и терпитъ все она.

Царь сталъ для русскихъ полубогомъ,
Какъ папа средневѣковой;
Но не спокойствія залогомъ
Былъ онъ, а гибельной грозой.

Но пусть бы такъ!... Еще Россіи
Полезны дядьки и лоза,
Пусть предразсудки вѣковые
Разсѣетъ царская гроза;

Пусть сказки нянекъ царь прогонитъ
Пусть умъ питомца развернетъ,
Сомнѣнья искру въ немъ заронитъ,
Къ любви, къ свободѣ приведетъ.

Тогда пусть правитъ. Но невѣдомъ
Ему языкъ высокихъ думъ;
Но чуждъ онъ нравственнымъ побѣдамъ,
Но грубъ и мелоченъ въ немъ умъ.

Но шесть десятковъ милліоновъ
Онъ держитъ въ узахъ, какъ рабовъ,
Не слыша ихъ тяжелыхъ стоновъ,
Не ослабляя ихъ оковъ.

О Русь! Русь! Долго-ль въ тихомолку
Ты будешь плакать и стонать,
И хищнаго въ овчарнѣ волка
"Отцемъ-надеждой" называть?

Когда, о Русь, ты перестанешь
Машиной фокусника быть?
Когда проснешься ты и встанешь
Чтобы мучителямъ отмстить?

Проснись, о Русъ! Возстань родная!
Взгляни, что дѣлаютъ съ тобой!
Твой царь себя лишь охраняя,
Самъ нарушаетъ твой покой.

И самъ въ костяхъ своихъ сжимая
Простыхъ и знатныхъ весь народъ;
Рабовъ чиновныхъ награждая
Такое жъ право имъ даетъ.

И рабъ разумно разсуждаетъ:
"Я самъ покорствую царю,
Коль онъ велитъ, то умолкаетъ
Честь, разумъ; совѣсть—я творю.

И рабъ мой, ползая во прахѣ,
Пусть, что велю ему, творитъ;
Пусть въ угнетеніи и страхѣ
И умъ и совѣсть заглушитъ.

Онъ мой. Онъ долженъ отступиться
Отъ правъ, отъ чести, отъ всего....
Онъ для меня живетъ, трудится;
Мои плоды трудовъ его!"

И въ силу мудраго рѣшенья
Онъ мучитъ бѣдныхъ мужиковъ,
Свои безумныя велѣнья
Закономъ ставя для рабовъ.

Какой нибудь крючекъ приказный
За подлость "Статскаго" схвативъ;
Солдатъ безсмысленный и грязный,
Дворянство силою добывъ;

Князь, промотавшій милліоны,
Взявъ за купеческой женой;
Безвѣстный нѣмецъ, жидъ крещеный,
Нажившись на Руси святой,—

Всѣ ощущаютъ вдругъ стремленье
Душами ближнихъ обладать,
Свое отъ высшихъ униженье
Чтобъ на подвластныхъ вымѣщать.

И хладнокровно приступаютъ
Къ позорной куплѣ: старый плутъ.
И люди братьевъ покупаютъ!...
И люди братьевъ продаютъ!...

Ужасный торгъ. Онъ поношенье
Покупщикамъ и продавцамъ,
Царю и власти униженье,
Всему народу стыдъ и срамъ.

Какой законъ, какое право
Торгъ этотъ могутъ оправдать?
Какіе дикіе уставы
Дозволятъ ближнихъ продавать?

Не ты-ль нашъ царь съ негодованьемъ
Продажу негровъ порицалъ?
Филантропическимъ возваньемъ
Не ты-ль Европу удивилъ?

А между тѣмъ въ твоей Россіи
Не негры—плѣнники войны,
Свои славяне коренные
На гнусный торгъ обречены.

Скажите, русскіе дворяне,
Какой же Богъ законъ изрекъ,
Что къ рабству созданы крестьяне
И что мужикъ не человѣкъ?...

Весь организмъ простолюдина
Устроенъ также, какъ у васъ,
Грубѣй онъ, правда, дворянина
За то и крѣпче во сто разъ.

Какъ вы и душу онъ имѣетъ,
Въ немъ умъ, желанья, чувства есть,—
Онъ ложь высказывать не смѣетъ;
Но и за это—вамъ же честь!

Свободы, мысли и желанья
Его лишили; этотъ даръ
Всѣхъ человѣковъ достоянье—
Ему невѣдомъ: онъ товаръ.

О немъ спокойно утверждаютъ,
Что рабство у него въ крови,—
И тѣ же люди прославляютъ
Ученье братства и любви.

Сыны любимые христовы,
Они Евангеліе чтутъ
И однокровнаго роднаго
Позорно въ рабство продаютъ.

И что за рабство! Цѣпь мученій,
Лишеній, горя и заботъ;
Не много свѣтлыхъ исключеній
Представитъ горькій нашъ народъ.

Все въ угнетѣньи, все страдаетъ,
Но все трепещетъ и молчитъ,
Лишь въ тайнѣ слезы проливаетъ,
Да тихо жалобы твердитъ.

Но ни любви, ни состраданья
Нѣтъ въ нашихъ барахъ-палачахъ,
Какъ нѣтъ природнаго сознанья
О человѣческихъ правахъ,

На грусть, на плачь простолюдина
Они съ презрѣніемъ глядятъ,
Рабы въ рукахъ ихъ все машина,
Они вертятъ ей, какъ хотятъ.

Помѣщикъ въ карты проиграетъ,—
Завелъ машину: "дай оброкъ!"
И рабъ послѣднее сбираетъ,
Скрывъ въ сердцѣ горестный упрекъ.

Но если бѣдный, раззоренный
Неурожаемъ мужичекъ,
Большой семьей обремененный
Не въ силахъ выплатить оброкъ?

Такъ что жъ! пусть мерзнетъ, голодаетъ
Пусть ходитъ по міру съ семьей;
Свои права помѣщикъ знаетъ
Надъ крѣпостной своей душой:

Онъ у раба возметъ корову,
Отниметъ лошадь, хлѣбъ продастъ
И въ назиданіе сурово
Ему припарку въ спину дастъ.

И рабъ покоренъ, какъ машина,
Не хочетъ онъ и ѣсть и пить
И не во власти господина
Въ немъ чувства тѣла истребить.

Межъ тѣмъ и хлѣбъ дневной не можетъ
Онъ, какъ хотѣлось бы имѣть:
Гнилую корку часто гложетъ,
Пустыя щи—его обѣдъ.

Изба соломою покрыта
Въ ней тараканы, душь и смрадъ—
И вотъ все доброе забыто,
Мужикъ пускается въ развратъ.

Пустѣетъ хата, плачутъ дѣти,
Мужъ съ горя пьетъ, да бьетъ ихъ мать;
Не силенъ страхъ господской плети—
У нихъ ужъ нечего отнять.

И наконецъ мужикъ несчастный,
Уже не годный для господъ,
Для муки новой и ужасной
Къ царю въ солдаты попадетъ.

Еще счастливъ, когда онъ можетъ
Мгновенно въ битвѣ умереть
Но чаще въ гробъ его уложитъ
Трудъ, горе, бѣдность, розги, плеть.

Да еще крѣпкое сложенье
Да мысль, что такъ велитъ судьба,
Съ привычкой давнею къ терпѣнью,
Спасаютъ русскаго раба.

Лишь русскій столько истязаній
Съ терпѣньемъ можетъ выносить,
Лишь онъ среди такихъ страданій
Спокойно можетъ еще жить:

Но есть ужасныя мученья,
Не въ мочь и русскому они
И большей части населенья
Они въ Россіи суждены.

Проступокъ легкій и ничтожный
И даже мнимая вина,
Въ чемъ мысль и правду видѣть можно,
Всегда жестоко казнена.

Не можетъ барину свободно
Всей правды высказать мужикъ;
Не можетъ мыслить благородно,
Боясь безсовѣстныхъ владыкъ.

Не можетъ барину отвѣтить
На вздоръ и грубости его;
Не смѣетъ даже онъ примѣтить
Уничиженья своего.

Владѣть имуществомъ не смѣетъ,
Не воленъ даже самъ въ себѣ,
За тѣмъ что баринъ имъ владѣетъ,
Онъ господинъ въ его судьбѣ.

И даже брачныхъ наслажденій
Рабъ часто бариномъ лишенъ:
Тиранъ для скотскихъ наслажденій
Береть дѣтей, береть ихъ женъ.

Считая барина священнымъ,
Какимъ-то высшимъ существомъ,
Мужикъ предъ деспотомъ презрѣннымъ
Поникнетъ тѣломъ и умомъ.

А тотъ собаками для шутки
Пачнетъ несчастнаго травить;
Велитъ въ мѣшокъ на трое сутки
Позорно вплоть его зашить.

Иль на дворѣ въ крещенской холодъ
Водой холодной обольетъ,
Или на жажду и на голодъ
Дни три-четыре предаетъ.

Заставитъ голыми руками
Изъ печки угли выгребать,
Иль раскаленными щипцами,
На тѣлѣ кожу припекать.

Льетъ кипятокъ ему на руки,
Свѣчетъ плетьми по животу...
Но всѣ ихъ казни, всѣ ихъ муки
Я никогда не перечту!

Одну ужасную картину
Запомнилъ я до этихъ поръ,
Какъ разъ, къ вельможѣ-господину,
Рабы явились на позоръ.

Съ тупымъ, но злобнымъ выраженьемъ,
Съ самодовольствіемъ въ лицѣ,
Къ рабамъ проникнутый презрѣньемъ,
Сидѣлъ онъ гордо на крыльцѣ.

И вотъ идутъ къ нему въ ворота,
Безъ шапокъ, кучка мужиковъ;
Грызетъ ихъ бѣдность и забота,
Довольства нѣтъ въ нихъ и слѣдовъ.

Печально, робкими шагами,
Они къ тирану ихъ идутъ,
Стараясь угадать глазами,
Что, гнѣвъ иль милость, въ нихъ найдутъ?

"Скоты! всѣ станьте на колѣна!"
Вдругъ крикнулъ баринъ. Мужики
Со страхомъ падаютъ; ихъ члены
Дрожатъ,—и чувства ихъ горьки.

Они пришли сюда съ прошеньемъ,
Чтобъ ихъ палачъ повременилъ
Оброкъ съ нихъ драть съ ожесточеньемъ—
Но съ разу онъ ихъ поразилъ.

Всѣ въ землю стукаются лбами
И на колѣняхъ всѣ ползутъ;
Зачѣмъ? Они не знаютъ сами,
Имъ на языкъ слова нейдутъ.

А онъ, смотря на нихъ спѣсиво,
Даетъ имъ ближе подползать,
И точно папа, горделиво
Велитъ сапогъ свой лобызать.

Всѣ исполняютъ. Лишь несчастный
Одинъ остался средь двора,
И сталъ, безсмысленный, безстрастный,
Теперь пришла его пора.

"Сюда," прикрикнулъ баринъ гнѣвно;
Земной поклонъ ему мужикъ,
И говоритъ ему плачевно:
"Отсохни, баринъ, мой языкъ!

"Ей богу, ноженьки разбило
Тронуться съ мѣста не могу!
Я чуть доплелся. Кабы сила,
Тогда я первый прибѣгу."

Съ лицемъ больнымъ, изнеможеннымъ,
Дрожащій, блѣдный и худой,
Со взоромъ тусклымъ, помраченнымъ,
Былъ жалокъ онъ своей тоской.

Но баринъ крикнулъ: "притащите
Его ко мнѣ." И вотъ мужикъ
Притащенъ.—"Баринъ, пощадите."
Но онъ щадить ихъ не привыкъ.

Вскочивъ, онъ началъ кулаками,
Бить въ грудь и въ щеки мужика,
И сбивши съ ногъ, топталъ ногами,
Толкалъ пинъками подъ бока.

Потомъ за чубъ поднялъ и снова
Его хлестать сталъ по щекамъ
И въ кровь избивши, чуть живаго,
На руки бросилъ мужикамъ.

И приказалъ, чтобъ двѣсти палокъ
Ему прикащикъ завтра далъ;
Но завтра, рабъ былъ меньше жалокъ:
Несчастный завтра не видалъ.

Запомнилъ я, въ душѣ смятенной,
Его страдальческую тѣнь...
Зоветъ она борьбы священной,
Суда и мщенья грозный день.

И можетъ, дружнымъ, громкимъ крикомъ
Отвѣтитъ Русь на этотъ зовъ
И во дворянствѣ полудикомъ,
Взволнуетъ онъ гнилую кровь.

И рабъ, тиранствомъ угнетенный,
Вдругъ отъ апатіи тупой
Освободясь, прерветъ свой сонный,
Свой летаргическій покой.

И встанетъ онъ въ сознаньи права,
Свободной мыслью вдохновѣнъ,
И гордыхъ деспотовъ уставы
Быть можетъ въ прахъ низвергнетъ онъ.

Отмститъ онъ имъ порабощенье
Свободы равныхъ имъ людей,
Свои бѣды, и поношенье
Крестьянскихъ женъ и дочерей.

Возстанетъ онъ, разить готовый
Враговъ свободы и добра,
И для Россіи, жизни новой,
Придетъ желанная пора.

Уже въ ней сѣмя мысли зрѣетъ,
Сталъ чутокъ прежній мертвый сонъ,
Зарей свободы пламенѣетъ
Столь прежде мрачный небосклонъ.

И другъ за другомъ, грёзы ночи,
При свѣтѣ мысли, прочь летятъ,
И все блѣднѣй, и все короче,
Видѣній сонныхъ пестрый рядъ.

Безъ малодушія, боязни,
Ужъ рабъ на барина возсталъ,
И не страшась позорной казни,
Топоръ на деспота поднялъ.

Вооружившись на тиранство
Онъ вышелъ съ нимъ на смертный бой.
И беззаконному дворянству
Далъ вызовъ гордый и прямой.

За право собственности личной,
За душу наконецъ онъ всталъ:
"Я не товаръ для васъ обычный,
Душа моя," онъ имъ сказалъ.

Протекъ для русскаго народа
Тьмы и тиранства долгій вѣкъ
Я жить хочу! хочу свободы!...
Я равенъ вамъ, я человѣкъ."

И пусть во всѣхъ концахъ отчизны
То слово мощно прозвучитъ,
Пусть всѣхъ возбудитъ къ новой жизни
И гибель рабству возвѣститъ!

И пусть злодѣи затрепещутъ
И въ прахѣ сгибнутъ навсегда
И яркимъ свѣтомъ пусть заблещетъ
Величья русскаго звѣзда.

Вставай же Русь на подвигъ славы—
Борьба велика и свята!...
Возьми свое святое право
У подлыхъ рыцарей кнута...

Она пойдетъ!... Она возстанетъ,
Святымъ сознаніемъ полна,
И цѣлый міръ тревожно взглянетъ
На вольной славы знамена.

Съ какимъ восторгомъ и волненьемъ
Твои полки увижу я!
О Русь! съ какимъ благоговѣньемъ
Народы взглянутъ на тебя,—

Когда, сорвавъ свои оковы,
Ужъ не ребенкомъ иль рабомъ,
А вольнымъ мужемъ жизни новой
Предстанешь ты предъ ихъ судомъ.

Тогда республикою стройной
Въ величьи благородныхъ чувствъ,
Могучій, славный и спокойный,
Въ красѣ познаній и искуствъ—

Глазамъ Европы изумленной
Предстанетъ русскій исполинъ,
И на Руси освобожденной
Явится русскій гражданинъ.

И въ царствѣ знаній и свободы
Любовь и правда процвѣтутъ
И просвѣщенные народы
Намъ братски руку подадутъ.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

Не стая птицъ, но какъ собаки,
Готовыя изъ за костей
Загрызть и ближнихъ и друзей,
Такъ алчные вина и драки,
Къ Булгарину въ числѣ гостей
Собрались разные писаки.
Какая смѣсь лицъ и умовъ,
Способностей и состоянья!
Изъ нѣмцевъ, поляковъ, жидовъ
Здѣсь русскихъ критиковъ собранье.
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ:
Не вѣрить ни какимъ законамъ,
Межъ ними зрится и бѣглецъ,
Что̀ приставалъ ко всѣмъ знаменамъ,
Язвинскій лжецъ, Межевичъ грязный,
Измѣнникъ, самохвалъ и ляхъ;
Песоцкій, букинистъ-варягъ
И Греча сынъ, и съ лѣнью праздной
Самъ Гречь, дѣйствительный цыганъ;
Шпіонство, зло, подрывъ, обманъ—
Вотъ узы избранныхъ мерзавцевъ;
Тотъ ихъ, кто по міру пустилъ

Двоихъ иль трехъ книгопродавцевъ,
Кто ближняго изъ за чернилъ
. . . . . .
Кому смѣшна прямая честность,
Кто умъ и геній не щадитъ,
Кого безчестье веселитъ,
Какъ Греча всякая извѣстность.
Раскрылись подлыя уста,
Рѣчь о писателяхъ заводятъ
И на невинныхъ клевета
Изъ устъ въ другія переходитъ.
Но сплетней истощенъ запасъ,
Умолкли всѣ, ихъ занимаетъ
Ѳадѣя стараго разсказъ
И все вокругъ его внимаетъ:
"Насъ было двое Гречь и я!
Взросли мы розно, наша дружба
Какъ баснь "крестьянинъ и Змѣя."
Наскучила намъ честь и служба
И мыслить стали межь собой
Мы издавать журналъ большой;
Въ сотрудники себѣ мы взяли
Такихъ же неучей точь въ точь;
Свои грѣхи на нихъ слагали,
Лишь пикнутъ—отгоняли прочь.
Бывало въ пору ту глухую
Статейку пустимъ удалую,
Чернимъ и хвалимъ подъ рукой
И верхъ имѣемъ надъ толпой.
Кто не робѣлъ меня и Греча;

Сберется гдѣ нибудь ротъ вѣча
Туда! спѣшимъ, кричимъ
Всѣхъ громче, судимъ, осуждаемъ,
На счетъ хозяевъ пьемъ, ѣдимъ,
Всѣхъ, какъ Іуда, лобызаемъ,
Всѣхъ, какъ Іуда продаемъ
И сребренники получаемъ...
И чтожъ попались молодцы:
Мы съ Пушкинымъ не совладали;
Онъ насъ клеймилъ; какъ подлецы
Съ тѣхъ поръ мы въ общемъ мнѣньи стали.
Я самъ чуть не попалъ въ острогъ;
Но вынесть болѣ Греча могъ:
Онъ все гонялся за чинами,
Я уцѣлѣлъ, онъ изнемогъ.
И онъ твердилъ тогда всечастно:
Мнѣ стыдно здѣсь, въ Парижъ хочу.
И я ему себя напрасно
Въ примѣръ безстыдства представлялъ,
Онъ въ Петербургѣ всѣхъ стыдился
И путешествовать пустился:
Статьи оттуда присылалъ,
Всѣхъ русскихъ громко выхвалялъ!
Но за границей онъ стяжалъ
Лишь имя русскаго шпіона.
Все-жъ наша дружба верхъ взяла:
Мы съ Гречемъ вновь соединились,
Стыдливость глупая прошла,
А съ ней и честность удалилась.
Съ тѣхъ поръ озлясь на всѣхъ извѣстныхъ,

Душа рвалась при видѣ честныхъ,
Алкала денегъ, лжи и ссоръ,
Намъ тошенъ былъ журналъ правдивый
Поэтъ, художникъ и актёръ
На всѣхъ двойной точили ножъ,
Всѣхъ . . . . . и чтожъ?
Изъ всѣхъ лишь одного больнаго
Намъ страшно рѣзать старика;
На Николая Полевова
Не подымается рука."

БАСНЯ.

"Во избѣжаніе всѣхъ золъ и бѣдъ,
"Червей, неурожаевъ, гибельныхъ послѣдствій,
"Суровыхъ зимъ и знойныхъ лѣтъ,
"И вообще всѣхъ бѣдствій,
"Которыми грозятъ голодные года.
Повелѣваемъ мы : отнынѣ на всегда,
"Пещась объ участіи подвластной намъ скотины,
"Запасные устроить магазины ;
"И въ оные, чтобъ всякій звѣрь сносилъ,
"По мѣрѣ способовъ и силъ,
"Отъ всѣхъ своихъ щедротъ, стяжаній десятину.
"Ослушникамъ сего нашъ объявляемъ гнѣвъ."
На подлинномъ написано такъ : "Левъ."
И манифестъ такого рода,
Чтобъ положить границу злу,
Разосланъ былъ по всѣмъ звѣринымъ воеводамъ—
И между прочимъ и къ ослу.
Распоряженіе ослово,
Чай никому не ново ;
Списалъ указъ отъ слова въ слово
И подписалъ : "Оселъ."

И вотъ во глубинѣ лѣсовъ, на днищѣ буерака
Возникъ запасный крѣпкій магазинъ,
Столѣтній буреломъ покрылъ его какъ крышей,
Смотрителями съ ближняго гумна
Потребованы мыши,
Кротъ контролеръ считаетъ десятины;
Приносятъ звѣри вкладъ;
Кротъ въ вѣдомость вписалъ:
Отъ волка двѣ овчины,
Лисица принесла два крылушка курины,
Медвѣдь полчерепа да пару сапоговъ
Съ частицею мясца.
Чтобъ пародировать удачный Гамалея
Я, молвилъ онъ, надулъ порядкомъ дурачея.
И вскорѣ магазинъ набитъ биткомъ.
Оселъ доноситъ Льву, а Левъ на донесенье
Отвѣтствуетъ, что онъ за подданныхъ де радъ,
И въ знакъ монаршаго къ ослу благоволенья
Даритъ ему въ лугахъ казенныхъ маіоратъ.
Не знаю что потомъ, но вѣрно только то,
Что въ первый же голодный годъ,
Всѣ звѣри съ голоду едва не околѣли,
А сыты были кротъ,
Да мыши уцѣлѣли,
И къ довершенью зла,
На дарственныхъ лугахъ нашли скелетъ осла;
У мишеньки не дрогнула, знать, лапа
На самаго Сатрапа.
Бѣда и магазины,
Когда они подъ вѣденьемъ скотины.*

* Очевидно у насъ была плохая рукопись этой басни. К

ПОМОЙНАЯ ЯМА.

(БАСНЯ).

На улицѣ и длинной, и широкой,
И на большомъ дворѣ стоитъ богатый домъ;
И со двора разносится далеко
Зловоніе кругомъ;
А виноватъ хозяинъ въ томъ,
"Хозяинъ нашъ прекрасный, да упрямый,"
—Мнѣ дворникъ говоритъ:
"Разкапывать велитъ помойную онъ яму,
Но чистить не велитъ."

СКАЗКА.

Я когда нибудь сберусь
Сказку вамъ сложить про Русь,
Про царей ея державныхъ,
Про людей отвагой славныхъ,
И про разныя дѣла—
Съ той поры, какъ начала
Русь считаться государствомъ,
Не спускать заморскимъ царствамъ,
Да врагамъ давать отпоръ.....
Но покамѣсть сказкой длинной
Я вамъ други удружу,—
На обычай, на старинный,
Я вамъ присказку скажу:
Гей!.. садись честной народъ!
Разѣвай пошире ротъ,
Придвигай скамьи къ огню,—
Слушай присказку мою!...
Долго бывши старшиною
Надъ славянскою страною,
Князь маститый Гостомыслъ
Потерялъ подъ старость смыслъ,

И предъ смертною кончиной
На болѣзненномъ одрѣ—
Онъ сказалъ передъ дружиной:
"Надо думать о царѣ...
Вы одни не уживетесь,
Какъ бараны вы деретесь;
Такъ плывите за моря
Выбирать себѣ царя!"

Вотъ и поплыли бараны
За царемъ въ чужія страны
(Словно не было кого
Взять изъ стада своего)
И пріѣхавши къ сосѣдямъ,
Поклонились имъ челомъ,
Подарили ихъ медвѣдемъ,
Соболями и добромъ,
И чеканнымъ серебромъ,
И сказали: "Край нашъ силенъ,
Онъ великъ какъ бѣлый свѣтъ,
Онъ богатствами обиленъ—
Да порядку лишь въ немъ нѣтъ!
Такъ нельзя-ли насъ уважить:
Къ намъ пожаловать и княжить"
А сосѣди отвѣчали:
"Мы объ васъ давно слыхали,
Рады мы вамъ сдѣлать честь,
На престолъ къ вамъ рады сѣсть!"

И пришли на Русь Варяги,
Безземельные бродяги;

Стали княжить, не шутить,
А Славяне—имъ служить.....
Много времени прошло
Много море унесло;
Но съ тѣхъ поръ судьба народа
Все въ рукахъ чужаго рода;
И до нынѣшнихъ временъ
Намъ варягъ даетъ законъ.....
Край славянскій такъ же силенъ,
И богатствами обиленъ,
И великъ какъ бѣлый свѣтъ—
А порядку нѣтъ какъ нѣтъ!
Что за притча? что за диво?
Какъ не жить ему счастливо?
Или намъ другихъ царей
Надо звать изъ за морей?
Не шуми честной народъ
Не дивись, разиня ротъ!
Подвигай скамьи къ огню
Слушай присказку мою!
Но всему конецъ бываетъ,
Такъ и присказкѣ моей...
Кто же, братцы, отгадаетъ
Что за мысль сокрыта въ ней?
Кто не понялъ, пусть вспомянетъ
Притчу старую одну,
Притча эта не обманетъ,
Говорили въ старину:
"Кто уродъ былъ въ колыбели,
До могилы тотъ уродъ!"

(Такъ и русскій знать народъ)
Други, чтожъ теперь яснѣе
Стала присказка моя?
Да? Такъ знайте про себя!

ПОДРАЖАНІЕ ГЕТЕ.

Ты знаешь ли страну, гдѣ ловятъ соболей,
Гдѣ вѣчный царствуетъ туманъ среди степей,
Гдѣ солнце блѣдное не грѣетъ, не печетъ,
Гдѣ только мохъ одинъ надъ тундрами ростетъ,
Ты знаешь ли ее? Пошёлъ, пошёлъ!
Богъ проклялъ ту страну изгнанія* и золъ.

Ты знаешь ли страну бездонныхъ рудниковъ,
Гдѣ жизнь свою влачатъ ужъ нѣсколько вѣковъ
Подъ тяжестью кнута свободныя созданья,
Кляня мучителей въ послѣднемъ издыханьи,
Ты знаешь ли ее?... Пошёлъ, пошёлъ!
Богъ проклялъ ту страну изгнанія и золъ!..

Ты знаешь ли царя? Угрюмо онъ царитъ,
Кровавымъ золотомъ рабовъ своихъ даритъ
И, царственный палачь угрюмый и суровый,
Онъ шлетъ своихъ рабовъ въ тотъ край завѣтный,
[новый,—
Ты знаешь ли его?.. Пошёлъ, пошёлъ!
Въ страну изгнанья, слезъ и золъ!...

* Вар. мученія.

Ты знаешь ли свой путь въ обѣтованный край?
Въ кибиткѣ мчишься ты, но ты не унывай:
Вокругъ тебя толпы казацкихъ пикъ, нагаекъ,
*Ихъ больше вкругъ тебя, чѣмъ въ Донѣ утромъ [чаекъ...
Ты знаешь ли куда?... Пошелъ, пошелъ
Въ страну мученья, слезъ и золъ!...

* Варіантъ. И грустно мчишся ты среди казачьихъ шаекъ.

***

Когда нашъ Повгородъ Великій
Отправилъ за море пословъ,
Чтобы просить у нихъ владыки
Для буйныхъ вольницы головъ,
Онъ съ откровенностію странной
Велѣлъ сказать чужимъ князьямъ:
"Нашъ край богатый и пространный
Да не дался порядокъ намъ!"
Съ тѣхъ поръ родъ Рюриковъ владѣетъ
А все порядка не видать.
О, Несторъ, Несторъ! кто посмѣетъ
Тебя во лжи изобличать—
Когда на первой же страницѣ
Печать ты правды положилъ?
Ни вѣки буйною станицей,
Ни Петръ желѣзною десницей
Никто ея не сокрушилъ.
Все тотъ же Руси жребій странный:
И край обильный и пространный,
И нѣмцевъ—эка благодать!
А все порядка не видать.

***

Пускай въ Россіи нѣтъ дворянъ,
Пускай всѣ Русскіе вельможи—
Изъ Чухонъ, Ляховъ и Армянъ—
На русскихъ вовсе не похожи;
Пускай наслѣдіе Петра—
Страшилище враговъ и внутреннихъ и
[внѣшнихъ;
Вся наша гвардія осталася вѣрна
Названью прежнему *потѣшныхъ*.
А слава древняя дружинъ,
Сословіе дѣтей боярскихъ,
На мѣсто теплое иль заяся на чинъ
Погрязло въ дрязгахъ канцелярскихъ,
И саблю замѣнивъ перомъ,
Кольчугу бранную позорнымъ вицъ-мундиромъ,
Ярыжкамъ сдѣлалось подобное во всемъ
И стало мерзостнымъ вампиромъ,
Который день и ночь сосетъ
Всѣ соки лучшіе изъ русскаго народа,
И даже ухомъ не ведетъ,
Что есть ужъ два изданья Свода.

Пускай и самый нашъ народъ,
Врагъ ненавистный иноземцевъ
По праздникамъ мертвецки пьётъ,
А будними работаетъ на нѣмцевъ.
Пускай казна истощена,
И намъ по прежнему пристала
Пусть фраза та, что "Русь обильна и сильна,
Да только въ ней порядка мало!"....

ДРУЗЬЯМЪ ВЪ РОССІИ.

(Мицкевича).

(Переводъ съ польскаго.)

Вы вспоминаете-ль меня? А я мечтаю
Всегда о васъ, когда моихъ друзей
Изгнанья, смерть и ссылки вспоминаю;
Хоть чуждые, но вы родны душѣ моей.
Гдѣ-жъ вы теперь? Погибъ Рылѣевъ [непокорный...
Вкругъ шеи той, что я въ объятіяхъ моихъ,
Какъ братъ сжималъ, обвился шнуръ позорный...
О проклятъ ты народъ, бичъ избранныхъ своихъ!
Мечъ отнятъ и перо у воина поэта,
Бестужевъ, въ рудникахъ, въ телѣжку запряженъ,
И той рукой, что мнѣ давалъ онъ въ знакъ [привѣта,
Тамъ, рядомъ съ полякомъ, руду копаетъ онъ...
Другимъ же можетъ казнь еще лютѣй: въ [позорѣ
Умовъ и орденовъ, предалъ царю иной
Свой духъ, и счастья ждетъ онъ въ милостивомъ [взорѣ

И бьетъ порогъ царя покорной головой,
Наемнымъ языкомъ его тріумфы хвалитъ
И злобно тѣшится страданьями друзей,
И въ родинѣ моей, своей же кровью залитъ,
Какъ честью, хвалится проклятьемъ Польши всей.
О, если съ Запада, отъ вольнаго народа,
Унылый стихъ мой къ вамъ на сѣверъ долетитъ
И въ небѣ прозвучитъ, надъ краемъ льдовъ,
[свободу,
Пусть, какъ журавль, весну онъ вамъ пред-
[возвѣститъ.
Знакомъ вамъ голосъ мой... Опутанъ бывъ
[сѣтями.
Я, съ хитростью змѣи вiясь, тирану льстилъ;
Но душу и тогда раскрылъ предъ вами,—
Для васъ, друзья, всегда я простъ, какъ голубь,
[былъ.
Теперь открыто я излилъ отравы чашу,
И жгучъ, и ѣдокъ ядъ моихъ горячихъ словъ:
И слезы высосалъ, и кровь онъ Польши нашей,
Пусть же сосетъ и ѣстъ—не васъ,—а вашу сталь
[оковъ!
Когда-жъ, за рѣчь любви, отвѣтитъ кто мнѣ
[бранью,
Какъ лай цѣпнаго пса, приму я эту брань,
Который, полюбивъ цѣпей своихъ бряцанье,
Кусаетъ, ихъ съ него, срывающую длань.

ГОРОДЪ СТРАДАНІЯ.

Да, я люблю его, созданіе Петра,
Но не за то, за что другіе;
Не зданія его, не множество добра
И не граниты вѣковые,
Я въ немъ люблю. О нѣтъ! скорбящею душой,
Я прозрѣваю въ немъ иное—
Его страданіе подъ ледяной корой,
Его страданіе больное.
Пусть почву шаткую, онъ заковалъ въ гранитъ
И защитилъ ее отъ моря,
И пусть сурово онъ въ самомъ себѣ хранитъ
Волненье радости и горя,
И пусть его рѣка къ стопамъ его несетъ
И роскоши и нѣги дани,—
На нихъ отпечатленъ суровый слѣдъ заботъ,
Людскаго пота и страданій.
И пусть горятъ свѣтло огни его палатъ,
Пусть слышны въ нихъ веселья звуки;
Обманъ, одинъ обманъ! они не заглушатъ
Безумно-страшныхъ стоновъ муки.

Страданіе одно привыкъ я подмѣчать
Въ окнѣ съ богатою гардиной
И въ темномъ уголкѣ. Вездѣ его печать,
Страданье—уровень единый!
И въ тѣ часы, когда на городъ пышный мой
Ложится ночь безъ тьмы и тѣни.
Когда прозрачно все,—мелькаетъ предо мной
Рой отвратительныхъ видѣній.
Пусть ночь ясна какъ день, пусть тихо все вокругъ,
Пусть все прозрачно и спокойно:
Въ покоѣ томъ—затихъ на время злой недугъ,
Прозрачность та—прозрачность язвы гнойной.

Москва 1846 марта 1.

Когда колокола торжественно звучатъ,
Иль ухо чуткое услышитъ звонъ ихъ дальній,
Невольно думою печальною объятъ,
Какъ будто пѣсни погребальной
Веселымъ звукамъ ихъ внимаю грустно я,
И тайнымъ ропотомъ полна душа моя.
Преданье-лътемное тайникъ взволнуетъ груди,
Иль точно въ звукахъ тѣхъ таится звукъ иной,
Но мнится, колоколъ я слышу вечевой,
Разбитый, можетъ быть, на тысячи орудій,
Властямъ когда-то роковой.
Да, умеръ онъ, давно замолкъ языкъ народа,
Склонившаго главу подъ тяжкій царскій кнутъ;
Но встанетъ грозный день, но воззоветъ свобода,
И камни вопли издадутъ
И расточенный прахъ и кости исполина
Совокупитъ опять духъ божій во едино.
И звучнымъ голосомъ онъ снова загудитъ
И въ оный судный день, въ расплаты день [кровавый
Въ немъ новгородская душа заговоритъ
Московской рѣчью величавой...
И весело тогда на башняхъ и стѣнахъ
Народной вольности завѣетъ красный стягъ...

ТОГО-ЖЕ.

Нѣтъ, не рожденъ я биться лбомъ,
Нетерпѣливо ждать въ передней,
Ни ѣсть за княжескимъ столомъ,
Ни съ умиленьемъ слушать бредни.

Нѣтъ, не рожденъ я быть рабомъ,
Мнѣ даже въ церкви за обѣдней
Бываетъ скверно, каюсь въ томъ
Прослушать августѣйшій домъ.

И то что чувствовалъ Маратъ,
Порой способенъ понимать я,
И будь самъ богъ аристократъ,
Ему-бъ я гордо пѣлъ проклятья...
Но на крестѣ распятый богъ
Былъ сынъ толпы и демагогъ.

ИЗЪ АПОСТОЛА ІОАННА.

Когда пустынникъ Іоаннъ,
Окрѣпнувъ сердцемъ въ жизни строгой,
Пришелъ крестить на Іорданъ
Во имя истиннаго бога,
Народъ толпой со всѣхъ сторонъ
Бѣжалъ, ища съ пророкомъ встрѣчи,
И былъ глубоко пораженъ
Святою жизнію Предтечи;
Онъ тяжкій поясъ надѣвалъ,
Во власяницу облекался,
Подъ изголовье камень клалъ,
Одной акридою питался...
И фарисеи—для того
Чтобъ потушить восторгъ народный
Твердили всюду про него
Съ усмѣшкой дерзкой и холодной:
Не вѣрьте! видано-ль во вѣкъ,
Чтобъ кто-нибудь какъ онъ постился?
Нѣтъ, это лживый человѣкъ,
Въ немъ бѣсъ лукавый поселился!...
Но вотъ крестителю во слѣдъ
Явился къ людямъ самъ Мессія,

Обѣтованный много лѣтъ
Черезъ пророчества святыя ;
Сойдя съ небесъ спасти людей,
Къ завѣтной цѣли шелъ онъ прямо,
Во лжи корилъ учителей
И выгналъ торжниковъ изъ храма.
Онъ словомъ вѣру зажигалъ
Въ сердцахъ униженныхъ и черствыхъ,
Слѣпорожденныхъ исцѣлялъ
И воскрешалъ изъ гроба мертвыхъ.
Незримыхъ язвъ духовный врачь,
Онъ не былъ глухъ къ мольбамъ злодѣя,
Услышанъ имъ Маріи плачь
И вопль раскаянья Закхея...
И что-жъ? На площади опять
Учители и Фарисеи
Пришли Израиля смущать
И зашипѣли словно змѣи :
"Бѣгите ложнаго христа !
Пусть онъ слова теряетъ праздно,
Его крамольныя уста
Полны раздора и соблазна.
И какъ, взгляните, онъ живётъ ?
Мірскимъ весь преданный заботамъ,
Онъ ѣстъ, онъ бражничаетъ, пьётъ
И исцѣляетъ по суботамъ.
Онъ кинулъ камень въ божество,
Законъ отвергнулъ Моисеевъ
И кто межъ насъ друзья его,
Окромѣ блудницъ и злодѣевъ ?"

ТОРЖЕСТВО СМЕРТИ

(В. Печерина).

За синимъ за моремъ, въ далекой землѣ,
Сошлись молодцы пировать въ Февралѣ.
Тарелки брязжатъ и стаканы звенятъ
И вольныя рѣчи сверкая кипятъ.
Дверь настежъ, съ гуслями вошелъ старичёкъ,
И всѣмъ поклонился, и сѣлъ въ уголокъ.
За нимъ съ самопрялкой старуха вошла,
Съ собой для потѣхи кота привела.
Ерошится котъ и сверкаетъ хребтомъ,
Сердито мурлычитъ и машетъ хвостомъ.
Усѣлась старуха—прядетъ и поетъ;
Подъ музыку пляшетъ, мурлыкая, котъ.

Старуха (поётъ въ носъ).

Пряжа тонкая прядися!
Веретенышко вертися!
А веровочка плетися!
Тру ру тру ру тру ру.

Котъ.

Мяу мяу, голубокъ.
Не гуляй другъ одинокъ!

Мяу мяу, молодцы,
Прячте въ воду всѣ концы.
Мяу мяу мяу мяу мяу.
И старецъ пустился на гусляхъ играть
Съ присвистомъ, съ прищелкомъ пошелъ припѣвать:

Старикъ.

Ай веревочка свивается,
Ай люли! ай люли!
Въ узелочикъ заплетается,
Ай люли! ай люли!
Да на шейку надѣвается
Ай люли! ай люли!

Старуха.

Пряжа тонкая прядися!
Веретенышко вертися!
А веревочка плетися!
Тру ру тру ру тру ру

Котъ.

Мяу, мяу сѣрый котъ!
Кошечка на крышкѣ ждетъ.
Мяу мяу чижикъ мой,
Сидя въ клѣткѣ, смирно пой.
Мяу мяу мяу.

Старикъ: (закатисто).

Ахъ головушки вы удалыя,
По французской модѣ завитыя!

Вамъ не долго почивать
На подушечкахъ пуховыхъ,
Вамъ не долго погулять
Въ мягкихъ шапочкахъ бобровыхъ!
Ай веревочка свивается,
Ай люли! ай люли!
Въ узелочикъ заплетается,
Ай люли! ай люли!
Да на шейку надѣвается,
Ай люли! ай люли!

Старуха.

Пряжа тонкая прядися!
Веретенышко вертися!
А веревочка плетися!
Тру ру тру ру тру ру.

Котъ.

Мяу мяу, котъ глядитъ,
Чижикъ въ клѣткѣ не сидитъ;
Мяу мяу, чижъ запѣлъ,
Чижика нашъ котикъ съѣлъ.
Мяу мяу мяу мяу.

Старикъ: (закатисто).

Ахъ вы шейки бѣлоснѣжныя!
Дѣти барскія вы нѣжныя!
Галстучки пеньковые
Други покидайте!
Галстучки шелковые

Къ зимѣ припасайте
Ай веревочка свивается.....

Тутъ баринъ, схватясь за бутылку, сказалъ:

"Перестань старый чертъ ты мнѣ скуку нагналъ!
Старуха не пой! а ты, котъ, не пляши!
А лучше старикъ ты намъ сказку скажи!"
Старушка и котикъ затихнули вмигъ,
И началъ имъ сказочку баять старикъ.

СКАЗКА

О трехъ новыхъ годахъ.

Въ одинъ вечерокъ—настаетъ новый годъ—
Гурьба молодцевъ на попойку идетъ.
Вино и шипитъ и звѣздится въ кубкахъ,
И младость бунтуетъ въ могучихъ сердцахъ.
Вино черезъ край начинаетъ ужъ течь;
Течетъ черезъ край и широкая рѣчь.
Свобода и доблесть у всѣхъ на устахъ,
И пѣсня лихая на звонкихъ струнахъ.
И каждый орлинымъ полетомъ летитъ,
И смѣло грядущему въ очи глядитъ;
И къ Богу кричитъ: "я не хуже тебя!
И міръ перестрою по своему я!"
А вотъ и опять настаетъ новый годъ,
И кучка друзей на пирушку идетъ.
Да только не всѣ собрались пировать:
Одинъ—за бостонъ, а другой—почивать.
Другой говоритъ: "не приду я друзья:
Жена у меня и большая семья."

А третій: "вѣдь я человѣкъ должностной!
И мнѣ-ль куликать съ молодежью пустой?"
И вино ужъ не льется рѣкой,
И не слышно ужъ нѣсни лихой,
А только, собравшись кружкомъ,
Всякъ шепчется съ другомъ тишкомъ.
А вотъ и опять настаетъ новый годъ—
Да что-то никто на пирушку нейдетъ.
А въ темной конуркѣ горитъ огонекъ,
Въ конуркѣ сидитъ молодецъ одинокъ.
Вино на дубовомъ столѣ не кипитъ,
На столикѣ кружка съ водицей стоитъ,
И заперты крѣпко затворы дверей,
Чтобъ не было въ комнатѣ лишнихъ гостей.
Вотъ полночь проходитъ—и глухо шумятъ,
И двери скрыпятъ и задвижки визжатъ.
Со связкой ключей человѣчекъ вошелъ:
"Здоровъ молодецъ! Новый годъ ужъ пришелъ!
Я вѣсточку къ новому году припасъ,
Тебѣ новоселье готово у насъ.
Два столба съ перекладиной—вотъ тебѣ домъ!
Высокъ и свѣтелъ, и зефиры кругомъ,
И жавронокъ въ небѣ, какъ въ клѣткѣ поетъ,
По зелену полю гуляетъ народъ.
Тамъ будешь, дружокъ, припѣваючи жить,
Пока ангелы станутъ въ трубы трубить."
Теперь, слава богу! дошли до конца—
За это мнѣ дайте стаканчикъ винца.
Не корите, друзья, за разсказъ мой плохой:
Таковъ ужъ обычай на Руси святой,

Веселую пѣсню за здравье начнемъ,
А послѣ, на вѣчную память сведемъ.
А вамъ я желаю, безъ мукъ и заботъ,
Не разъ, господа повстрѣчать новый годъ.

Валеріанъ.

На, вотъ тебѣ чарка! да къ чорту ступай,
И дьявольскихъ сказокъ намъ больше не бай!
Красавица-дѣвица! арфу настрой,
Балладу, романсъ, или пѣсню пропой!

Эмилія. (строитъ арфу

Тра ла ла ла ла ла...
Я знаю балладу изъ новыхъ временъ,
Какъ съ войскомъ Донъ Педро вошелъ въ
[Лиссабонъ.

Валеріанъ.

Ты спой намъ балладу, гдѣ слезы и кровь,
И смерть, и война, и дѣвицы любовь,
Гдѣ русскій дерется до смерти за честь,
Свершивъ надъ тираномъ священную месть.

Эмилія.

Я вовсе незнаю баллады такой,
Довольно вамъ будетъ и пѣсни простой.

ПѢСНЯ.

О

Русскомъ юношѣ.

Какъ цвѣточикъ отягченный

Утренней росой,
Вся въ слезахъ, склонивъ головку,
Дѣвушка идетъ.

Прохожій.

"Душенька мнѣ сердце рвется,
Глядя на тебя!
Раздѣли со мною горе!
Другъ, несчастнымъ я!"

Дѣвушка.

Подъ стѣнами Сантарема
Мой сердечный палъ:
Онъ какъ левъ, за честь Маріи
До конца стоялъ.
На широкомъ полѣ битвы
Огонекъ горитъ,
На широкомъ полѣ битвы
Рыцарь мой лежитъ.
Капуцинъ пришелъ съ дарами...
"О святой отецъ!
Разрѣши мнѣ душу! близокъ,
Близокъ мой конецъ!
И послѣднему моленью
Воина внемли:
Обо мнѣ на Русь святую
Вѣсточку пошли!
Тамъ сидитъ моя невѣста,
Ждетъ въ слезахъ меня.
О святой отецъ! скажи ей,
Какъ скончался я!

Ты скажи что я до гроба
Милую любилъ,
Умеръ съ вѣрой, и за вольность
Душу положилъ."
Пѣвица въ раздумьѣ склонилась челомъ,
И бросила арфу, и — слезы ручьемъ.

Валеріанъ.

Красавица радость! Что сталось съ тобой?
Какъ можна заплакать отъ пѣсни пустой?

Эмилія (въ полголоса)

На широкомъ полѣ битвы
Огонекъ горитъ,
На широкомъ полѣ битвы
Рыцарь мой лежитъ.....
И снова въ раздумьѣ замолкла краса,
И бѣлымъ платочкомъ закрыла глаза.

Валеріанъ.

Красотка душа! ты не плачь, не тужи!
А лучше намъ горе свое разскажи.

Эмилія.

Онъ спитъ на поляхъ, Каталонскихъ поляхъ,
Два камня сѣдые да крестъ въ головахъ.
Я птичкой у матушки въ домѣ жила,
Невинна, рѣзва и тщеславна была.
Онъ увидѣлъ меня — онъ мнѣ сердце отдалъ—
И несчастный! — любви за любовь ожидалъ.
Онъ бѣдный художникъ, поэтъ молодой,
А я родилася большой госпожей.

Онъ въ раздумьѣ гулялъ подъ окошкомъ моимъ —
Я, глядя съ балкона, смѣялась надъ нимъ.
Онъ презрѣнье не снесъ — онъ былъ нѣженъ
[душой —
И покинулъ нашъ городъ, и бросился въ бой,—
Гдѣ рать собиралась Испаніи всей,
Гдѣ "вольность!" кричали при звукѣ мечей.
Прощаясь онъ руки ко мнѣ простиралъ,
И долго слезами порогъ обливалъ...
Я смѣялась—стояла съ другимъ у окна,
Равнодушна, какъ мраморъ, какъ ледъ, холодна...
Онъ палъ на поляхъ, Каталонскихъ поляхъ,
Два камня сѣдые да крестъ въ головахъ...
Онъ письмо предъ кончиной ко мнѣ написалъ,
И *слезное* мнѣ *ожерелье* послалъ.

Письмо Эдмунда къ Эмиліи.

(съ посылкою стихотвореній его:)

Души моей царица! ожерелье
Вамъ посылаетъ вашъ пѣвецъ младой,
Быть можетъ, вамъ на брачное веселье
Поспѣетъ мой подарокъ дорогой.
Не правда-ль? Жемчугу богатое собранье?
Смотрите: крупно каждое зерно,
И каждое зерно—слеза, воспоминанье,
И куплено слезой кровавою оно.....
Не плавалъ я среди морей опасныхъ,
Не въ пропастяхъ сокровищъ вамъ искалъ,
Не звонкимъ золотомъ червонцевъ ясныхъ
Вамъ ожерелье покупалъ.

Изъ сердца глубины, при свѣточа сіяньи,
Съ слезами пѣснь моя лилась въ полночный часъ
Изъ этихъ пѣсенъ, слезъ, живыхъ воспоминаній
Я ожерелье набиралъ для васъ.
Какъ должную вамъ дань, съ улыбкою небрежной,
Пріймите эту нить стиховъ и слезъ моихъ:
Такъ боги, въ небесахъ пріемлютъ безмятежно
Куренье и мольбы отъ алтарей земныхъ.
Красавица дальше не въ силахъ читать,
И начала плакать и тяжко вздыхать....
Но гости не требуютъ вздоховъ пустыхъ:
Имъ надобно пѣсенъ, видѣній живыхъ.
И нехотя арфу пѣвица беретъ,
И пѣсню объ нѣжной графинѣ поетъ:

*Пѣсня о графинѣ Турнъ.**

Въ Теченѣ, въ лѣсахъ Богемскихъ,
Замокъ на скалѣ стоитъ,
И подъ нимъ спокойно Эльба
Воды свѣтлыя струитъ.
Тамъ Графиня молодая
И уныла и блѣдна,
Къ небу очи подымая,
На скалѣ стоитъ одна.....

* Содержатель гостинницы въ Теченѣ разсказывалъ мнѣ исторію графини Турнъ. Молодая, прелестная 18-лѣтняя дочь владѣтельнаго графа Турна чахнетъ отъ безнадежной любви къ прекрасному графскому егерю. Отецъ каждый годъ возитъ ее на теплыя воды— все напрасно! Она видимо умираетъ. Идя пѣшкомъ по живописной долинѣ и имѣя въ виду замокъ Турнъ, я мечталъ это стихотвореніе. Жалѣю, что прекрасный матеріалъ не достался въ руки болѣе искуснаго художника.

"Егерь, егерь мой прекрасный!
Посмотри: на небесахъ
Высоко ужъ мѣсяцъ ясный,
Тихо въ замкѣ и въ садахъ.....
На террассу удалимся!
Тамъ: въ бесѣдкѣ, при лунѣ,
Насладимся, насладимся
Мы любовью въ тишинѣ!"

Егерь.

Ахъ! Эльвира! вы Графиня!
Кто же я? Вассалъ простой!
И любовь моя погубитъ
Драгоцѣнный вашъ покой.
Недоступный надъ долиной
Замокъ графскій вознесенъ;
Недоступною судьбиной
Я съ Эльвирой разлученъ.

Графиня.

Пусть мой замокъ превышаетъ
Башни дальнихъ городовъ!
Всѣ препоны побѣждаетъ
Всемогущая любовь!
А когда, въ бореньи съ міромъ,
Ей побѣда измѣнитъ,
Какъ Коломбъ, она изъ міра
Обветшалаго летитъ,
И подъ грознымъ ураганомъ,
Смѣлый пробивая слѣдъ,

За могильнымъ океаномъ
Новый открываетъ свѣтъ...
А вотъ одинока Графиня сидитъ,
Въ раздумьѣ, въ тоскѣ про себя говоритъ :
Для Графа и для егеря одно
Сіяетъ солнце надъ Богемскими скалами ;
Для Графа и для егеря равно
Струится Эльба межь зелеными лугами.
Святая Дѣва! чѣмъ виновна я,
Что краше онъ и тѣломъ и душею,
Чѣмъ всѣ бароны, графы и князья
Съ ихъ титлами, съ ихъ пышностью златою ?
Какъ пышно локоны его густые
Віются подъ возвышеннымъ челомъ!
И какъ онъ милъ въ зеленомъ казакинѣ,
Съ своимъ ружьемъ двуствольнымъ за плечемъ !
Печальный жребій свой давно я знаю,
Забыть его во вѣки не могу;
Разбить приличій цѣпи не дерзаю,
И смерти я съ покорностію жду.
Чье сердце строгіе законы свѣта
Желѣзной раздробятъ рукой,
Тотъ лишь въ прохладной ночи гроба
Найдетъ цѣлительный покой.
Къ чему, родитель, нѣжныя заботы?
Ужъ Ангелъ смерти надо мной паритъ,
И блекнутъ отъ холоднаго дыханья
Младыя розы дѣвственныхъ ланитъ...

Валеріанъ.

Друзья! чтобъ достойно окончить сей пиръ,

Въ театръ поспѣшимъ! тамъ фантазіи міръ!
Насъ опера ждетъ и волшебный балетъ:
Посмотримъ, что нынче покажетъ поэтъ.

Театръ.

Занавѣсъ еще не поднятъ. Актеръ выходитъ на авансцену и говоритъ

Прологъ.

Почтеннѣйшіе господа!
Сего дня мы имѣемъ честь
Представить: *Новое видѣнье*
Столицы древней разрушенье,
Иль называемый иначе,
Языческій Апокалипсисъ,
Дивертисментъ полуволшебный—
Твореньe юнаго поэта,
Еще сокрытаго для свѣта...
Директоръ не жалѣлъ издержекъ,
Чтобъ поддержать сію піэсу
И произвесть эффектъ, какъ должно:
Онъ много выписалъ машинъ
И кучу новыхъ декорацій
И всѣхъ богинь, за исключеньемъ Грацій.
Почтеннѣйшіе господа!
Вы снисхожденье окажите
Поэту и актерамъ,
И трудъ нашъ общій наградите
Рукоплесканій хоромъ.

Увертюра. Колокольчикъ звѣнитъ. Занавѣсъ подымается. Театръ представляетъ воздухъ и заливъ Іонійскаго моря. Вдали видѣнъ древній великолѣпный городъ. Немезида съ бичемъ въ рукахъ, сидитъ на воздушномъ престолѣ, окруженная подземными духами мщенія.

Немезида.

Въ трубы громкія трубите!
Вѣтры всѣ ко мнѣ зовите!

Духи (трубятъ)

Собирайтесь, собирайтесь!
Вѣтры съ запада слетайтесь! (трижды)
Гласъ правдивой Немезиды,
За столѣтнія обиды,
Васъ на мщеніе зоветъ—
Вѣтры! вѣтры всѣ впередъ!

Вѣтры прилетаютъ со свистомъ и шелестомъ и какъ покорные рабы, ложатся у ногъ Немезиды.

Немезида (потрясая бичемъ)

Вѣтры! море обхватите,
Море къ небу всколыхните,
Вздуйте волны, подымите,
И какъ горы, покатите
На преступный этотъ градъ,
Гдѣ оковы, кровь и смрадъ!

Вѣтры рѣзвыми прыжками изъявляютъ свою радость, лижутъ ноги Немезиды, и потомъ пляшутъ присвистывая.

Хоръ вѣтровъ.

Пойте и пляшите други!
Въ рѣзвые свивайтесь круги!
Мщенья, мщенья часъ насталъ!
Лютый врагъ нашъ, ты пропалъ!
Какъ гигантъ, ты сталъ предъ нами,
Насъ съ презрѣньемъ оттолкнулъ,

И желѣзными руками,
Волны въ пропастяхъ замкнулъ.
Часто, часто осаждали
Мы тебя съ полкомъ валовъ,
И позорно отступали
Отъ гранитныхъ береговъ!...
Но теперь, за всѣ обиды,
Бичъ отмщаетъ Немезиды!
Что? и намъ пришла пора!
Ха ха ха! ура! ура!

Музыка играетъ галопъ — вѣтры улетаютъ попарно, въ бурной плескѣ. Являются на воздухѣ міріады сердецъ, облитыхъ кровію и пронзенныхъ кинжалами.

Хоръ сердецъ.

Въ грудяхъ юношей мы бились
За свободу, правоту,
Къ безконечному стремились,
Обожали красоту...
Порохомъ, кинжаломъ, ядомъ,
Насъ сей демонъ истреблялъ—
Да прольется-жъ, надъ симъ градомъ,
Мщенья вѣчнаго фіалъ!
О святая Немезида!
Да отомстится намъ обида! (трижды)

Немезида ударяетъ бичемъ. Буря начинается. Отдаленные раскаты грома—молнія—вѣтры воютъ—море стонетъ—скалы глухо откликаются—морскія птицы стаями летятъ къ берегу—волны вынырнувъ изъ бездны, подымаютъ головы къ небу и цѣлуютъ края ризы его. Являются міріады факеловъ, погасшихъ и курящихся.

Хоръ факеловъ.

Богъ зажегъ насъ, чтобъ сіяли
Мы средь сѣверныхъ ночей,
И мы съ радостью пріяли
Огнь отъ божескихъ лучей.
Начиналъ ужъ день отрадный
Разгонять туманъ густой,
Но звѣрь темный, кровожадный
Задушилъ нашъ вѣкъ младой.
О святая Немезида!
Да отомстится намъ обида! (трижды)

Немезида ударяетъ бичемъ. Большой военный корабль крутится въ водоворотѣ, разбивается о скалу и исчезаетъ въ волнахъ. Являются пять померкшихъ звѣздъ.

Хоръ звѣздъ.

Чистой доблести свѣтила
Мы взошли на небеса,
И съ надеждой обратило
Къ намъ отечество глаза...
Но кровавою рѣкою
Залилъ неба сводъ тиранъ,
И съ померкшею главою
Пали звѣзды южныхъ странъ.
О святая Немезида
Да отмстится намъ обида! (трижды)

Являются блѣдныя тѣни воиновъ, покрытыя кровью и прахомъ: на головахъ у нихъ терновые вѣнки, перевитые лаврами, а въ рукахъ—переломленные мечи.

Хоръ Воиновъ.

Крѣпко мы за вольность бились,
За всемірную любовь:
Но мечи переломились
И изсякла въ жилахъ кровь!
Къ намъ народы обратили
Очи, смутные отъ слезъ,
Но—безсильные!—просили
Только мщенья у небесъ.
О геенна! градъ разврата!
Сколько крови ты испилъ!
Сколько царствъ и сколько злата
Въ дикомъ чревѣ поглотилъ!
Изрекли ужъ Эвмениды
Приговоръ свой роковой,
И сѣкира Немезиды
Поднята ужъ надъ тобой!
О святая Немезида
Да отмстится намъ обида! (трижды)

Немезида.

Подымается съ престола и одною рукою потрясая бичемъ, а другою указывая на городъ, говоритъ:

Часъ отмщенья наступаетъ:
Море стогны покрываетъ
И какъ поясъ, обвиваетъ
Стѣны крѣпкія дворцовъ,
Храмы свѣтлые боговъ.

Поликратъ Самосскій

Выходитъ на плоскую кровлю Іонійскаго дворца

О народъ! народъ! молися!
Къ небу вознеси свой гласъ!
За грѣхи караетъ насъ
Бога вышняго десница!

Хоръ утопающаго народа.

Не за наши, за твои
Богъ караетъ насъ грѣхи.
О злодѣй! о волкъ несытый,
Багряницею прикрытый!
Ты проклятіе небесъ!
Ты въ трехъ лицахъ темный бѣсъ:
Ты—война, зараза, голодъ;
И кометы вѣковой
Хвостъ вiется за тобой,
Навѣвая смертный холодъ,
Очи въ кровь потоплены
Какъ затмѣніе луны!
Погибаемъ, погибаемъ,
И тебя мы проклинаемъ!
Анаѳема! Анаѳема! Анаѳема!

Небо (гремя съ высоты)

И нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!

Земля (глухо откликаясь)

Аминь!

Послѣдній приливъ моря—городъ исчезаетъ.

Небо и Земля (въ одинъ голосъ)

Аминь!!!

Волны въ торжественныхъ колесницахъ скачутъ по развалинамъ древняго города; надъ ними въ воздухѣ паритъ Немезида, и потрясая бичемъ говоритъ:

Мщенье неба совершилось!
**Все* волнами поглотилось!
Сѣверные льды сошли.
Карѳагенъ! спокойно шли
Прямо въ Индью корабли!
Нѣтъ враждебныя земли!

Музыка играетъ торжественный маршъ. Являются всѣ народы, прошедшіе, настоящіе и будущіе и поклоняются Немезидѣ.

Хоръ народовъ.

Преклоняемся, смиряемся,
О богиня! предъ тобой,
И какъ дѣти поучаемся
Чтить любви законъ святой!
Паказуется гордыня
И народовъ и царей,
И равно сѣчетъ богиня
Флотъ и лодку рыбарей!

Всѣ народы, настоящіе, прошедшіе и будущіе соединяются съ служебными духами Немезиды и вмѣстѣ съ ними, составляютъ большой балетъ. Буря утихаетъ—и, надъ гладкою поверхностью моря, съ Востока подымается вѣчное солнце. Музыка играетъ

* Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ здѣсь поставлено собственное имя: но оно такъ мудрено, что мы не рѣшились принять это чтеніе въ свой текстъ.

тихій маршъ. Небо и земля посылаютъ взаимныя привѣтствія. Занавѣсъ опускается.

Въ заключеніе тѣ же актеры имѣютъ честь представить:

Торжество смерти.

(Интермедія)

Занавѣсъ подымается. Театръ представляетъ вселенную во всей ея красотѣ и великолѣпіи. Большой балетъ, небесныя тѣла проходятъ въ стройной пляскѣ, подъ музыку міросданія.

Является Смерть—прекрасный юноша, на бѣломъ конѣ. На плечахъ его развѣвается легкая бѣлая мантія, на темнорусыхъ кудряхъ вѣнокъ изъ подснѣжниковъ.

Небо и земля и народы земли и прочихъ планетъ сопровождаютъ Смерть съ громкими восклицаніями:

Vive la mort! vive la mort! vive la mort!

Смерть.

Обновляйся ликъ природы
Ветхій міръ пади во прахъ!
Вспрянъте юные народы,
Въ свѣжихъ вольности вѣнкахъ!

Юные народы тѣснятся около Смерти, обнимаютъ ея колѣна, цѣлуютъ ея серебряныя шпоры и позолоченныя стремена:

Vive la mort! vive la mort! vive la mort!

Хоръ юныхъ народовъ поетъ

ГИМНЪ СМЕРТИ.

Веселитеся! спаситель,
Царь нашъ, міра искупитель,
Въ свѣтломъ торжествѣ грядетъ!
Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!
Новый богъ младой вселенной!

Міръ тобою обновленный
Пѣснь хвалы тебѣ поетъ!
Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!

1ое Полухоріе.

Ветхаго Творца съ престола
Свергнувъ мощною рукой,
Царствуй, царствуй богъ веселый,
Рѣзвый, вѣтренный, живой!
Богъ свободы, богъ движенья,
Вѣчнаго преображенья!
Богъ всесокрушающій!
Богъ всевоскрешающій!
Богъ всесозидающій!
Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!
Ветхое, ничтожное,
Слабое и ложное
Предъ тобой падетъ!
Вольное, младое,
Творчески-живое
Смертью разцвѣтетъ!
Аллелуія! Аллелуія! Аллелуія!

Корифей.

Не сидишь ты на престолѣ,
Какъ властитель намъ чужой,
Мрачный и враждебный волѣ
Нашей жизни молодой.
Нѣтъ! Ты между нами ходишь,
Нашей жизнію живешь,

Хороводы наши водишь,
Съ нами пѣснь любви поешь.

2ое Полухоріе.

Посмотри : скалы сѣдыя
Распахнулись предъ тобой,
И источники живые
Скачутъ сребряной струей.
Ступишь ты—и разцвѣтаютъ
Пышно изъ могилъ цвѣты,
Изъ цвѣтовъ вѣнки сплетаютъ
Новобрачныя четы.
Надъ могилою спокойной,
Радость буйная шумитъ,
И обнявшись, въ пляскѣ стройной,
Дѣва съ юношей летитъ.
Скрылись въ рощицѣ тѣнистой,
Межъ отеческихъ гробовъ,
И подъ ивою вѣтвистой,
Увѣнчалась ихъ любовь,
Рѣзвый богъ ! ты обрываешь
Розы дѣвственныхъ красотъ,
И цвѣтокъ преображаешь
Въ сочный и роскошный плодъ !
Аллилуія ! Аллилуія ! Аллилуія !

Весь хоръ.

Насъ исхитившій отъ тлѣнья
Средь темницы и оковъ,
Гласъ пріими благодаренья,
Царь царей и богъ боговъ.

А когда мы подъ клюкою,
Духомъ склонимся во прахъ,
Боже! дивною рукою
Обнови насъ въ сыновьяхъ.
Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!
Vive la mort! Vive la mort! Vive la mort!

Процессія удаляется. Музыка замираетъ въ неопредѣленныхъ звукахъ. Актеры и зрители исчезаютъ, какъ тѣни. Поэтъ одинъ со свиткомъ въ рукахъ, стоитъ на древнихъ развалинахъ. Богъ смерти является ему въ образѣ черноокой Венеціанки и..... Поэтъ изнываетъ въ ея объятіяхъ; но предъ кончиной онъ еще разъ беретъ арфу и прерывающимся голосомъ поетъ:

Пѣснь

Умирающаго поэта.

Гори гори, мой факелъ томный!
Но вспыхни предъ концемъ живѣй!
На мой ты жребій грустный, темный
Сіянье тихое пролей!
Вся жизнь моя—одно желанье,
Несбывшійся надежды сонъ,
Или художника мечтанье,
Набросанное на картонъ.
И страждущая грудь лелѣетъ
Видѣній дивную семью:
Рука дрожитъ, языкъ нѣмѣетъ
Осуществить мечту мою.
Созданье вѣчное готово,
И рвется изъ груди поэта —
Кто скажетъ творческое слово?
И разольется море свѣта.

Давно въ груди поэта рдѣетъ
Россіи свѣтлая заря—
О! выньте изъ груди зарю!
Пролейте на небо Россіи!

Поэтъ начинаетъ бредить:

О! дайте предъ кончиной
Пѣснь громкую пропѣть!
Я съ пѣснью лебединой
Хотѣлъ бы умереть!
Гремитъ на полѣ ратномъ
Побѣды крикъ въ рядахъ,
И я въ крови, съ булатнымъ
Мечемъ, паду во прахъ.....
И счастія Россіи
Залогъ вамъ—кровь моя!
И всѣ грѣхи Россіи
Омоетъ кровь моя!
Мое вы сердце въ урну
Съ почтеньемъ положите!
И русскимъ эту урну,
Въ день славы покажите!
Хоругвь твоя заблещетъ,
Потомство, предо мной!
Мой пепелъ затрепещетъ
Подъ крышкой гробовой.....
Я силой благодатной
Прольюся на Россію,
И Русскій ножъ булатный.

. . . . . .

Поэтъ, испугавшись цензуры умираетъ недокончивъ куплета. Занавѣсъ упадаетъ съ шумомъ—для кого? Поэтъ былъ послѣдній актеръ и послѣдній зритель.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ТРІАНОНѢ.

Ночь лѣтнюю смѣняло утро...
Отливомъ блѣднымъ перламутра
Востокъ во мракѣ засіялъ,
Угасъ рой звѣздъ на небосклонѣ,—
Не унимался въ Тріанонѣ
Веселый шумъ, и длился балъ.
И въ свѣжемъ сумракѣ боскетовъ,
Вездѣ вопросовъ и отвѣтовъ
Живые шопоты неслись;
И въ толкахъ о своихъ затѣяхъ,
Гуляли, въ стриженныхъ аллеяхъ,
Толпы напудренныхъ маркизъ.
Но гдѣ, въ глуби, сквозь зелень парка,
Огни не такъ блестѣли ярко,
Шли, избѣгая шумныхъ встрѣчь,
Въ тотъ часъ, подъ липами густыми,
Два гостя тихо,—и межъ ними
Иная продолжалась рѣчь.
Не походили другъ на друга
Они; одинъ былъ сыномъ юга,
Повсюду странный человѣкъ;
Высокій станъ, какъ шпага гибкій,
Уста, съ холодною улыбкой,
Взоръ быстрый, изъ подъ быстрыхъ вѣкъ.
Другой—рябой и безобразный,

Казался чуждъ толпѣ той праздной,
Хоть съ ней встрѣчался не въ первой,
И шедши, полонъ думой злою,
Съ походкой львиной, онъ порою,
Качалъ огромной головой.
Онъ говорилъ:
"Приходитъ время!
Пусть тѣшится младое племя!...
Внезапно, средь его утѣхъ,
Проглянетъ черни вопль голодный,
И предъ анаѳемой народной,
Замолкнетъ наглый этотъ смѣхъ."
— Да, молвилъ тотъ, всегда такъ было!
Влечетъ насъ роковая сила,
Свой старый долгъ они спѣшатъ,
Довесть до страшнаго итога;
Онъ взыщется сполна и строго,
И близокъ тяжкій день уплатъ.
Свергая древніе законы,
Народовъ встанутъ милліоны...
Кровавый наступаетъ срокъ!
Но мнѣ знакомы бури эти,
И четырехъ тысячелѣтій
Я помню горестный урокъ!
И нынѣшняго поколѣнья
Затихнутъ грозныя броженья.
Людской толпѣ, повѣрьте, графъ,
Опять понадобятся узы,
И бросятъ, эти же французы,
Наслѣдство выстраданныхъ правъ.

"Нѣтъ не сойдусь я въ этомъ съ вами,
Примолвилъ графъ, сверкнувъ очами,
Нѣтъ, лжи не вѣчно торжество!
Я сынъ скептическаго вѣка,
Но твердо вѣрю въ человѣка,
И не боюсь я за него.
Народъ окрѣпнетъ для свободы,
Созрѣютъ медленные всходы,
Дождется новыхъ онъ началъ.
Вѣка считая скорбнымъ счетомъ,
Своею кровью онъ и потомъ,
Не даромъ землю утучнялъ."
Замолкъ онъ, взрывъ смиряя тщетный,
А тотъ, улыбкой чуть замѣтной,
На страстную отвѣтилъ рѣчь.
Потомъ, взглянувъ на графа остро,
— Нельзя, сказалъ онъ, Каліостро
Словами громкими увлечь.
Своей не терпишь ты неволи,
Свои ты ненавидишь боли,
И противъ жизненнаго зла,
Идешь съ неотразимымъ жаромъ;
Въ себя ты вѣришь,—и не даромъ,
Графъ Мирабо,—въ свои дѣла.
Ты знаешь, что въ тебѣ есть сила,
Какъ путеводное свѣтило,
Жить средь гражданскихъ непогодъ;
Что, во влеченьи вѣчно-юномъ,
Своимъ любимцемъ и трибуномъ
Провозгласитъ тебя народъ.

Да!—и пойдетъ онъ за тобою,
И кости онъ твои, съ мольбою,
Внесетъ, быть можетъ, въ Пантеонъ.
А новымъ опьянѣвъ успѣхомъ,
Съ проклятьемъ, можетъ быть, и смѣхомъ,
По вѣтру ихъ развѣетъ онъ.
Всегда въ его тревогѣ страстной
Являлся, вслѣдъ за мыслью ясной,
Слѣпой и дикій произволъ;
Всегда любовь его безплодна,
Всегда онъ былъ по-очередно
Иль лютый тигръ, иль смирный волъ.
Толпу я знаю не отнынѣ!
Шелъ съ Моисеемъ я въ пустынѣ:
Покуда онъ, моля творца,
Народу несъ скрижаль закона,
Народъ плясалъ вкругъ Аарона
И лилъ въ безуміи тельца.
Я видѣлъ гнѣвнаго пророка,
Какъ онъ разбивъ кумиръ порока,
Сталъ средь трепещущихъ людей,
И повелѣлъ имъ полонъ гнѣва,
На право рѣзать и на лѣво
Отцевъ и братьевъ и дѣтей.
Я въ циркѣ зрѣлъ забавы Рима:
На встрѣчу гибели шелъ мимо
Рабовъ послушныхъ длинный строй,
Всемирной кланяясь державѣ,
И громкое звучало ave
Передъ несмѣтною толпой.

Я былъ въ далекой Галилеѣ:
Я видѣлъ какъ сошлись Евреи
Судить Мессію своего.
Въ награду за слова спасенья,
Я слышалъ вопли преступленья:
"Распни его! Распни его!"
Стоялъ величественъ и нѣмъ онъ
Когда блѣднѣющій игемонъ
Спросилъ у черни, оробѣвъ:
— Кого пущу вамъ по уставу?
"Пусти разбойника Варраву!"
Гремѣлъ толпы безумной ревъ.
Я помню праздники Нерона.
Одѣтъ бронею центурьона,
День памятный провелъ я съ нимъ.
Ему вино лила Помпея
Онъ пѣлъ въ стихахъ хвалу Энея,
И былъ кругомъ зажженный Римъ.
Смотрѣлъ я на бѣду народа:
Безъ силъ искать себѣ исхода,
Съ тупымъ желаніемъ конца,
Ломясь средь огненнаго града,
Людское умирало стадо
Въ глазахъ безпечнаго пѣвца.
Прошли вѣка надъ этимъ Римомъ
Опять я прибылъ пилигримомъ
Къ вратамъ знакомымъ съ давнихъ поръ
На площади былъ шумъ великій:
Всходилъ къ веселью черни дикой
Ея защитникъ на костеръ.

И грустныхъ встрѣчъ я помню много.
Была и здѣсь моя дорога :
Я помню какъ сбылось при мнѣ
Убійство злое войновъ храма.
Весь этотъ судъ грѣха и срама...
Я помню гимны ихъ въ огнѣ.
Сто лѣтъ спустя стоялъ я снова
Въ Руанѣ у костра другаго :
Спокойно умереть на немъ
Шла избавительница края,
И бѣшено ее ругая
Народъ опять ревѣлъ кругомъ.
Она шла тихо, безъ боязни,
Не содрогаясь къ мѣсту казни
Среди проклятій безъ числа,
И только разъ при взрывѣ гула
На свой народъ она взглянула,
Главой поникла—и прошла.
Я прожилъ ночь Варѳоломея :
По грудамъ труповъ свирѣпѣя,
Толпа неслась передо мной;
И новому предлогу рада,
Съ рыканьемъ звѣрскимъ, до упада
Свирѣпой тѣшилась рѣзней.
Я слышалъ вопли черни жадной,
Въ ея побѣдѣ безпощадной
Опять я видѣлъ большинство !
При мнѣ ватага угощала
Другъ друга мясомъ адмирала
И сердце жарила его.

И въ Англіи провелъ я годы.
Во имя вѣры и свободы
Я видѣлъ какъ игралъ Кромвель
Всевластно массою слѣпою
И смѣлою схватилъ рукою
Свою достигнутую цѣль.
Я видѣлъ этотъ споръ кровавый,
И судъ народа надъ державой,
Я видѣлъ плаху короля.
И гдѣ отецъ погибъ напрасно,
Сидѣлъ я съ сыномъ безопасно,
Развратный пиръ его дѣля.
И этотъ вѣкъ стоитъ готовый
Къ переворотамъ бури новой—
И грозный плодъ его созрѣлъ!
И много здѣсь оковъ разбитыхъ,
И тщетныхъ жертвъ и силъ сердитыхъ,
И темныхъ пронесется дѣлъ.
И дѣву, можетъ быть иную,
Карая доблесть въ ней святую,
Присудитъ къ смерти грозный судъ,
И за свои сразившись вѣры,
Иные, можетъ, тампліеры
Свой гимнъ на плахѣ запоютъ.
И вашимъ внукамъ разскажу я,
Что, возставая и враждуя,
Вы обрѣли въ своей борьбѣ,
Къ чему васъ повела свобода,
И какъ отъ этого народа
Пришлось отречся и тебѣ!

Онъ замолчалъ...
А вдоль востока,
Лучи зари блеснувъ широко,
Свѣтлѣй всходили и свѣтлѣй,
Взглянулъ въ опроверженьи рѣчи
На солнце яснаго предтечи,
Надменно будущій плебей,
И полонъ думой роковою,
Трахнулъ огромной головою
И оба молча разошлись.
А въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
Гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Много жизненныхъ вопросовъ
Разрѣшая такъ и сякъ,
Жилъ когда-то Грекъ философъ,
Удивительный чудакъ.
Онъ ходилъ какъ жалкій нищій,
Полунагъ и босикомъ,
И питался грубой пищей,
Сыть былъ брошеннымъ кускомъ.
Въ бочкѣ жилъ, лучами солнца
Освѣщаемъ и согрѣтъ
Онъ героя Македонца,
Покорившаго весь свѣтъ,
И царя, и полубога,
Гордой просьбой изумилъ:
"Отодвинься, братъ, не много,
Ты мнѣ солнце заслонилъ".
О давно-минувши лѣта,
Незапамятная старь!
Днемъ при полной силѣ свѣта,
Діогенъ зажегъ фонарь.
И въ толпѣ народа шумной
Онъ идетъ...кругомъ глядитъ....

"Ищешь ты кого, безумный?
— Человѣка",—говоритъ.
Строгій циникъ видѣлъ Грека
И въ хитонѣ, и въ плащѣ,
Но не видѣлъ человѣка
И искалъ его вотще.
Еслибъ шелъ онъ вѣкъ изъ вѣка
Вплоть до нынѣшнихъ временъ,
И донынѣ человѣка
Все искалъ бы Діогенъ.
Ищемъ мы его...Открыта
Намъ исторіи скрижаль,
Въ письменахъ ея развита
Дней давно протекшихъ даль.
Видимъ нѣсколько сокровищъ,
Много хлама жизни сей,
Много смертныхъ, лже-людей,
И властительныхъ чудовищъ,
И божественныхъ царей.
Всюду брани, да оковы,
Видны — Римлянинъ суровый,
Грубый Скиѳъ, изящный Грекъ....
Много смертныхъ полудикихъ,
Много мелкихъ, горсть великихъ,—
Гдѣ же просто человѣкъ?
Былъ одинъ. Онъ шелъ безъ грома,
Полонъ истины огнемъ,
Можно было ecce homo!
Смѣло вымолвить о немъ.
Онъ на всѣхъ смотрѣлъ съ любовью,

Всѣхъ къ безсмертью, какъ на пиръ,
Приглашалъ, и чистой кровью
Онъ Своей опрыснулъ міръ.
Этотъ міръ былъ Имъ испуганъ.
Онъ былъ схваченъ и поруганъ,
Былъ оплеванъ, былъ казненъ
Отъ ватаги фарисейской
Казнью крестною, злодѣйской,
И въ вѣнкѣ терновомъ Онъ
Опетъ пилъ средь смертной жажды....
Человѣкъ однакожъ могъ
Проявиться хоть однажды ?
Нѣтъ, я слышу: то былъ Богъ !

ПРАВЕДНИКИ.

I.

За обожаніе Христа,
За невредимость церкви новой—
Бывало шли съ душой готовой
На смерть, къ мученіямъ креста.
Терпѣли бодро пытки, казни,
Мужались вѣрою святой,
И ожидали безъ боязни
Предстать предъ Бога въ міръ иной.
И вотъ пріемники ученья
Христова помнятъ подвигъ ихъ
Ихъ смерть и славныя мученья,
И чтятъ ихъ именемъ "Святыхъ";
У нихъ заступничества просятъ,
Къ святымъ склоняясь образамъ,
Моленья теплыя возносятъ,
И курятъ вѣры ѳиміамъ.....
Но вы прошли вѣка чудесъ,
Вѣка нероновскихъ гоненій,—
И слѣдъ кровавый вашъ исчезъ!

Нѣтъ больше пытокъ и мученій,
Нѣтъ больше славнаго конца,
Среди терзаній страшныхъ тѣла
Не ждемъ мы райскаго вѣнца.....
И говорятъ, что охладѣло
Въ насъ упованье, что убилъ
Нашъ вѣкъ разсудкомъ вѣру сердца ;
Отцевъ преданіе разбилъ,—
Живетъ съ безпечностью безвѣрца;
И говорятъ, что никогда
Слѣпое наше поколѣнье
Ни свѣтлой мысли, ни плода
Не дастъ вѣкамъ въ нравоученье.....
Нѣтъ, недозрѣлые пророки!
Къ намъ справедливѣе судьба:
Она и намъ даетъ уроки,
И намъ данъ крестъ, дана борьба.
Къ чему намъ старыя преданья
Зачѣмъ намъ трогать пыль вѣковъ?
Есть и у насъ свои страданья,
Хоть нѣтъ ни пытокъ, ни костровъ.....
Хоть не должны мы лицемѣрить,—
Но можемъ мыслить какъ хотимъ;
И можемъ безъ боязни вѣрить
По убѣжденіямъ своимъ;
Но легіоны мелкихъ пытокъ
Насъ окружаютъ каждый часъ;
И мы невольно пьемъ напитокъ
Всеразрушительный для насъ.....

II.

И твердо вѣрю я, что много
У насъ есть "Праведныхъ" своихъ;
Но насъ житейская тревога
Кружитъ и мы не видимъ ихъ...
Какъ часто я благоговѣю
Предъ нашей женщиной-рабой!
Какъ горько плачу и жалѣю
Тебя, отверженный судьбой,
Тебя, осмѣянный толпою
Чиновникъ, бѣдный рабъ труда...
Я преклоняюсь иногда
Предъ твердостью твоей простою.
Ходожникъ, рабъ, жена, поэтъ,
Вы всѣ—зачѣмъ вы крестъ несете?
И за мученья долгихъ лѣтъ
Какихъ наградъ отъ неба ждете?
Васъ не зачислятъ въ ликъ святой,
Не расточатъ вамъ поклоненій,
Вы всѣ смѣшаетесь съ толпой.....
Нашъ вѣкъ не тотъ, что полонъ вѣры,
Съ надеждой въ небо умиралъ—
Намъ вѣка этого примѣры
Смѣшны и страненъ идеалъ.....
Зачѣмъ же вы, съ какою цѣлью
Страданье благамъ предпочли,
И чужды счастью и веселью
Дѣтей неправедныхъ земли?
Зачѣмъ живете вы страдая!

Васъ не поймутъ, не оцѣнятъ.....
За тѣмъ что истина святая
Для васъ дороже всѣхъ наградъ;
За тѣмъ, что вѣра въ воздаянье
Вамъ для терпѣнья не нужна,
Не утѣшаетъ Васъ она
Въ часы глубокаго страданья.
Среди житейскихъ мукъ вашъ взоръ
Не видитъ вратъ отверзтыхъ рая,
И пытки жизни, смерть, позоръ
Несете вы не ожидая—
Утѣхъ заоблачнаго края ....
"Стремленье къ истинѣ святой,
Да вѣра въ голосъ благородный
Своей души, да духъ свободный."
Вотъ Катехизись вашъ простой!

С. Петербургъ 18 Января 1847 года.

***

Добро бъ мечты, добро бы страсти
Съ мятежной прелестью своей—
Держали насъ въ могучей власти,
Сбивали насъ съ прямыхъ путей ;
Нѣтъ! счастьемъ мелкаго объема
Довольны мы безъ бури, грома,
И мирно путь проходимъ свой,
И, тратя жизнь разумной мѣрой,
Съ туманнымъ днемъ, съ погодой сѣрой
Въ согласный ладъ живемъ душой.
Но эта жизнь — ни сонъ, ни бдѣнье,
Богъ знаетъ что. Подъ часъ, друзья,
Какое горькое презрѣнье
Къ себѣ и къ вамъ питаю я.
Намъ все дано: мы грубой ложью
Затмить не въ силахъ правду божью,—
Такъ ярокъ свѣтъ ея вдали ;
Ее мы чтимъ, о ней мы тужимъ!
Но гдѣ-же храмъ, въ которомъ служимъ?
Какія жертвы принесли?
А впрочемъ мы, дворянской лѣнью
Врачуя совѣсти недугъ,
Святому истины служенью

Свой барской жертвуемъ досугъ.
Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ....
Что-жъ толку въ томъ? проходятъ лѣта—
Любовь по прежнему мертва.....
О! слово старое поэта—
"Слова, слова, одни слова!"
Не то, что-бъ жили мы безстыдно,
Но спимъ, но дремлемъ мы обидно,
Но постепенно силы въ насъ,
Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешевыхъ,
Счастливо гаснутъ каждый часъ.
Не все же сонъ. Худыхъ желаній
Соблазнъ послышавъ иногда,
Обману ловкихъ оправданій
Мы поддаемся безъ труда...
Мудрецъ умомъ, хитрецъ душою,
Какъ примирился ты съ собою?
Какъ столько выгодъ согласилъ
Ты съ духомъ мудрости змѣиной?
Какой златою серединой
Ты путь опасный проходилъ?
Нѣтъ, темныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
Съ неправдой—намъ не допусти,
Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,

Блаженство сонныхъ возмути.
Да пробудясь въ восторгѣ смѣломъ,
Съ отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самымъ дѣломъ
Почтимъ велѣнія твои.
О, дай же намъ благую дерзость—
Нарушить быта тишину,
Законовъ зла повѣдать мерзость
И въ царство злыхъ внести войну.
Пускай пожретъ насъ пламень бранный,
Пусть знойный духъ снѣдаетъ насъ—
Одной мечтой, одной желанной,
Одной заботой непрестанной,
И день, и ночь, и каждый часъ.

СОБАЧІЙ ПИРЪ.

(Переводъ изъ Барбье).

Когда взошла заря и страшный день багровый,
Народный день насталъ,
Когда гудѣлъ набатъ, и крупный дождь свинцовый
По улицамъ хлесталъ,
Когда Парижъ взревѣлъ, когда народъ воспрянулъ,
И малый сталъ великъ,
Конечно, не было тамъ видно ловко сшитыхъ
Мундировъ нашихъ дней—
Тамъ дѣйствовалъ напоръ лохмотьями прикрытыхъ,
Запачканыхъ людей,
Чернь, грязною рукой, тамъ ружья заряжала
И закопченнымъ ртомъ,
Въ пороховомъ дыму, тамъ сволочь восклицала :
Е.... м... ! Умремъ !
А эти баловни въ натянутыхъ перчаткахъ,
Съ батистовымъ бѣльемъ,
Женоподобные, въ корсетахъ, на подкладкахъ,
Тамъ были-ль подъ ружьемъ ?
Нѣтъ ! ихъ тамъ не было, когда все низвергая
И сквозь картечь стремясь,

Та чернь великая и сволочь та святая
Къ безсмертію неслась.
А тѣ господчики, боясь громовъ и блеску,
И слыша грозный ревъ,
Дрожали гдѣ нибудь вдали, за занавѣску,
На корточки присѣвъ.
Ихъ не было въ виду, ихъ не было въ помннѣ
Средь общей свалки тамъ,
Затѣмъ, что—видите-ль—свобода не графиня
И не изъ модныхъ дамъ,
Которыя, нося на истощенномъ ликѣ,
Румянъ карминныхъ слой,
Готовы въ обморокъ упасть при первомъ крикѣ,
Подъ первою пальбой;
Свобода—женщина съ упругой, мощной грудью,
Съ загаромъ на щекѣ,
Съ зажженнымъ фитилемъ, приложеннымъ къ орудью,
Въ дымящейся рукѣ;
Свобода—женщина съ широкимъ, твердымъ шагомъ,
Со взоромъ огневымъ,
Подъ гордо вѣющимъ, по вѣтру краснымъ флагомъ,
Подъ дымомъ боевымъ;
И голосъ у нея, не женственный сопрано:
Ни жерлъ чугунныхъ рядъ,
Ни мѣдь колоколовъ, ни шкура барабана,
Его не заглушатъ.
Свобода—женщина; но въ сладострастьи щедромъ,
Избранникамъ вѣрна,
Могучихъ лишь однихъ, къ своимъ пріемлетъ нѣдрамъ,
Могучая жена.

Ей нравится плебей, окрѣпнувшій въ проклятьяхъ,
А не гнилая знать,
И въ свѣжей кровію дымящихся объятьяхъ
Ей любо трепетать.
Когда-то яркая, какъ бѣшеная дѣва,
Явилась вдругъ она,
Готовая дать плодъ отъ дѣвственнаго чрева,
Грядущая жена!
И гордо вдаль она, при кликахъ изступленья,
Свой простирала ходъ,
И цѣлыя пять лѣтъ, горячкой вождѣленья,
Сжигала весь народъ;
А послѣ кинулась вдругъ къ палкамъ, къ барабану,
И маркитанткой въ станъ
Къ двадцатилѣтнему явилась капитану:
"Здорово капитанъ!"
Да, это все она! она, съ отрадной рѣчью,
Являлась намъ въ стѣнахъ,
Избитыхъ ядрами, испятнаныхъ картечью,
Съ улыбкой на устахъ;
Она — огонь въ зрачкахъ, въ ланитахъ жизни [краска,
Дыханье горячо,
Лохмотья, нагота, трехцвѣтная повязка
Чрезъ голое плечо.
Она—въ трехдневный срокъ, французовъ жребій [вынуть!
Она—вѣнецъ долой!
Измята армія, тронъ скомканъ, опрокинутъ
Кремнемъ изъ мостовой!

И что-же? о позоръ! Парижъ, столь благородный
Въ кипѣньи гнѣвныхъ силъ,
Парижъ, гдѣ нѣкогда великій вихрь народный
Власть львиную сломилъ,
Парижъ, который весь гробницами уставленъ
Величій всѣхъ времёнъ,
Парижъ, гдѣ камень стѣнъ пальбою продыравленъ,
Какъ рубище знамёнъ,
Парижъ отъявленный сынъ хартій, прокламацій,
Отъ головы до ногъ
Обвитый лаврами, апостолъ въ дѣлѣ націй,
Народовъ полу-богъ,
Парижъ, что̀ нѣкогда какъ свѣтлый куполъ храма
Всемирнаго блисталъ,
Сталъ нынѣ скопищемъ нечистоты и срама,
Помойной ямой сталъ,
Вертепомъ подлыхъ душъ, мѣстъ ищущихъ въ лакеи,
Паркетныхъ шаркуновъ,
Просящихъ нищенски для рабской ихъ ливреи
Мишурныхъ галуновъ,
Бродягъ, которые рвутъ Францію на части,
И сквозь щелчки, толчки,
Визжа, зубами рвутъ издохшей тронной власти
Кровавые клочки.
Такъ вепрь израненный, сраженный смертнымъ боемъ
Чуть дышетъ въ злой тоскѣ,
Покрытый язвами, палимый солнца зноемъ,
Простертый на пескѣ;
Кровавые глаза померкли; обезсиленъ—
Свирѣпый звѣрь поникъ,
Раскрытый зѣвъ его шипучей пѣной взмыленъ
И высунутъ языкъ;
Вдругъ рогъ охотничій пустыннаго простора

Всю площадь огласилъ
И спущенныхъ собакъ неистовая свора
Со всѣхъ рванулась силъ,
Завыли жадные, послѣдній песъ дворовый
Оскалилъ острый зубъ
И съ лаемъ ринулся на пиръ ему готовый,
На неподвижный трупъ.
Борзые, гончіе, лягавые, бульдоги:
Пойдемъ!—и всѣ пошли;
Нѣтъ вепря-короля! возвеселитесь боги!
Собаки-короли
Пойдемъ! свободны мы—насъ не удержать сѣтью,
Веревкой не скрутять,
Суровый старецъ насъ не пріударить плетью,
Не крикнетъ: "песъ! назадъ!"
За тѣ щелчки, толчки, хоть мертвому отплатимъ;
Коль не въ кровавый сокъ
Запустимъ морду мы, такъ падали ухватимъ,
Хоть нищенскій кусокъ!
Пойдемъ! и начали, изъ всей собачьей злости,
Трудиться, что есть силъ:
Тотъ песъ—щетины клокъ, другой обглодокъ кости
Клыками захватилъ,
И радъ бѣжать домой, вертя хвостомъ мохнатымъ.
Чадолюбивый песъ,
Ревнивой сукѣ въ даръ, и въ кормъ своимъ щенятамъ,
Хоть что нибудь принесъ,
И бросивъ, изъ своей окровавленной пасти,
Добычу, говоритъ:
"Вотъ, ѣшьте: эта кость—урывокъ царской власти.
Пируйте—вепрь убитъ.

ВѢРА И ЛЮБОВЬ.

(Изъ Беранже).

Другъ друга любите,
Господь нашъ сказалъ,—
О братья! живите,
Какъ онъ завѣщалъ.

У входа въ свѣтлый рай двѣ женщины сошлися,
Одна — монахиня, другая же актриса,
Одна въ монастырѣ и въ дѣвствѣ умерла,
Другая знала жизнь и всѣмъ была мила.
Святый апостолъ Петръ, у двери ихъ встрѣчая
И на актрису взоръ съ любовью устремляя—
"Не бойся" ей сказалъ: "Душа твой проводникъ;
Чтобъ въ Божій рай войти—не нуженъ духовникъ!"

***

Актриса не ждала подобнаго привѣта
И молвила въ слезахъ: я не была отпѣта!
"Во Франціи у насъ жестокій есть законъ:
Актёровъ и актрисъ лишаютъ похоронъ!"
Апостолъ возразилъ: "Всѣ ваши отпѣванья
Не служатъ ни къ чему: здѣсь цѣнятся дѣянья;
Того пріемлемъ мы, всѣмъ сердцемъ возлюбя,
Кто ближняго любилъ какъ самого себя.

***

Монахиня тогда апостолу сказала :
"Я жизнію своей и смертью доказала,
Какъ возлюбила я небеснаго творца :
Я цѣломудріе хранила до конца!"
— "А я, святой отецъ"—актриса говорила :
"Въ объятіяхъ любви творца боготворила!
И чашу радости со мной на единѣ
Пивали и монархъ и нищій наравнѣ!"

***

Въ чертогахъ золотыхъ и въ хижинѣ убогой
Я поучала всѣхъ держаться жизни строгой,—
И сколько грѣшныхъ душъ отъ ада отвлекла!"
Монахиня Петру апостолу рекла.
— "А я свой уголокъ не обращала въ келью,
Располагала всѣхъ къ радушному веселью :
Кто веселъ, тотъ всегда наклонится къ добру",
Актриса говоритъ апостолу Петру.

***

— "Сбирала деньги я у всѣхъ въ избыткѣ [сущихъ
И отдавала ихъ на пользу неимущихъ
Во имя Господа Спасителя Христа."—
Монахиня рекла и смолкнули уста...
— "А я, о, стражъ Христовъ! жила... и проживала!
Не знаю какъ брала, не помню какъ давала;
По бѣдные меня любили какъ сестру!"
Актриса говоритъ апостолу Петру.

***

Святый апостолъ Петръ съ весельемъ отпирая
Желаемую дверь божественнаго рая,
Благословеніемъ двухъ женщинъ осѣнилъ,
И гласомъ кротости къ обѣимъ возопилъ:
"О души добрыя! за то, что вы любили
Душою ближняго и ближнему служили,
Здѣсь жизнью вѣчною вы заживете вновь
Идите обѣ въ рай и Вѣра и Любовь!...
Другъ друга любите и т. д.

КНУТЪ.

(Подражаніе вѣткѣ Палестины Лермонтова).

Скажи мнѣ двигатель народный,
Символъ народной простоты,
Какой рукою благородной
И занесенъ откуда ты?

Отъ странъ ли дикаго востока
Пришелъ ты въ обществѣ меча,
Въ рукахъ ревнителей пророка,
Слѣпому рабству насъ уча?

Иль чуждаго происхожденья—
Ты по сродству намъ близокъ сталъ
И ни единаго мгновенья
Еще не русскимъ не бывалъ?

Скажи мнѣ: грѣшною спиною
Тебя кто первый перенесъ?
Отъ униженья-ль предъ тобою
Онъ лилъ потоки горькихъ слезъ?

Иль честью не обезпокоенъ
И крѣпокъ выей и хребтомъ,
Онъ былъ равно тебя достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?

Межъ нами, дѣйствуя свободно,
Пришлецъ въ Россіи вѣковой,
Ты лучшій стражъ любви народной
И власти вѣрный часовой!

КНУТЪ.

Ременный кнутъ, не безъуханный,
Забытый въ полѣ вижу я,
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

Кто далъ тебѣ твой видъ пріятный,
Тебя тесемкою обвилъ,
И кто твой кончикъ сыромятный
Такъ превосходно прикрѣпилъ?

Скажи мнѣ кто владѣлъ тобою,
И что онъ былъ за человѣкъ?
Съ тяжелой, легкой-ли рукою,
А главное, — кого ты сѣкъ?

Стегалъ-ли ты кляченки жалкой
Хребетъ и впалые бока,
Иль, мирно чередуясь съ палкой,
Гулялъ по ж... мужика?

Мужчинъ-ли больше ты исправилъ,
Иль также женщинъ поучалъ?
И тотъ зачѣмъ тебя оставилъ,
Кто, кнутъ! тобою обладалъ?

Ты, громко дѣвокъ вызывая—
Иль къ земскому, иль на гумно,
Иль къ барину подъ сѣнь сарая—
Стучалъ-ли въ низкое окно?

Иль, можетъ быть, о бичь славянскій!
Вооружась тобой, холопъ
Далъ з.....цѣ понять дворянской
Тоску простыхъ мужичьихъ ж...?

И чтобъ ни дѣлалъ ты донынѣ,
Привѣтъ тебѣ усердный мой,
Опора трона, другъ святыни,
Символъ страны моей родной.

СПОРЪ

(двухъ Державиныхъ, одного извѣстнаго стихотворца, а другаго оберъ-священника, члена синода.*)

I.

Единъ есть Богъ, единъ Державинъ!
Я въ глупой гордости мечталъ,
Одна мнѣ риѳма—древній Навинъ,
Кой солнца бѣгъ остановилъ.
Теперь другой Державинъ зрится,
И риѳма тажъ ему годится,
Но тотъ Державинъ—попъ, не я,
На мнѣ парикъ, на немъ скуфья.
И такъ чтобъ вратъ моихъ приставу
Въ Державиныхъ различье знать,
Пакетовъ съ почты по уставу
Чужихъ мнѣ въ домъ не принимать,
Не брать отъ имрека пасквилей,
Цидулъ, листовъ,—не быть впредь филей,
Даю сей вратнику приказъ
Не выпускать сего изъ глазъ:

* Причина спора ихъ — одинаковая фамилія. По ошибкѣ или по какой другой причинѣ принесли пакеты оберъ-священника Державина къ бывшему сенатору Державину, который для избѣжанія впредь ошибки, пишетъ своему приставнику приказъ.

На имя кто-бъ мое пакеты,
Какія бъ письма ни принесъ,
Вопросъ быть долженъ на отвѣты—
Тотчасъ отдать бумагъ тѣхъ вѣсъ,
Сказать : кому, отколь писанья ?
И всѣ тѣ произвесть сказанья
Свободнымъ безъ запинокъ ртомъ,
Подметны-жъ письма жги огнемъ.
А чтобъ Державина со мною
Другаго различилъ ты самъ,
Вотъ знакъ : тотъ младъ, хотя съ брадою ;
Я старъ—юнъ духомъ по грѣхамъ.
Онъ въ рясѣ длинной и широкой,
Мой фракъ кургузъ и полубокой ;
Онъ въ волосахъ, я голъ главой,
Я подлинникъ, онъ списокъ мой.
Онъ пѣлъ молебны, панихиды,
И ихъ по нынѣ онъ поетъ ;
Слуга я Марса былъ, Ѳемиды,
А нынѣ отставной поэтъ ;
Онъ пастырь чадъ, отецъ духовной
А я правитель былъ народной,
Онъ оберъ-попъ, я ктиторъ музъ,
Поднесь пресвитеръ ихъ зовусь.
Кропить водой, брянчить кадиломъ
И тянетъ руку ко рту дамъ ;
За честь я чту тянуться съ рыломъ
И цѣловать ихъ руки самъ.
Онъ молитъ небеса о мирѣ,
Героевъ славлю я на лирѣ ;

Онъ тайны сердца исповѣсть,
Скрывать я шашни чту за честь.
Различенъ платьемъ и дѣлами,
Онъ ѣстъ кутью, а я солму,
Онъ громокъ многими псалмами,
Я въ день шепчу по одному.
Державинъ родъ съ потопа влекся,
Онъ въ Семинаріи нарекся,
По сходству риѳмъ моихъ и стопъ
Мой дѣдъ мурза, его дѣдъ попъ.
И словомъ, онъ со мной не сходенъ
Ни видомъ, ростомъ, ни лицемъ,
Душей быть можетъ благороденъ,
Но гербомъ не Державинъ—онъ!
Въ моемъ звѣзда рукой держима,
А имъ клюка иль трость носима;
Онъ можетъ четки внесть въ печать,
Я лирой золотой брянчать.
А потому почталіоновъ
Его носящихъ письма мнѣ,
Отправя множествомъ поклоновъ,
Не средь обѣда, ни во снѣ,
Не рушь ты моего покою,
Но позлащенной булавою
Съ двора ихъ честью провожай:
Державу съ митрой различай!

II.

Отвѣтъ оберъ-священника Державина.

Опомнись, осмотрись, Державинъ,
Какой ты дичи наблѣялъ!
Одна тебѣ есть риѳма Навинъ,
Кой солнца бѣгъ остановилъ.
Единъ есть Богъ и Вседержитель;
Державинъ есть въ державѣ житель,
Въ державѣ житель не одинъ,
А риѳма есть ни родъ, ни чинъ.
Нѣтъ нужды спорить мнѣ съ піитомъ,
Богатой риѳмы мнѣ не жаль,
Я долженъ толковать съ левитомъ
Начало вѣры и скрижаль.
На что же было издѣваться
Что могъ Державинымъ назваться
Другой, тоя-жъ державы членъ,
Кой столько же въ нее влюбленъ?
На что-жъ вставать изъ за обѣда,
Писать обширный сей приказъ,
Колоть невиннаго сосѣда
Не въ бровь, а прямо въ самый глазъ?
Не знаю я твоихъ пороковъ,
Займовъ, кредитовъ и просроковъ
На что примѣты всѣ считать?
Довольно надпись прочитать.
Зоиловыхъ держась ты правилъ,
Искалъ въ чужой сорочкѣ блохъ,
Но свой лишь вшивый тылъ представилъ

Въ сатирѣ сей, какъ архилогъ;
Я зналъ различье между нами,
Хоть мы и сходны именами,
Я младъ лѣтами—ты старикъ,
Ношу я митру—ты парикъ.
Не попъ, а оберъ я священникъ,
Рѣшитель здѣсь грѣховныхъ узъ;
Ѳемидинъ только ты кожевникъ,
Не ктиторъ, а питомецъ музъ.
Я членъ святѣйшаго синода,
Ты былъ правителемъ народа;
Я ветхій съ новымъ чту завѣтъ,
Тебѣ извѣстнѣе* балетъ!
Я въ рясѣ длинной и широкой,
Власы имѣю и браду;
Твой фракъ кургузъ и полубокой,
И плеть поверхъ его въ виду.
И то скажу, съ отважнымъ рискомъ,
Что мнѣ нельзя твоимъ быть спискомъ:
Съ чего браду и волосъ снять?
Чѣмъ рясу съ фрака дополнять?
Пою молебны, панихиды—
Мой долгъ и польза есть виной;
Слугой бывъ Марса и Ѳемиды,
Министръ ты нынѣ отставной.
Кроплю водой, бренчу кадиломъ,
Тебя къ рукѣ не кличу съ рыломъ,
Но крестъ святой лобзать даю,
Кто хочетъ—руку чтитъ мою.

* Вар. Пора плясать.

Я пастырь есмь овецъ словесныхъ,
Завистникъ ты красотъ тѣлесныхъ;
Я тайны сердца исповѣмъ,
Ты, зная ихъ, разскажешь всѣмъ;
Бужу всѣхъ многими псалмами,
Едва-ль внушу по одному;
Кутью ѣдятъ міряне сами,
Одинъ ты кушаешь салму.
Тебѣ не нужны ѳиміамы,
Ниже съ водой святою крестъ,
Однѣ въ умѣ вертятся дамы,
Хотя-бъ среди священныхъ мѣстъ.
Всѣхъ родъ исходитъ отъ Адама,
Хоть кавалеръ кто будь, иль дама—
Всѣ мы отъ ноевыхъ сыновъ,
Беремъ различіе чиновъ.
Кто тамъ мурзой именовался,
О томъ совсѣмъ не знаю я,
Но, какъ историкъ отозвался,
Была въ ковчегѣ и свинья.
Мой родъ и всѣ въ Россіи дѣды,
Татары—только намъ сосѣды,
Державинъ есть россійскій сынъ,
Мурза—князей татарскихъ чинъ.
Учась въ россійскомъ институтѣ,
Сіе я имя заслужилъ;
Твой, можетъ статься, дѣдъ въ Бахмутѣ,
Его мурзенку наложилъ.
Мой гербъ есть: книга, крестъ и митра,
Твой гербъ: звѣзда въ рукѣ—безъ скиптра,

Клюка-жъ—хромыхъ и отставныхъ,
А четки—ангеловъ земныхъ.
Что я съ тобой во всемъ не сходенъ
Признался ты и я не лгу,
Но быть душею благороденъ,
Всегда хочу я и могу.
Ошибка-ль чья тому виною,
Или игрушка надо мною,
Что поданъ мой тебѣ пакетъ?
Моей вины однако-жъ нѣтъ!
Коль многими уже вѣками,
Нашъ чинъ включенъ въ оригиналъ,
Какой бы, дерзкими руками,
Похитить могъ его нахалъ?
Мнѣ въ чинѣ сдѣлалъ ты убавку,
Дабы заспать свою отставку,
Дабы татьбой чужихъ заслугъ,
Открыть природный свой недугъ.
Теперь, казалось, расквитались,
Державинъ, мы уже съ тобой,
И многи безъ кишекъ остались,
Смотря на сей безкровной бой.
Но будь и въ томъ уже увѣренъ,
Коль будешь также неумѣренъ,
Такъ знай, что ѣду не свишу
А какъ наѣдишь—не спущу.
А ты, Козминъ, таинникъ вѣрный
Возьми пасквиль его прескверный
И мной написанный отвѣтъ
Хранить на случай въ кабинетъ.

Чтобъ встрѣчей намъ сему подобныхъ
Впередъ съ тобою не видать;
При случаяхъ тому удобныхъ
Сіе имѣешь наблюдать:
Пріемля и нося пакеты,
Различье помни и примѣты,
Подложныхъ писемъ не примай
И самъ печатей не замай.

РАЗГОВОРЪ ВЪ 1849 ГОДУ.

Николай.

А, Вронченко, ты здѣсь! Насилу! очень радъ!
Хочу я войска часть отправить за Карпатъ.
Мнѣ вопли Австріи такъ добрались до сердца,
Что даже личный врагъ милѣе мнѣ Венгерца.
Маршрутъ составленъ мной, приказы отданы;
Развязывай кошель и не жалѣй казны.
Войску нашему маршрутъ:
Пусть ихъ лямку трутъ,
Па Венгерца прутъ,
За Австрійца мрутъ,
Вмѣсто ихъ рекрутъ
Втрое наберутъ.

Вронченко.

Царь—отечества отецъ!
Гроши сгибли на дворецъ,
На желѣзныя дороги
И на невскій мостъ,
Прошлогодніе итоги
Намъ поджали хвостъ

Николай.

Вотъ дѣло мнѣ нашелъ разсматривать итоги,
Ихъ не поставишь въ строй не вытянешь имъ ноги;
Мнѣ нужно, чтобъ ты былъ въ своихъ проэктахъ [быстръ,
Иначе ты хохолъ, и вовсе не министръ.

Вронченко.

Вамъ извѣстно, что расходъ
Прибываетъ каждый годъ,
И не даромъ за ушами
Чешетъ бѣдный нашъ народъ.
Всѣ финансы по рукамъ
Такъ и льются здѣсь и тамъ;
А ужъ главный надъ путями
Безъ пути берётъ.

Николай.

Терпѣть я не могу нелѣпыхъ оттоворокъ,
Что деньги? прахъ и тлѣнъ, мнѣ мигъ желанья дорогъ!
Ты можешь про себя хохлацкія пѣть пѣсни,
Со мной по русски пой! Дай денегъ мнѣ! — хоть [тресни!

Волконскій.

(на голосъ: во саду-ли въ огородѣ:)

Да, какъ встрѣтится нужда,
А карманы узки,
То извѣстно что тогда
Надо пѣть по русски.
Русскій ладъ совсѣмъ иной,

Какъ-то заунывенъ;
И на немъ ужъ какъ ни пой
Будешь не противенъ.
Все по русски сущій вздоръ,
Чтобъ добраться цѣли
Жмемъ народъ до тѣхъ мы поръ
Сокъ пока есть въ тѣлѣ.
Имъ же лучше,—пусть сидятъ
Въ нищетѣ и мракѣ;
Вѣдь отъ жиру, говорятъ,
Бѣсятся собаки.

Николай.

Прекрасно и умно,—для насъ все сущій вздоръ.
Ступай, пиши проэктъ.... А, вотъ и Прокуроръ!
Ну, что у васъ хлопочутъ-ли въ Синодѣ,
Чтобъ Православіе поддерживать въ народѣ?

Протасовъ.

Для роднаго края
Царя Николая
Господи помилуй
На вѣки-вѣковъ!
За его заслуги
Жизнь его супруги
Господи спаси
На вѣки-вѣковъ!
Даромъ чудодѣйства
Царское семейство
Господи помилуй
На вѣки вѣковъ!

Для счастья народа,
Главныхъ лицъ Синода
Господи помилуй
На вѣки вѣковъ!
Отъ лихой напасти,
Всѣ чины и власти
Господи спаси
На вѣки вѣковъ!
Для смотровъ, параду,
Воинства громаду
Господи спаси
На вѣки вѣковъ!
А отъ просвѣщенья,
Всѣхъ безъ исключенья
Господи помилуй
Во вѣки-вѣковъ!

Николай.

Согласенъ я съ тобой, мысль очень хороша,
Въ ней видѣнъ русскій духъ и русская душа;
Но вотъ чего бы мнѣ хотѣлося добиться,
Какъ можетъ эта мысль на дѣлѣ проявиться?

Протасовъ.

(подъ тонъ мазурки)

Пусть насъ дуютъ палкой
Вдоль и съ перевалкой,
Мы вѣдь христіане:
Нашъ удѣлъ—терпѣть.

Можно подъ мазурку,
Съ насъ содрать и шкурку—
Господи помилуй!
Мы все будемъ пѣть.
У насъ, у Синода
Ужъ такая мода,
Скакаше, играя
Самъ святый Давидъ.
Нынче тѣ же нравы;
Для твоей забавы
Мы скакать готовы,
Хоть спина болитъ.

Николай.

Вотъ средство вѣрное, чтобъ къ намъ не допустить,
На дряхломъ западѣ возникшую крамолу,
И въ сердцѣ подданныхъ съ успѣхомъ перелить—
Любовь къ отечеству и преданность къ престолу.

ПАРОДІЯ

(Воронъ къ ворону летитъ)

Норовъ къ Борову летитъ,
Боровъ Норову кричитъ:
"Норовъ, какъ бы намъ уладить,
Просвѣщеніе спровадить."
Норовъ Борову въ отвѣтъ:
—" Дѣла тутъ большаго нѣтъ:
Стоитъ лекціи оставить
И студентовъ въ строй поставить."—
Книги всѣ лежатъ въ пыли,
Книги мохомъ поросли,
Нѣтъ науки, свѣта нѣтъ,
Умеръ университетъ.
Кѣмъ убитъ и отъ чего,
Знаетъ Фицтумъ лишь про то,
Знаетъ Пушкинъ, знаетъ Норовъ,
Да Россія, да самъ Боровъ.
Норовъ каску ужъ надѣлъ,
Боровъ міромъ завладѣлъ;
А Россія ждетъ иного,
Свѣта яснаго, живаго.

СПОРЪ.

(Пародія на балладу Лермонтова).

Какъ-то разъ подъ царскимъ кровомъ
Русскимъ не въ укоръ,
У Клейнмихеля съ Орловымъ
Былъ великій споръ.
Берегись, Орловъ вѣщаетъ,
Ты извѣстный плутъ;
Сердце что-то предвѣщаетъ,
Скоро будетъ судъ!
По твоимъ дѣламъ уплата!
О, страшись конца,
Ты поносная заплата
Царскаго вѣнца!
Слышишь плачь и скрежетъ велій!
Слышишь крики: воръ!
Не страшитъ тебя ужели
Плаха и топоръ?
Люди нынче не бараны,
Люди нынче злы,
И за плутни и обманы
Ты не жди хвалы.
Люди хитры! хоть опасенъ
Первый былъ толчекъ,—

Берегись! въ Сибирь ужасенъ
Отъ царя скачокъ!
—"Я Сибири не боюся!
Ты не сѣтуй братъ!
И когда я наживуся,
То готовъ хоть въ адъ.
Посмотри! чему не рады?
Мы живемъ какъ встарь:
На разводы, на парады
Ѣздитъ русскій царь;
Для воинственной забавы
Касокъ и штыковъ
Предковъ онъ забылъ уставы
И дѣла отцовъ;
И купаясь въ дымѣ пушки,
Счастливъ веселъ онъ;
На военныя игрушки
Промѣнялъ свой тронъ.
Мысли той въ немъ нѣтъ и тѣни,
Чтобъ меня казнилъ;
Трона я лижу ступени,
Чѣмъ же я не милъ?
Хоть не годенъ я въ наѣзды
Голова тупа,
А лежу считая звѣзды
Съ глотки до пупа.
Хвастать я тебѣ не стану
Прошлое цѣня,
Нѣтъ, не старому тирану
Уличить меня!"

— Не хвались еще заранѣ,
Самъ не будешь радъ,
Наша будущность въ туманѣ.
Чу! не слышишь братъ?—
И Клейнмихель тайной думой
Былъ тогда смущенъ
И на счетъ казенной суммы
Взоры кинулъ онъ,
И молчалъ въ недоумѣньи,
Жаръ въ немъ и морозъ:
Слышитъ страшное движенье
Лопнулъ паровозъ.
Отъ Невы и до Дуная,
Гдѣ каналы всѣ,
И щебенкою сверкая
Длинное шоссе,
Поднимаются видѣнья,
Грозныя шумятъ,
Подаютъ они прошенья
Счеты за подрядъ,
И за ними баталіоны,
Работящихъ строй,
И прошенья какъ знамёны
Вьются надъ толпой,
И повсюду слышны крики
И въ набаты бьютъ
Доказательства, улики
Словно рѣки льютъ.
И испытанный трудами,
Малый съ головой,

Ихъ ведетъ гроза перстами
Тоже плуть большой.
И глядя на ликъ побѣдный,
Полонъ грозныхъ словъ
Сталъ считать Клейнмихель бѣдный
И не счелъ враговъ.
Но опять тряхнулъ главою
Написалъ приказъ
И сказалъ, махнувъ рукою:
"Вѣдь не въ первый разъ!"

WINTERMAÆRCHEN

(изъ гейне).

Рѣдѣютъ туманы и первымъ лучемъ
Румяной зари освѣщёнъ
Вотъ крестъ съ изваяньемъ того, кто на немъ
Неправедно былъ пригвождёнъ.
Прискорбно стѣсняется сердце мое
При видѣ твоемъ, Назарей,
Мечтатель, безумецъ божественный, все
Забывшій для блага людей!
Соборъ фарисейскій коварно, безбожно
На гибель тебя осудилъ,
Зачѣмъ же такъ смѣло, такъ *неосторожно*
Ты равенству, братству училъ?
Не былъ по несчастью, во время твое
Извѣстенъ печатный станокъ,
Особою книжкой ученье свое
Пустить бы вѣрнѣе ты могъ.
Цензура, приличіе нравовъ любя,
Смарала бы много въ ней мѣстъ,
Какъ добрая мать, охраняя тебя,
И ты не попалъ бы на крестъ.

Какъ жаль, что съ талантомъ твоимъ и умомъ,
Ты не взялъ для рѣчи нагорной
Хоть текста другаго, чтобъ легче потомъ
Сойтись съ синагогой упорной.
Съ плеча бичевалъ ты злодѣйство, порокъ,
За что и прослылъ вольнодумцемъ,
Былъ преданъ и распятъ — въ урокъ
Подобнымъ грядущимъ безумцамъ.

ДВА РЫЦАРЯ

(подражаніе Гейне, изъ Романсеро)

Два остзейскіе барона
Мерзенштейнъ и Годенбургъ,
Чтобъ опорами быть трона
Снарядились въ Петербургъ.
Съ прусскимъ талеромъ въ карманѣ
До границы добрались,
Поселились въ чуланѣ
И за службу принялись.
Жили вѣрными друзьями
Какъ Орестъ и какъ Пиладъ
И пѣвали со слезами
Landesvater на разладъ.
Дружбы истинной законы
Не нарушили они,
Хоть и знатные бароны
Изъ остзейской стороны.
Безъ предательства дѣлили
Все, что дастъ имъ русскій Богъ;
Передъ старшими лисили
И сгибались до ногъ.

Скромно кушали въ харчевнѣ
Зная, что не долго имъ
Посрамлять свой титулъ древній
Униженіемъ такимъ.
Хоть на службѣ взятки брали,
Только съ цѣлію честной:
Деньги эти получали
Ихъ сапожникъ и портной.
Фракъ, пальто и панталоны
Сшили здѣсь себѣ они,
Какъ всѣ знатные бароны
Изъ остзейской стороны.
Вотъ сидятъ они въ чуланѣ
Подлѣ печки за столомъ,
Передъ ними пуншъ въ стаканѣ,
То есть просто голый ромъ.
Чаша на столѣ пустая,
Въ ней когда-то былъ глинквейнъ,
Пьяный, друга обнимая,
Восклицаетъ Мерзенштейнъ:
"Еслибъ менѣе служило
Этихъ русскихъ подлецовъ,
Честнымъ нѣмцамъ легче-бъ было
Шкуры драть здѣсь съ мужиковъ."
Годенбургъ вскричалъ пылая:
"Другъ! достойный рыцарь ты!
Вотъ бароновъ цѣль прямая:
На Россію мы кнуты!
Наши женщины рожаютъ
Ежегодно намъ ребятъ,

Дѣвки тѣмъ же промышляютъ —
Всѣ героевъ намъ родятъ.
Родъ нашъ для Россіи грозенъ!
Вновь появится: Бирономъ,
Скотендорфъ и Канальсгозенъ
И великій Сукензонъ!"

ПАРОДІЯ.

По снѣжнымъ сугробамъ Петровки,
Чуть свѣтъ заблеститъ въ фонаряхъ,
Плетеныя санки несутся,
Несутся на полныхъ рысяхъ.

Скрестивши замерзшія руки,
Подъ краденой шубой, на грудь,
Въ тѣхъ санкахъ сидитъ полицмейстеръ,
Главу опустивши на грудь.

И онъ, у подъѣзда театра,
Изъ санокъ является вдругъ,
На немъ треугольная шляпа
И форменный старый сюртукъ.

Скрестивши замерзшія руки,
Онъ ходитъ и взадъ и впередъ,
И квартусовъ громко онъ кличетъ,
И бутарей громко зоветъ.

Но квартусы зова не слышатъ,
Одни ужъ съ прохожимъ въ бою,
Другіе забыли въ трактирѣ,
И шляпу и шпагу свою.

***

Кавеньякъ, говоритъ,
Пьетъ коньякъ, говоритъ,
Ламартинъ, говоритъ,
Тянетъ джинъ, говоритъ,
Араго, говоритъ,
Пьетъ марго, говоритъ,
А Ролленъ, говоритъ,
Шамбертень, говоритъ,
И Гизо, говоритъ,
Былъ сизо говоритъ,
Да Филиппъ, говоритъ,
Старый грибъ, говоритъ,
Протрезвясь, говоритъ,
Сунулъ въ грязь, говоритъ.
Людовикъ, говоритъ,
Сталъ въ тупикъ, говоритъ,
Но какъ вникъ, говоритъ,
Онъ въ травникъ, говоритъ,
Сталъ въ моментъ, говоритъ,
Президентъ говоритъ;
А Кошутъ, говоритъ,
Старый шутъ, говоритъ,

Пьетъ токай, говоритъ,
Черезъ край, говоритъ,
Папа Пій, говоритъ,
Римъ не пей, говоритъ,
А народъ говоритъ
Врешь уродъ, говоритъ,
Будемъ пить, говоритъ,
И поповъ, говоритъ,
Будемъ бить, говоритъ,
Какъ клоповъ, говоритъ.
Виндишгрецъ, говоритъ,
О подлецъ! говоритъ,
Выпивъ грогъ, говоритъ,
Вѣну сжёгъ, говоритъ.
Что же Русь говоритъ?
О! насъ трусь, говоритъ,
Цѣльный ромъ, говоритъ,
Пьемъ ведромъ, говоритъ;
Врагъ съ мечёмъ, говоритъ,
Ни почёмъ, говоритъ,
Старъ и малъ, говоритъ,
Сочеталъ, говоритъ,
Лавръ и миртъ, говоритъ,
Квасъ и спиртъ, говоритъ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.

Въ одномъ изъ переулковъ дальнихъ
Среди друзей своихъ печальныхъ
Поэтъ въ подвалѣ умиралъ
И передъ смертью имъ сказалъ:
"Какъ я, назадъ тому семь лѣтъ,
Другой бѣднякъ покинулъ свѣтъ,
Такимъ-же сокрушенъ недугомъ.
Я былъ его ближайшимъ другомъ
И братомъ по судьбѣ. Мы шли
Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы,—равно къ обоимъ строгой.
Онъ честно истинѣ служилъ,
Онъ духомъ былъ смѣлѣй и чище,
За то и раньше проложилъ
Себѣ дорогу на кладбище.....
А нынѣ очередь моя.....
Его я пережилъ не много;
Я сдѣлалъ мало, волей Бога
Погибла даромъ жизнь моя.
Мои страданья были люты,
Но многихъ былъ я самъ виной;

Теперь, въ послѣднія минуты,
Хочу я долгъ исполнить мой,
Хочу сказать о бѣдномъ другѣ,
Все что́ я видѣлъ, что́ я зналъ
И что̀ въ мучительномъ недугѣ
Онъ честнымъ людямъ завѣщалъ.....
"Родился онъ почти плебеемъ,
(Что̀ мы безславьемъ разумѣемъ,
Что̀ онъ иначе понималъ).
Его отецъ былъ лекарь жалкой,
Онъ только пить любилъ, да налкой
Къ ученью сына поощрялъ.
Процессъ развитія—въ Россіи
Не чуждый многимъ—проходя,
Книжонки дѣльныя, пустыя
Читало съ жадностью дитя,
Притомъ какъ водится украдкой.....
Тоска мечтательности сладкой
Имъ овладѣла съ малыхъ лѣтъ.....
Какой прозаикъ иль поэтъ
Помогъ душѣ его развиться,
Къ добру и славѣ прилѣпиться—
Не знаю я. Но въ немъ кипѣлъ
Родникъ богатыхъ силъ природныхъ—
Источникъ мыслей благородныхъ
И честныхъ, безкорыстныхъ дѣлъ!....
"Съ кончиной лекаря, на свѣтѣ
Остался онъ убогъ и малъ;
Попалъ въ Москву, учиться сталъ
Въ московскомъ университетѣ;

Но выгнанъ былъ, не доказавъ
Какихъ-то о рожденьи правъ,
Не удостоенный патентомъ,—
И оставался цѣлый вѣкъ
Недоучившимся студентомъ.
(Одинъ ученый человѣкъ
Кололъ его неоднократно
Такимъ прозваніемъ печатно,
Но впрочемъ Богъ ему судья!...)
Бѣднякъ, терпя нужду и горе,
Въ подвалѣ жилъ—и началъ вскорѣ
Писать въ журналахъ; помню я—
Писалъ онъ много..... Мыслью новой,
Стремленьемъ къ истинѣ суровой
Горячій трудъ его дышалъ,—
Его замѣтили... Въ ту пору
Пришла охота прожектёру,
Который барышей желалъ,
Обширный основать журналъ.....
Вникая въ дѣло не глубоко,
Искалъ онъ одного, чтобъ тотъ,
Кто мѣсто главное займётъ
Писалъ разборчиво—и срока
Въ доставкѣ своего труда
Не нарушалъ бы никогда.
Бѣлинскій какъ-то съ нимъ списался
И жить на Сѣверъ перебрался...
"Тогда все глухо и мертво
Въ литературѣ нашей было:
Скончался Пушкинъ; безъ него

Любовь къ ней въ публикѣ остыла...
Въ бореньи пошлыхъ мелочей
Она погрязнувъ поглупѣла...
До общества, до жизни ей
Какъ будто не было и дѣла.
Въ то время какъ въ родномъ краю,
Открыто зло торжествовало
Ему лишь "баюшки баю"
Литература распѣвала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла къ цѣли;
Лишь два задорныхъ Поляка
На первомъ планѣ въ ней шумѣли.
Ужъ новой геній подымалъ
Тогда главу свою межъ нами,
Но онъ одинъ изнемогалъ,
Тѣснимъ безстыдными врагами;
Къ нему подъ знамя приносилъ
Запасъ идей, надеждъ и силъ
Кружокъ еще не смѣлый, тѣсной...
Потребность сильная была
Въ могучемъ словѣ правды честной,
Въ открытомъ обличеніи зла...
"И онъ пришелъ плебей безвѣстной!...
Не пощадилъ онъ ни льстецовъ,
Ни подлецовъ, ни идіотовъ,
Ни въ маскѣ жаркихъ патріотовъ,
Благонамѣренныхъ воровъ!
Онъ всѣ преданія провѣрилъ,
Безъ ложнаго стыда измѣрилъ

Всю бездну дикости и зла,
Куда заснувъ, подъ говоръ лести,
Въ забвеньи истины и чести,
Отчизна бѣдная зашла!
Опъ расточалъ ей укоризны
За рабство—вѣковой недугъ,
И прокричалъ врагомъ отчизны
Его—отчизны ложный другъ.
Надъ нимъ ужъ тучи собирались,
Враги шумѣли, ополчались.
Но дикій вопль клеветника
Не помѣшалъ ему нока.....
Въ немъ силы пуще разгорались
И между тѣмъ какъ передъ нимъ
Его соратники рѣдѣли,
Смирялись, пятились, нѣмѣли,
Онъ шелъ одинъ неколебимъ!...
"О! сколько есть душой свободныхъ
Сыновъ у родины моей,
Великодушныхъ, благородныхъ
И неподкупно вѣрныхъ ей,
Кто въ человѣкѣ брата видитъ,
Кто зло клеймитъ и ненавидитъ,
Чей свѣтелъ умъ и ясенъ взглядъ,
Кому разсудокъ не тѣснятъ
Преданья ржавыя оковы,—
Но всѣ-ль они признать готовы
Его учителемъ своимъ?.....
"Судьбой и случаемъ хранимъ,
Трудился долго онъ—и много

(Конечно, не безъ воли Бога)
Сказать полезнаго успѣлъ
И можетъ быть бы уцѣлѣлъ...
Но поднялась тогда тревога
Въ Парижѣ буйномъ—и у насъ
По своему отозвалась...
Скрутили бѣдную цензуру—
Послушавъ наконецъ клеветъ,
И разбирать литературу
Созвали цѣлый комитетъ.
По счастью въ немъ сидѣли люди
Честнѣй, чѣмъ былъ изъ нихъ одинъ—
Фанатикъ ярый Бутурлинъ,
Который не жалѣя груди,
Бѣснуясь повторялъ одно :
"Закройте университеты
И будетъ зло пресѣчено!....."
(О мужъ безсмертный! не воспѣты
Еще ни кѣмъ твои слова,
Но твердо помнитъ ихъ молва!
Пусть червь тебя могильный гложетъ,
Но сей совѣтъ тебѣ поможетъ
Въ потомство перейти вѣрнѣй,
Чѣмъ томъ исторіи твоей...)
"Почти полгода насъ судили,
Читали, справки наводили—
И неостался правъ никто...
Какъ быть! спасибо и за то,
Что не былъ судъ безчеловѣченъ...
Настала грустная пора

И честный свѣтель добра
Какъ врагъ отчизны былъ отмѣченъ;
За нимъ слѣдили, и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тутъ услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замученъ жизнью трудовой,
И постоянной нищетой,
Онъ умеръ... Помянуть печатно
Его не смѣли,—и о немъ
Слабѣетъ память съ каждымъ днемъ
И скоро сгибнетъ невозвратно!..."
Поэтъ умолкъ. А черезъ день
Скончался онъ. Друзья сложились
И надъ усопшимъ согласились
Поставить памятникъ, но лѣнь
Исполнить помѣшала вскорѣ
Благое дѣло, а потомъ
Могила заросла кругомъ:
Не сыщешь!... не велико горе!...
Живой печется о живомъ,
А мертвый спи глубокимъ сномъ.....

СВОБОДНОЕ СЛОВО.

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя,
Ты гонишь невѣжество, ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ правдѣ, ты къ свѣту ведешь
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока,
Для истины гибель она,
Спасенье отъ лжи и порока
Враждуетъ-ли съ ложью? Равно
*Живитъ ее жизнію новой**
Неправдѣ опасно одно
Свободное слово!

* Очевидно ошибка въ рукописи, которой мы не можемъ исправить.

Вотще огражденья всегда
Власть ищетъ лишь въ рабствѣ народа,
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда:
Защита отъ бунта — свобода.
Рабъ въ бунтѣ ужаснѣй звѣрей,
На ложь онъ мѣняетъ оковы,
Оружье свободныхъ людей
Свободное слово!

О слово, даръ Бога святой,
Кто слово даръ божескій свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,
Путь рабства кровавый укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ изцѣленье готово,
О духа единственный мечь—
Свободное слово!

ЖИЗНЬ ЧИНОВНИКА

МИСТЕРІЯ ВЪ 3-ХЪ ПЕРІОДАХЪ.

Дѣйствующіе :

Чиновникъ, будущій въ 1-мъ періодѣ, настоящій во 2-мъ и старикъ въ 3-мъ.
Демонъ службы,
Таинственный голосъ,
Хоръ духовъ и геніевъ,
Канцелярія присутственнаго мѣста,
Курьеръ.

ПЕРІОДЪ I.

[Комната скромно убранная, будущій чиновникъ сидитъ одинъ за столомъ, на которомъ лежатъ книги, бумаги, журналы и еще не разрѣзанные томы Свода Законовъ].

Будущій чиновникъ.

Да! вотъ вопросъ : служить иль не служить?
Какъ сильно онъ тревожитъ душу?
Не я-ль мечталъ для общей пользы жить?
Уже-ль теперь я свой обѣтъ нарушу?
Но службою достигну-ль цѣли я?
Но благородныя движенья,
Тревожная дѣятельность моя

Найдутъ ли въ ней себѣ вознагражденье,
Отраду-ль мнѣ пошлютъ въ моей глуши?
То поприще, что̀ предо мной открылось,
Спокоитъ ли стремленіе души?
Въ груди моей всегда такъ много билось.....

Демонъ службы.

Будешь жить спокойно, кругло и счастливо:
Лучше лавра гордаго мирная олива,
Пылкія и смѣлыя рушатся мечты,
Такъ съ судьбой заранѣе примиришься ты.
Самъ достопочтенный, ревностный чиновникъ,
Подчиненныхъ счастья будешь ты виновникъ,
И начальство высшее, дорожа тобой,
Грудь украсить лентою, осѣнитъ звѣздой;
Не ища фортуны милости случайной,
Будешь ты Дѣйствительный, будешь ты и Тайный.
Не толкуя о вещахъ превратно
И любя приличіе и миръ,
Приходи на службу аккуратно,
Надѣвай зеленый вицъ-мундиръ.
Лишь войдешь въ присутствіе, учтиво
Всѣхъ привѣтствуй, прочь отбросивъ спѣсь,
А взойдетъ начальникъ—торопливо
Ты поклонъ почтительный отвѣсь.....
Благородной службою довольный
На бумагахъ номеръ ты отмѣть,
Свой реэстръ перебери настольный;
Надо всюду зоркій глазъ имѣть...
Годъ за годомъ такъ промчатся мимо,

Чинъ за чиномъ станетъ приходить,
И начальствомъ и судьбой хранимый,
Будешь долго въ лонѣ мира жить;
И когда наступитъ годъ урочный,
Въ сердцѣ той-же ревностью горя,
Обрѣтешь знакъ службы безпорочной,
Пансіонъ по милости царя.

Будущій чиновникъ (какъ бы что припоминая).

Не буйная радость,
Веселье и шумъ—
Тревожили младость,
Плѣняли мой умъ
Силъ юныхъ отвага
Думъ гордыхъ полётъ,
Царь общаго блага
Высокихъ заботъ!
И грудь подымалась,
Ждалъ пламенно я,
Чтобы оправдалась
Надежда моя.
Мнѣ грустно! Ужели
Изъ сердца изгнать
О чемъ съ колыбели
Привыкъ я мечтать?

Таинственный голосъ

Прекраснаго въ тебѣ такъ тлится много!
Ты божьей искрой свыше надѣлёнъ,
И жизни пошлой битая дорога

Не твой удѣлъ: къ иному ты суждёнъ...
Иную цѣль, цѣль высшихъ наслажденій
Тебѣ давно предназначалъ твой геній.
Остановись! и для мертвящей жизни
Не отдавай младой души своей,
Чтобъ не внушило поздней укоризны
Сознаніе ничтожности твоей;
На поприщѣ служебномъ для отчизны
Не будешь ты полезнѣй и славнѣй.
Еще въ тебѣ такъ силы свѣжи, новы—
Уже-ль на нихъ надѣнешь ты оковы?...
Смѣлѣй-же въ путь съ надеждою крылатой
На поприще и славы и труда!
Всѣмъ существомъ стремися безвозвратно
Чтобы достичь до цѣли благодатной.

Будущій чиновникъ.

Голосъ плѣнительный, голосъ лукавый!
Много сулишь ты мнѣ чести и славы;
Былобъ отрадно мнѣ вѣрить тебѣ,
Что предназначенъ иной я судьбѣ.
Кто-же однако мнѣ будетъ порукой,
Чтобы путь славы не кончился мукой?

Демонъ службы.

Оставь тревожныя мечты!
Услышь совѣтъ благоразумный;
Признайся самъ мнѣ: въ правѣ-ль ты
Судьбы искать блестящей, шумной?

Полно самолюбивыхъ думъ
Волнуется младое племя,
Кипитъ свободный гордый умъ,
И мыслитъ: будетъ наше время,
Узнаемъ мы народный плескъ,
И громъ похвалъ и славы блескъ;
Но время твердою стопой
Наружу истину выводитъ,
И свѣтъ ея мечтаній рой
Отгонитъ прочь, туманъ проходитъ;
И съ настоящимъ примирясь,
Ватага прежняя безумцевъ
Низходитъ въ жизненую грязь,
Въ ханжей-рабовъ—изъ вольнодумцевъ.
Поглотитъ ихъ толпа людей
Обычной пышностью своей.....
Ты не изъ яркихъ исключеній:
Не то, чтобъ глупъ, не то чтобъ геній,
Такъ избери солидный бытъ,
Гдѣ былъ бы счастливъ ты да сытъ.

Будущій чиновникъ (хватая себя за голову).

Горе мнѣ! какіе звуки!
Въ душу голосъ твой проникъ,
И ужь вижу я въ туманѣ
Свой чиновническій ликъ!

[Придвигается къ столу и пишетъ просьбу о принятіи на службу].

ПЕРІОДЪ II.

[Канцелярія присутственнаго мѣста, обширная комната уставленная столами и шкапами, и наполненная чиновниками, изъ которыхъ одни занимаются, другіе хлопочатъ, третьи входятъ и выходятъ, среди этого гула слышится]:

Хоръ чиновниковъ.

Намъ любо и мило
Средь грязныхъ палатъ,
Гдѣ брыжжутъ чернила,
Гдѣ перья скрыпятъ,
Гдѣ вѣчно мы, спины
Согнувши, сидимъ,
Огромной машины
Колеса вертимъ.
Здѣсь нашему брату
Отрадный пріютъ,
И добрую плату
Беремъ мы за трудъ.
Богачь ли счастливый,
Бѣднякъ ли зайдётъ,—
Отъ всѣхъ намъ пожива,
И дань и почётъ.
И казнь и прощенье
И радость и страхъ,
Все въ нашемъ владѣньи,
Все въ нашихъ рукахъ!

Два чиновника (встрѣтясь.)

Первый.

Петръ Карпычъ, будьте мнѣ полезны!

Второй.

Въ чемъ? радъ служить! Дозволитъ-ли законъ?
Чего вамъ?

Первый.

Табачку любезный!
(одинъ подноситъ, другой нюхаетъ)
Въ знакъ благодарности усердный мой поклонъ.

Столоначальникъ (своему помощнику)

Скажите Маркъ Ильичъ, ну кто такъ скверно пишетъ?
Вы думаете все: пройдетъ и такъ авось!
Нѣтъ-съ, Секретарь у насъ все видитъ и все слышитъ.
И этотъ приговоръ теперь хоть даромъ брось!

Другой Столоначальникъ, [принимая бумаги отъ регистраторскаго помощника и отдавая ихъ писцу]:

Замѣтьте здѣсь регистратуры номеръ;
Бумаги всѣ сложите къ сорту сортъ.
(помощнику:)
Скажите, правда-ли, что Маркъ Терентьичъ померъ?
Есть говорятъ изъ Грузіи рапортъ.

Регистраторскій помощникъ.

Да вотъ онъ на лицо! (подаетъ одну изъ бумагъ)

Столоначальникъ.

Благодарю мой Боже!
Такъ дѣло кончено! Доложимъ дня сего же!...

Старикъ столоначальникъ.

Ребята за дѣло!

Пишите дружнѣй!
Что только поспѣло,
Давайте скорѣй!
Готовы ли перья?

Писцы!

Готовы!

Старикъ столоначальникъ.

Вонми! (диктуетъ)
"Крестьянка Лукерья
Свѣчется плетьми" .....

[Въ тоже время въ другомъ углу слышенъ голосъ столоначальника, диктующаго писцамъ: пишите! показаніе крестьянской дѣвки Матрены Неварской: у исповѣди и святаго причастія бываетъ ежегодно, имѣетъ незаконнорожденнаго сына, прижитаго отъ неизвѣстнаго мущины, въ полѣ].

Четвертый столоначальникъ (читая просьбу)

Ахъ, бестія Будылкинъ! снова съ просьбой;
Побили дурака, и подѣломъ, а онъ
Безчестія просить изволитъ,—видишь!
Обиженъ, говоритъ, честь страждетъ. Впрочемъ
[чтожъ?
Кажись не все по формѣ... Дай-ка справлюсь!
(роется въ X томѣ)
И впрямь! вотъ тутъ четырнадцатый пунктъ
Не соблюденъ — такъ съ надписью, пріятель,
Назадъ получишь просьбу; но сперва
Ты подождешь за это, въ наказанье.

Главный начальникъ [входитъ въ комнату. Всѣ опрометью вскакиваютъ съ мѣстъ. Онъ подзываетъ одного изъ секретарей и говоритъ ему]:

У васъ какія неисправности!
Съ прискорбіемъ замѣчу вамъ.
Писцы безъ всякой благонравности,
Безъ уваженія къ чинамъ.
Признайтесь мнѣ: не отмѣчаете
Настольный вовсе вы регистръ?
Вы такъ по службѣ потеряете,—
Что, еслибы узналъ министръ!
По высочайшимъ повелѣніямъ
Имѣете печатный вы указъ?
Да, повторяю съ сожалѣніемъ,
Не ждалъ я этого отъ васъ.

Секретарь.

Заваленъ, право, я работою!
Дѣла въ три тысячи листовъ!
Повѣрьте мнѣ, со всей охотою
Я не могу быть въ срокъ готовъ.

Главный Начальникъ.

Мнѣ дѣла нѣтъ! министръ нашъ требуетъ,
Чтобъ только вѣренъ былъ итогъ.
Я предварилъ васъ такъ какъ слѣдуетъ,
Я сдѣлалъ все, что только могъ.

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІИ.

[Комната настоящаго чиновника, уставленная кипами бумагъ и томами Свода Законовъ. Чиновникъ сидитъ за столомъ и пишетъ].

Таинственный голосъ.

Твоего касаюсь слуха
Вновь теперь какъ прежде я,—
Это-ль дѣятельность духа,
Это-ль цѣль была твоя?
Гдѣ-жъ движенье, гдѣ-же благо,
Сердца искренній призывъ,
Благородныхъ душъ отвага,
Прежнихъ лѣтъ твоихъ порывъ?
Ты не тотъ, какимъ былъ прежде,
Съ строго честною душой,
Довѣрявшійся надеждѣ,
Обольщавшійся мечтой...
Ты отвергнулъ путь спасенья,
Былъ ты глухъ на голосъ мой—
Прозябай же безъ стремленья
И коснѣй своей душой!

[Чиновникъ, среди занятій не слыхавшій таинственнаго голоса, кладетъ перо, зѣваетъ на креслахъ, придвигается къ окошку и задумывается].

Пятнадцать лѣтъ служу я! каждый день
Хожу въ присутствіе, и съ совѣстью спокойной
Могу сказать себѣ, что долгъ служебный свой
Я исполнялъ усердно и достойно.
И счастливъ я: моя прекрасная жена
Толпой рѣзвящихся дѣтей окружена.
Лишь орденъ бы еще мнѣ дали для почёта,
Да денегъ отъ казны, да генеральскій чинъ,
Тогда-бъ я сталъ служить безъ скучнаго разсчёта,
Чиновникъ ревностный и добрый семьянинъ.

(растворяетъ окно)

А! праздникъ нынѣ! всѣ толпится на гулянье!
Туда и модники, туда бородачи!
Вотъ сколько молодыхъ въ курьозномъ одѣяньи...
Спѣсивый все народъ—и вѣрно богачи.
Я ихъ не жалую—они народъ ученый,
И смотрятъ всѣ на насъ, какъ будто, право, мы
Здѣсь безполезный классъ, на плутни лишь
[смышленный...
Что-жъ ихъ работаютъ великіе умы?

Демонъ службы.

Они кружатся въ вихрѣ свѣта
Толпою жалкою невѣждъ,
И полны ихъ младыя лѣта,
Пустыхъ рѣчей, пустыхъ надеждъ.
Любовь къ отчизнѣ производитъ
И въ ихъ сердцахъ какой-то жаръ,
Но ихъ безъ пользы жизнь проходитъ,
Но ихъ любви безплоденъ даръ,
Они для ней остались чужды,
Не постигая межъ собой
Ея дѣйствительныя нужды.
Привычно имъ страны родной,
Среди поверхностныхъ сужденій
О томъ, что̀ стыдно имъ не знать,
Такъ много сложныхъ учрежденій
Безумной рѣчью порицать.

Чиновникъ.

Да это такъ! Служа по части судной,

Могу сказать, что это такъ!... Но я
Работой утомился многотрудной,
И отдыхъ вѣрно подкрѣпить меня (засыпаетъ)

Таинственный голосъ.

Нѣтъ не помыслъ благородный
Движетъ весь чиновный людъ,
Вызываетъ умъ холодный
На безплодный, мнимый трудъ!
Мысль о славѣ и безславьѣ
Не волнуетъ вашу кровь,
Въ васъ живетъ одно тщеславье,
Мелкихъ почестей любовь!

Хоръ добрыхъ геніевъ, (витающихъ около спящаго)

О тебѣ мы пожалѣемъ,
Ты работой утомленъ,
Поласкаемъ, полелѣемъ,
И пошлемъ пріятный сонъ.

Первый геній.

Что тебѣ пророчить смѣю
Примешь къ сердцу горячо—
Анны крестъ тебѣ на шею,
Станислава чрезъ плечо!

Второй геній.

И другаго жди патента,
Только службѣ вѣренъ будь,
Ляжетъ анненская лента
Широко тебѣ на грудь.

Третій геній.

Будь Ѳемиды обороной
И получишь знакъ иной,
Съ императорской короной,
Съ осьмигранною звѣздой.

[Чиновникъ сквозь сонъ улыбается и простираетъ руки.]

Всѣ вмѣстѣ.

Простираетъ онъ объятья,
Лентъ и звѣздъ желаетъ онъ,
Мы ему послали братья
Улыбающійся сонъ.

[входитъ курьеръ.]

Курьеръ.

Его сіятельство прислалъ меня съ пакетомъ.

Чиновникъ (вскакивая).

Его сіятельство? съ пакетомъ?—Дай сюда!

(беретъ пакетъ и какъ бы взвѣшиваетъ его.)

Что можетъ заключаться въ этомъ?
Награда-ль моего недавняго труда,
Иль приказаніе, иль выговоръ быть можетъ?
Послѣднее меня чувствительно тревожитъ,
Что если выговоръ?

(смотритъ на стѣнные часы.)

Часы бѣгутъ пока...
Дай распечатаю... дрожитъ моя рука...

(распечатываетъ. Изъ пакета выпадаетъ крестъ Анны 2-й степени. Чиновникъ поспѣшно подхватываетъ его.)

Что это? боже мой! глазамъ своимъ не вѣрю!

На шею Анны крестъ! Давай же я примѣрю!
Вотъ радостный сюрпризъ! Какъ благодаренъ я
Его сіятельству и вся моя семья!
(передъ зеркаломъ)
Надѣть его... вотъ такъ... чтобъ былъ онъ видѣнъ
[цѣлый
На черномъ галстухѣ и на манишкѣ бѣлой!

Курьеръ.

Съ монаршей милостью.

Чиновникъ.

Спасибо, братъ курьеръ...
Вотъ пять рублей тебѣ: пей за мое здоровье!
(подаетъ курьеру синенькую, тотъ кланяется и уходитъ.)
Ну, зависть Трухмина теперь не знаетъ мѣры!
Онъ все безъ ордена, терпѣніе воловье!
Однако написать къ Суханову скорѣй,
Чтобы прислалъ аршинъ онъ орденской мнѣ ленты,
(пишетъ записку)
А полученные сегодня мной пакеты
Пойду я показать женѣ моей!
(собирается идти; но вдругъ останавливается и ударяетъ себя по лбу)
Что-жъ это я дуракъ здѣсь даромъ время трачу?
Къ его сіятельству поѣхать мнѣ на дачу,
Благодарить его. Я будто-бы во снѣ
Все вижу... Прошка! Эй, поди сюда ко мнѣ!
(входитъ Прошка. Чиновникъ отдаетъ ему записку.)
Ты эту отнесешь къ Суханову бумагу
И приготовишь мнѣ мундиръ и шпагу,
(уходитъ).

ПЕРІОДЪ III.

[Чиновникъ старикъ дряхлый и слабый лежитъ въ креслахъ. Грусть выражается на его лицѣ. На животъ накинутъ мундиръ, украшенный звѣздой.]

Чиновникъ.

Мой путь свершенъ. И на краю могилы
Я вспоминаю все, о чемъ давно забылъ!
Куда бывалыя свои растратилъ силы?
Съ какою цѣлію и для чего я жилъ?
Когда назадъ я мыслью обращаюсь,
Прошедшее окину взоромъ я,
Скорблю тогда и духомъ я смущаюсь:
Какая жизнь ничтожная моя!
И грустно думать мнѣ, что тщетно я трудился,
Что даромъ отдалъ жизнь на жертву службѣ я,
Что труженикомъ здѣсь ничтожнымъ я явился,
Что не своей я шелъ дорогой бытія!
Что отъ моей усердной, долгой жизни,
Отъ моего служебнаго труда,
Ни пользы никому, ни блага для отчизны,
Ни свѣтлой памяти, ни славнаго слѣда.
О тяжело! во мнѣ проснулись снова,
Всѣ прежнія движенія души!
Я будто слышу вновь таинственное слово,
Давно будившее меня въ ночной тиши.

Таинственный голосъ.

Да! вновь къ тебѣ я слово обращаю,
И въ грудь твою проникнетъ рѣчь моя.

Поймешь теперь, что я тебѣ вѣщаю,
И что тебѣ вѣщалъ бывало я!
Называютъ люди счастьемъ
Жизнь подобную твоей,
Не смущенную ненастьемъ,
И не знавшую страстей;
Но губительно вліянье
Этой жизни пустоты,
Но опасно обаянье
Безнадежной слѣпоты...
Отдалъ ты за горькій опытъ
Жизни всѣ свои лѣта,
И теперь невольный ропотъ
Издаютъ твои уста!
Ты къ иному былъ назначенъ:
Жребій тотъ тобой утраченъ,
И постигнуть не умѣлъ
Ты свой истинный удѣлъ.
Помню я: живое чувство,
И науки и искуства,
Благородная любовь
Волновали сильно кровь.
Еслибъ перваго призванья
Ты послушался вліянья
Понесенные труды
Далибъ вѣчные плоды.
Средь превратныхъ наслажденій,
Средь возвышенныхъ мгновеній,
Протекла бы жизнь твоя
Съ чувствомъ свѣтлымъ бытія!

Тщетно все! передъ собою
Видишь даромъ прожитою
Жизнь свою! Отрады нѣтъ!
Не воротишь прежнихъ лѣтъ!

[Чиновникъ въ ужасѣ содрогается.]

Демонъ службы.

Въ обширномъ поприщѣ служебнаго труда
Есть много отраслей и дѣятелей много...
Но къ полученію великаго плода
Ведетъ не всѣмъ доступная дорога...
Одни—и много ихъ, правительственныхъ думъ
Орудья вѣрныя и нужныя пружины;
Полезенъ ихъ всегда покорный умъ
Для государственной въ движеніи машины;
И счастье мирное ихъ наполняетъ грудь,
Безъ гордыхъ помысловъ и безъ душевной [страсти;
Но не для нихъ иной богатый славы путь,
Не имъ удѣлъ правленія и власти...
Да! удѣлъ оно не многихъ
Свыше избранныхъ людей,
Духомъ твердыхъ, духомъ строгихъ,
Цѣли преданныхъ своей.
Благородной страсти жаромъ
Сердце въ нихъ воспалено,
И чело высокимъ даромъ
Отъ небесъ озарено!...
Но если не горитъ въ груди особый даръ,
Но если въ сердцѣ къ власти нѣтъ призванья,

И пылъ стремленія лишь юной крови жаръ
Хладѣющій отъ испытанья,
То пусть служебнаго онъ поприща бѣжитъ,
Далеко отъ его однообразной скуки,
Пусть свѣжестью души и чувствомъ дорожитъ
Подъ сѣнію искуства иль науки !...

Чиновникъ.

Да ясно мнѣ теперь утраченное мною,
Невозвратимое ничѣмъ ужъ на землѣ !
Я съ чувствомъ пламеннымъ, съ трепещущей [душою
Призванью чуждому пожертвовалъ собою,
Самъ провлачилъ всю жизнь въ какой-то мглѣ.
Теперь лишь страшное свершилось пробужденье,
И правды поздней блескъ мнѣ очи просвѣтилъ.
Я близорукаго расчета заблужденье
Цѣною жизни искупилъ !

[Умираетъ.]

Таинственный голосъ.

Миръ тебѣ ! не путь избранный
Былъ твой истинный удѣлъ,
И талантъ отъ Бога данный
Ты направить не умѣлъ !

ЭПИЛОГЪ.

[Великолѣпные похороны. Народъ останавливается и смотритъ.]

Одинъ.

Э! какъ знатно! должно быть важный!

Другой.

На подушкахъ несутъ звѣзды... Вѣрно чиновникъ.

Третій.

А вѣдь, говорятъ, былъ такъ—простой дворянинъ; дослужился, видишь... Ну, да вѣдь не всякому такое счастье!

[Проходятъ.]

ЕЩЕ ДВОЕ.

Первый.

Кто покойникъ? какъ слышно?

Второй.

Не знаю! по приходу хвалятъ.

Первый.

Ну, царствіе ему небесное!

[Уходятъ.]

Женскій голосъ.

А скажите, батюшка, знатный былъ человѣкъ?

Мужской голосъ.

Чортъ его знаетъ: Сенаторъ не Сенаторъ..... служилъ гдѣ-то.

Пономарь.

Предполагать должно, что высокій чиновникъ.

Кто-то изъ толпы.

Чиновникъ? а!... ну такъ вѣрно былъ мошенникъ.

МОЛИТВА.

"Не дай намъ духа празднословья!"
И такъ—отъ нынѣшняго дня
Ты, въ силу нашего условья,
Молитвъ не требуй отъ меня.

ИМЯНИННИКУ.*

(Пропущенное стихотвореніе Полежаева)

Что могу тебѣ Лазовской
Подарить для имянинъ :
Я по милости бѣсовской
Очень бѣдный господинъ !...
Въ стоицизмѣ самомъ строгомъ
Я живу безъ серебра
И въ шатрѣ моемъ убогомъ
Нѣтъ богатства и добра,
Кромѣ сабли и пера !...
Жалко споря съ гнѣвной службой
Я ни геній, ни солдатъ,
И одной твоею дружбой
Въ долѣ пагубной богатъ !
Дружба, неба даръ священный
Рай земнаго бытія !...
Чѣмъ же, другъ неоцѣненный,
Заплачу за дружбу я ?

* См. посланіе передъ пѣсней—Арестантъ :
"Ты мнѣ чужой... не съ давнихъ лѣтъ." и. т. д.

Дружбой чистой, неизмѣнной,
Дружбой сердца на обмѣнъ:
Плѣнъ торжественный за плѣнъ!
Посмотри, невольникъ страждетъ
Въ непріятельскихъ цѣпяхъ
И напрасно воли жаждетъ,
Какъ источника въ степяхъ!...
Такъ и я могучей силой
Предназначенный тебѣ,
Не могу уже, мой милый,
Перекорствовать судьбѣ,
Не могу сказать я вольно;
Ты чужой мнѣ, я не твой!
Было время и довольно!....

ЧУВСТВОВАНІЯ РОССІЯНИНА ПРИ ГРОБѢ ПАВЛА I.

Се видишь смертный прахъ владѣтеля того,
Россія зрѣла въ комъ тирана своего;
Калигула, Неронъ, въ теоріи что знали,
То Россы отъ него на дѣлѣ испытали;
Вся внутренность его геенною пылала,
Злодѣйская рука невинныхъ убивала.
Се адомъ ослѣпленъ сыновъ своихъ терзалъ,
Великій росскій людъ на вѣки бы упалъ;
Но мстительнымъ огнемъ все небо воспылало,
Владыка гордый палъ, и солнце возсіяло.

ЭПИТАФІЯ.

Не песъ-ли тутъ лежитъ, что такъ воняетъ стервой?
Нѣтъ! Это Павелъ первой.

Русскій императоръ
Въ вѣчность отошелъ,
Ему операторъ
Брюхо распоролъ.
Плачетъ государство,
Плачетъ весь народъ,
Ѣдетъ къ намъ на царство
Константинъ уродъ;
Но царю вселенной,
Богу высшихъ силъ,
Царь благословенный
Грамотку вручилъ.
Грамотку читая
Сжалился творецъ,
Далъ намъ Николая,
С.... с... подлецъ!

Когда онъ въ вѣчность преселился
Нашъ незабвенный Николай—
Къ Петру апостолу явился,
Чтобъ дверь ему онъ отперъ въ рай.
" Ты кто?—спросилъ его ключарь.
—" Какъ кто? Извѣстный русскій царь. "—
"Ты царь, такъ подожди немного,
Ты знаешь въ рай трудна дорога,
Къ тому же райскія врата
Узеньки, видишь тѣснота."
—" Да что же это все за сбродъ?
Цари, или простой народъ?"—
"Ты не узналъ своихъ! Вѣдь это Россіяне,
Твои бездушные дворяне,
А это вольные крестьяне,
Они всѣ по міру пошли,
А нищіе къ намъ въ рай пришли."
Тогда подумалъ Николай:
Такъ вотъ какъ достигаютъ въ рай!
И пишетъ къ сыну: " Милый Саша!
Плоха на небѣ доля наша,
Коль подданныхъ своихъ ты любишь—
Богатствомъ только ихъ погубишь,
А если хочешь въ рай ввести—
Такъ всѣхъ ихъ по міру пусти!"

ПРИ ИЗВѢСТІИ О ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

(князя А. Одоевскаго).

Недвижимы, какъ мертвые въ гробахъ,
Невольно мы въ болѣзненыхъ сердцахъ
Хоронимъ чувствъ привычные порывы;
Но ихъ объялъ еще не вѣчный сонъ,
Еще струна издастъ бывалый звонъ,
Она дрожитъ—еще мы живы!

Едва дошелъ съ далекихъ береговъ
Небесный звукъ спадающихъ оковъ
И вздрогнули въ сердцахъ живыя струны:
Всѣ чувства вдругъ въ созвучіе слились.....
Нѣтъ, струны въ нихъ еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцемъ юны!

И въ комъ оно отъ чувствъ не задрожитъ!
Вы слышите: на Вислѣ брань кипитъ,—
Тамъ съ Русью Ляхъ воюетъ за свободу
И въ шумѣ битвъ поетъ за упокой
Несчастныхъ жертвъ, проливших лучь святой
Въ спасенье русскому народу.

Мы братья ихъ!... Святыя имена
Еще горятъ въ душѣ: она полна
Ихъ образовъ, и мыслей, и страданій.
Въ ихъ имени таится чудный звукъ:
Въ насъ будитъ онъ всю грусть минувшихъ мукъ,
Всю цѣпь возвышенныхъ мечтаній.

Нѣтъ, въ насъ еще не гаснутъ ихъ мечты!
У насъ въ сердца ихъ врѣзаны черты,
Какъ имена въ надгробный камень.
Лишь вспыхнетъ огнь во глубинѣ сердецъ,
Пять жертвъ встаютъ предъ нами; какъ вѣнецъ,
Вкругъ выи вьется синій пламень.

Сей огнь пожжетъ чело ихъ палачей,
Когда предъ судъ властителя царей
И палачи и жертвы станутъ рядомъ.....
Да судитъ Богъ!... А насъ, мои друзья,
Пускай утѣшитъ мирная кутья
Своимъ таинственнымъ обрядомъ.

1831.

ПРОПУЩЕННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ РЫЛѢЕВА.

Ужъ какъ шелъ кузнецъ
Да изъ кузницы,
Слава!

Несъ кузнецъ
Три ножа,
Слава!

Первый ножъ
На бояръ, на вельможъ,
Слава!

Второй ножъ
На поповъ на святошъ,
Слава!

А молитву сотворя
Третій ножъ на царя,
Слава!

СОВРЕМЕННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Долго насъ помѣщики душили,
Становые били
И привыкли всякому злодѣю
Подставлять мы шею.
Въ страхѣ насъ квартальные держали,
Нѣмцы муштровали;
Про царей попы твердили міру,
Съ пьяну или съ жиру,
Что самъ богъ помазалъ ихъ елеемъ—
Какже пикнуть смѣемъ?...
Мы вѣдь глупы, какъ овечье стадо—
Стричь да бить насъ надо.
Вколотили въ насъ съизмальства:
"Знай одно начальство!"
Да и долго-ль до напасти?...
Покоримся власти.

***

Царь тамъ въ Питерѣ сидитъ, не слышитъ,
Все указы пишетъ,

А указъ какъ бисеромъ нанизанъ,
Не при насъ лишь писанъ.
Какъ его ты не читаешь,
Все не понимаешь.

***

Всякой бутарь звалъ себя съ нахальствомъ
Малымъ начальствомъ.
Видно всѣхъ ихъ, Господи ты Боже,
Мазалъ масломъ тоже.

***

Кто слыхалъ о 25мъ годѣ
Въ крещеномъ народѣ,
Какъ собрались на злодѣевъ
Кондратій Рылѣевъ
Да полковникъ Пестель
Да еще другіе
Бояре лихіе?
Не съумѣли въ тѣ поры мы смѣло
Отстоять ихъ дѣло—
А сложили Пестель да Кондратій
Головы за братій.

ПРИМѢЧАНІЯ :

Стр. 63. Послѣ 28-й строки пропущены два стиха :

Чего надо не достанетъ,
Или съ умысломъ солжётъ.

Стр. 65. Послѣ 5-го стиха есть пропускъ; мы не могли его пополнить по двумъ рукописямъ, у насъ имѣвшимся.

Стр. 69. Вечерняя прогулка, помѣщенная въ нашей рукописи между стихотвореніями Пушкина, принадлежитъ Полежаеву.

Стр. 72. Первая ночь брака. Иные приписываютъ Полежаеву, другіе Пушкину. Едва-ли это стихотвореніе Полежаева, стихъ не его, да и сюжетъ ему, никогда не женатому, едва-ли бы пришелъ въ голову,—какъ вовсе не взятый изъ его личной жизни.

Стр. 79. Эпиграмма на Канкрина не приписывается Пушкину.

„ 85. Эпиграмма на Глинку не приписывается Пушкину.

„ 91. Эпиграмма на Вигеля—не Пушкина.

„ 93. Эпитафія духовнику Анны Львовны приписывается не Пушкину, а Соболевскому.

Стр. 120. Седьмой стихъ означенный точками : Любовь къ общественному благу.

Стр. 141. Въ строфѣ XVII—два раза : "разсуждать" заставляетъ предполагать ошибку, которой мы не могли исправить.

Стр. 164. Арестантъ. Двѣ рукописи лучшей поэмы Полежаева, бывшія у насъ, содержали одни и тѣже пропуски. Отъ этого столько точекъ. Если у кого есть болѣе полная рукопись, онъ очень обяжетъ насъ прислави её; мы могли бы, въ слѣдующемъ выпускѣ, пополнить недостающія мѣста.

Стр. 188. "Свободы гордой вдохновенье"... Это стихотвореніе Рылѣева, а не Языкова.

Стр. 257. "Одичалый"—стихотвореніе Батенкова. Батенковъ двадцать лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, не говоря ни слова. Два сторожа вмѣстѣ носили ему пищу, наблюдая другъ за другомъ, чтобы ни одинъ не говорилъ съ заключеннымъ. Таково было личное приказаніе Николая Павловича. Выпущенный черезъ 20 лѣтъ, Батенковъ съ удивленіемъ прочелъ новыя имена въ русской литературѣ, обрадовался славѣ Пушкина, и изумился, встрѣтивъ въ газетахъ имя Графа Клейнмихеля, служившаго во время оно на побѣгушкахъ у Аракчеева, при которомъ находился и Батенковъ. Внутренно—тюрьма ни на волосъ не измѣнила мученика.

Стр. 259. "Посланіе къ друзьямъ"—стихотвореніе Рылѣева.

„ 350. "Собачій пиръ." Послѣ 6-го стиха въ рукописи былъ пропускъ, котораго мы не могли пополнить.

Стр. 400. Послѣ 13-го стиха пропускъ въ рукописи.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	Читай:
Стр. 22, строчка 5 и 6 одинъ стихъ:	Марія, въ хлопотахъ, наслѣдника стращаетъ.
„ 30, строч. 11. Знатію.	Знатью.
„ 44, „ 12. Съ наперсникомъ любимымъ побалтать	Съ наперсникомъ мы любимъ побалтать
„ 63, строч. 1. Паложилъ.	Изложилъ.
„ 64, строч. 6. И во всѣ концы земли.	И во всѣ земли концы.
„ 77, строч. 11 и 12 одинъ стихъ:	Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, [въ Аѳинахъ Периклесъ.
„ 87, Послѣднія двѣ строки одинъ стихъ:	А мальчикъ одѣчалъ—мнѣ хо- [чется на дворъ.
„ 93, строч. 9. Сергѣевной.	Сергѣвной.
„ 95, „ 8. Гдѣ стоятъ.	Гдѣ всѣ стоятъ.
„ 136, „ 3. Сашеньки.	Сашенькинъ.
„ 139, строфа XIII, строч. 5. плачевный.	плаксивый.
„ 143, строфа XXI, строч. 1. веселье.	волненье.
„ 151, Послѣдній стихъ: Всѣ было тихо и покойно...	Все было тихо. Неспокойно

Напечатано	Читай
Стр. 152, строфа IV, стихъ 5.	
Летятъ.	Летаютъ.
„ „ „ 7.	
Освѣтятъ.	Освѣщаютъ
„ 155, строч. 6.	
Дѣвушкамъ же имъ.	Дѣвушкамъ онъ имъ.
„ „ стро. X, стихъ 7. И всѣ.	И всякъ.
„ 181, Послѣдніе два стиха :	
И упадетъ !	И упадетъ,
И пропадетъ,	И пропадетъ !
„ 212, строч. 9. Онъ видитъ... горъ надъ всей вселенной	Онъ видитъ... гордо надъ вселенной
„ 247, строч. 3. Подъ кровь.	Подъ кровъ.
„ 250, „ 13. Вы судіи а правду ложь.	Вы судіи !—а правду ложь
„ 272, „ 22 и 23.	
И хладнокровно приступаютъ	И хладнокровно приступаетъ
Къ позорной куплѣ : старый плутъ.	Къ позорной куплѣ старый плутъ,
„ 275, строч. 14. Не хочетъ.	Но хочетъ.
„ 288, стихъ 7. Участіи.	Участи.
„ „ „ 13. Удачный.	Удачнѣй.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе Н. Огарева III

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

СТИХОТВОРЕНІЯ ВЪ РАЗНЫХЪ РОДАХЪ:

Христосъ воскресъ 3
Ода на свободу 5
Кинжалъ 9
В. Л. Пушкину 11
Посланіе къ Чаадаеву 15
Посланіе къ М. Орлову 16
Деревня 18
По прочтеніи Байронова Канна 21
Сказка 22
Въ Сибирь 24
Свѣтель 25
На выздоровленіе Лукулла 26
Мѣщанинъ 28
Моя Родословная 31
Мірская власть 32

На наводненіе 33
Пестелю .. .. „
Десятая заповѣдь 34
Къ Олениной 35
Къ Х..... 36
Лидинькѣ 37
Нѣтъ! я не дорожу..... 39

СТИХОТВОРЕНІЯ ЭРОТИЧЕСКІЯ:

Гавриліада 40
Царь Никита 60
Вечерняя прогулка 69
Первая ночь брака (посланіе къ другу) 72

ЭПИГРАММЫ:

Про себя 77
Къ портрету П. Я. Чаадаева .. .. .. „
Аракчееву 78
Ему-же .. .. „
На воцареніе Александра .. .. „
Канкрину 79
Подражаніе французскому .. .. .. „
Фонарь .. .. „
Воронцову 80
Ему-же .. .. „
Екатерина II. 81
Павлу I. .. .. „
Александровская колонна.. .. .. „
Императору Николаю 82
Ему-же .. .. „

Къ бюсту Николая	82
Голицыну	83
Встарь Голицынъ мудрость вѣсилъ	»
В. С.	»
На Исторію Карамзина	84
Варіантъ	»
Жуковскому	»
Варіантъ	»
Ѳ. Глинкѣ	85
Сѣверину	»
Каченовскому	»
Цензору Красовскому	86
Князю Дундукову Корсакову	»
Князю А. Н. Голицыну	»
Воейкову	87
Шаликову	»
На Булгарина	88
Бороздину	91
Вигелю	»
Андрею Муравьеву	»
Льву Сергѣевичу Пушкину	92
Экспромтъ (ему-же)	»
Агафьѣ	»
На смерть тетушки Анны Львовны	93
Эпитафія духовнику Анны Львовны	»
Фотію	94
Граф. А. А. Орловой	»
Разговоръ Фотія съ Орловой	»
Т.....у	95

Архіерей 95
А. Ѳ. Орлову .. .. ,,
Д—ой 96
Христосъ воскресъ моя Ревекка .. .. .. ,,
Подписи къ картинкамъ изъ Онѣгина въ Невскомъ Альманахѣ 97
Ты и Я (Къ...) 98
Отъ всенощной, вечеръ идя домой 99
Она придетъ, она придетъ .. .. .. ,,

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ:

Пропущенныя мѣста въ изданіи Анненкова 100

ПРОПУЩЕННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ:

Друзьямъ на выступленіе гвардіи 107

ПѢСНИ РЫЛѢЕВА И БЕСТУЖЕВА:

Ахъ гдѣ тѣ острова 111
Пѣсня 114
Пѣсня 116

Пѣсня (К...ой).. 117

СТИХОТВОРЕНІЯ РЫЛѢЕВА:

Гражданинъ 118
Гражданское мужество 119
Видѣніе 123
Къ Временщику 127
На смерть Чернова (Кюхельбекера) 129

СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПОЛЕЖАЕВА:

Сашка 133

Арестантъ 164
Четыре Націи 179

СТИХОТВОРЕНІЯ ЯЗЫКОВА :

Н. Д. Киселеву 185
Свободы гордой вдохновенье 188
Элегія 189
Кому достанется она 190

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО :

Русскій Богъ 191
Сравненіе Петербурга съ Москвой 193

Конь (басня Крылова) 195

СТИХОТВОРЕНІЯ Д. ДАВЫДОВА :

Дамѣ при отъѣздѣ на войну 1826 197
Богомолка 198
Голова и ноги (басня) 199

Цапли (Баратынскаго) 201
Подражаніе Беранже (барона Дельвига) 202
Насильственный бракъ (гр. Ростопчиной) 204
На смерть Пушкина (Лермонтова) 208

СТИХОТВОРЕНІЯ ХОМЯКОВА :

1831 годъ 211
Гаснетъ мѣсяцъ Истамбула. 213
Преданіе 214
Идиллія 215

Вставайте, оковы распались 217
Не гордись передъ Бѣлградомъ 219
Тебя призвалъ на брань святую 220
Судъ божій 222
Жаль мнѣ васъ людей безсонныхъ 223
Подводный городъ 224

СТИХОТВОРЕНІЯ К. АКСАКОВА:

Моимъ друзьямъ 227
Пустъ гибнетъ все, къ чему сурово 229
Отрывокъ изъ посланія къ N. N. 231
Петру Великому 234

Отвѣтъ Аксакову (Дмитріева) 238
Фонарики (Митлева) 240

СТИХОТВОРЕНІЯ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ:

А. В. Шереметеву 247
Переложеніе 81 Псалма 249
Декабристамъ 254
Не слышно шуму городскаго 255
Одичалый (Батенкова) 257
Посланіе къ друзьямъ (Рылѣева) 259
Наполеонъ 266
На смерть помѣщика Оленина 268
Братья разбойники 284
Басня 288
Помойная яма (басня) 290
Сказка 291
Подражаніе Гете 295

Когда нашъ Новгородъ Великій 297
Пускай въ Россіи нѣтъ дворянъ 298
Друзьямъ въ Россіи (Мицкевича, переводъ съ польскаго). 300
Городъ страданія. 302
Москва 1846 Марта 1-го 304
Нѣтъ, не рожденъ я биться лбомъ 305
Изъ апостола Іоанна 306
Торжество смерти (В. Печерина.) 308
Вечеръ въ Тріанонѣ 332
Человѣкъ 340
Праведники 343
Добро-бъ мечты, добро бы страсти 347
Собачій пиръ (переводъ изъ Барбье). 350
Вѣра и любовь (изъ Беранже) 355
Кнутъ (подражаніе вѣткѣ Палестины Лермонтова) .. 358
Кнутъ 360
Споръ (двухъ Державиныхъ, одного извѣстнаго стихотворца, а другаго оберъ-священника, члена синода). 362
Разговоръ въ 1849 году 370
Пародія (воронъ къ ворону летитъ) 375
Споръ (пародія на балладу Лермонтова) 376
Wintermaærchen (изъ Гейне) 380
Два рыцаря (подражаніе Гейне, изъ Романсеро) .. 382
Пародія 385
Кавеньякъ, говоритъ 386
В. Г. Бѣлинскій 388
Свободное слово 395
Жизнь чиновника (мистерія въ 3-хъ періодахъ.) .. 397
Молитва 417
Имянинникуу (пропущенное стихотвореніе Полежаева) .. 418

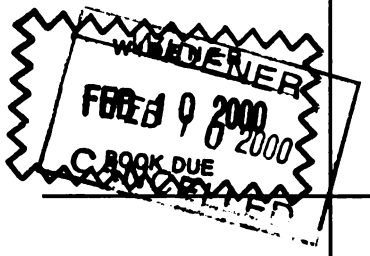
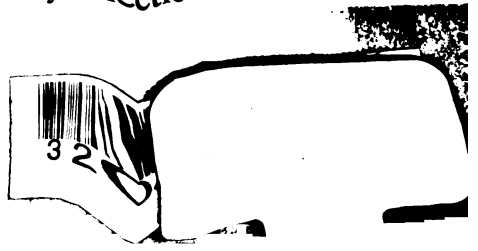
Чувствованія Россіянина при гробѣ Навла I и Эпитафія. 420
Русскій императоръ 421
Когда онъ въ вѣчность преселился 422
При извѣстіи о польской революціи (кн. А. Одоевскаго). 423
Пропущенное стихотвореніе Рылѣева 424
Современное стихотвореніе 426

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи
5, Thornhill Place, Caledonian Road, London, N.

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

Non-receipt of overdue notices does ***not*** *exempt the borrower from overdue fines.*

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413



Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.